

Заткнитесь и удержите
Татьяна
Бочарова

Для быстрого ископаемого
Ленин
Скрипачка

A composite image featuring a woman with dark, curly hair and red lipstick, looking thoughtfully to the right. She is wearing a white top. In the lower right corner, a violin and its bow are visible. The background is split: the left side is white with faint, handwritten Russian text, and the right side is a vibrant red with a white lightning bolt striking downwards. The overall mood is artistic and dramatic.

«... Благодатно устроена человеческая
память: темные и горькие моменты
стираются из нее, а светлые — остаются,
становятся ярче...»

Annotation

Ужасное событие произошло в оркестре. Убит пользующийся европейской славой дирижер. Все улики против одного человека, того, кто лучше всех на свете, того, кто больше всех страдал, того, кого любит Скрипачка.

И тогда она решает одна идти против всех, вопреки логике, вопреки здравому смыслу и очевидным фактам. Потому что это — ЛЮБОВЬ.

Татяна Бочарова

Скрипачка

— Заткнитесь и уберите свою пачкотню! — Павел Тимофеевич перевел взгляд с гудящего, словно улей, оркестра на партитуру. — Играем с тридцать четвертой цифры. И попрошу без сюрпризов.

Аля быстро искоса посмотрела на сидящую справа Ленку. Лицо у той было бледным, утомленным, но она едва заметно улыбнулась Але и подмигнула. Репетиция шла без перерыва третий час, и у Али от долгого сидения в постоянном напряжении на самом краешке стула тупо ныл позвоночник. Она вздохнула, пошевелила налитыми тяжестью пальцами, подняла повыше скрипку и услышала шепот Ирки Сухаревской, концертмейстера оркестра:

— Давайте, девочки, посерьезней. Иначе нам перерыва не видать.

Аля презрительно сморщила нос: «Ой, какие мы строгие, боже мой! Можно подумать, от нас, скрипачей, что-нибудь зависит. Киксуют-то духовики». Но вслух, конечно, ничего не сказала, а только послушно кивнула. С Иркой лучше не связываться.

Кретов взмахнул палочкой, и оркестр загремел, дружно и слаженно, как один могучий, совершенный инструмент.

«Классно!» Аля невольно распрямила плечи, чувствуя, как отпускает усталость, а на смену ей приходит ощущение силы и единства, связывающего сейчас все девянство с лишним оркестрантов. Пожалуй, ради этих минут можно забыть ушат помоев, которые ежедневно выливает на их головы Кретов, бесконечные повторы, от которых начинает рябить в глазах и руки устают...

— Стоп!!

Аля вздрогнула от неожиданности. А она-то, дура, расчувствовалась!

Кретов в бешенстве швырнул палочку, лицо его постепенно наливалось кровью.

— Флейта! — угрожающе прошипел он. — Что играет флейта? Я спрашиваю вас, Рыбаков!

«Только не это, — с тоской подумала Аля. — Все что угодно, но не это».

Флейтист Валерка Рыбаков опустил инструмент и молча смотрел на дирижера. Остальные отводили глаза. Все бешено устали, и всем было неловко.

— Сколько можно делать вам замечания? — зло проговорил Кретов. — На чем вы играете? На унитазе?

Кто-то придушенно хихикнул, кто-то кашлянул. Алька почувствовала, как внутри у нее начинает что-то подниматься, вот доходит до ложечки, до груди, до горла. На ее правое плечо легла рука подруги.

— Сидеть! — шепотом скомандовала Ленка.

Эх, Ленка, золото Ленка, понимает все без слов. Знает, что Алька может не выдержать из-за Валерки. Ляпнет что-нибудь — и прощай оркестр, прощайте гастролы, приличная зарплата. А ей, Але, еще долги отдавать за купленную в Москве девятиметровую комнату. Она не шевелясь смотрела, как Валерино лицо постепенно теряет краску, словно отмокает в «Асе».

— Я, Павел Тимофеевич, играю на флейте. — Голос Рыбакова не предвещал ничего хорошего.

Пальцы Кретова вдруг с силой впились в узел галстука, пытаясь ослабить его, будто

дирижеру внезапно перестало хватать воздуха.

«Молчи! — мысленно попросила Валеру Алька. — Просто промолчи, и все будет хорошо. Крет явно не в себе. Не отвечай ему, он успокоится и отпустит нас на перерыв! Только молчи!»

Рыбаков, будто услышав Алькины слова, сдержался и ничего не сказал. Но это не помогло.

— Вон!!! — Кретов заорал это с такой силой, что Сухаревская, подтягивающая в это время волос на смычке, выронила его на пол. — Сейчас же вон! Вы у меня больше не работаете. Убирайтесь, ищите где вас возьмут, Христа ради, с вашими семейными обстоятельствами.

Валера дернулся, словно его ударили, помрачнел еще больше и надвинулся на дирижера. Павел Тимофеевич невольно отпрянул, тяжело дыша и шаря по карманам в поисках платка.

— Я, конечно, уйду, — тихо, сквозь зубы, выдавил Рыбаков, — но и вы не сможете вот так бесконечно всех унижать, вам это даром не пройдет!

Багровость схлынула с лица Кретова, и оно стало пепельно-серым, руки затряслись, в глазах застыл дикий страх. Он выглядел так, словно Валерка уже вытащил из кармана нож.

Алька даже опешила от такой странной реакции дирижера на в общем-то расхожие, хоть и неприятные Валерины слова. Рыбаков давно собрал инструмент и вышел из зала, а Павел Тимофеевич все стоял, застыв в одной позе, не замечая устремленных на него взглядов оркестрантов.

— Крет совсем умом тронулся, — тихонько шепнула Алька подруге. Та согласно кивнула.

Кретов наконец вышел из оцепенения, промокнул платком мокрую шею, нетвердой рукой поднял палочку.

— Последний раз от тридцать четвертой. — Голос его был хриплым и противно дребезжал.

В воздухе замелькали смычки, демонстрируя готовность оркестра номер один.

Фугу проехали кое-как, явно гораздо хуже, чем в прошлый раз, но Кретов больше не сделал ни одного замечания и тут же, по окончании игры, отпустил оркестр на перерыв. Через пять минут Аля и Ленка уже сидели в буфете, попивая кофе и с наслаждением делая глубокие затяжки. За столик к ним подсели альтист Алик Копчевский и контрабасист Слава Зубец.

— Ну что, девчонки, живы? — Алик сочувственно поглядел на уставшую, хмурую Альку. — Я, если честно, таких репетиций со времен Вены не припомню.

— С Вены? — рассеянно переспросила Аля. Перед глазами у нее все стояло искаженное ужасом, землистое лицо Кретова, не лицо — застывшая маска. Это страшное видение мешало Альке включиться в разговор.

— Забыла, как он нас тогда отымел? В хвост и в гриву.

— Да ее не было там, в Вене, — засмеялся Славка. — Она ж год только как пришла.

— Ну да, ну да, точно. А мне чего-то кажется, будто ты, Алька, с нами всю жизнь работала.

— Неспроста ему кажется, — подмигнул Зубец. — Вы, кстати, слышали, что здесь в центральном клубе офигенная ночная дискотека по средам?

— После сегодняшнего только на дискотеку, — скептически молвила Лена.

— Ты зря! — не согласился Славка. — Говорят, там бар, и программа, и все прочее.

Правда, Лен, пошли! — Он дурашливо завалился на столик перед Ленкой, пытаюсь заглянуть ей в глаза.

В это время в буфет вошел Кретов, и Алька невольно впилась в него глазами. Она сидела лицом к двери и хорошо видела, как дирижер подходит к буфетной стойке, берет чашку кофе, неловко несет ее, с трудом удерживая в дрожащих руках, и, озираясь по сторонам, ставит на стол. С того момента, как закончилась репетиция, прошло не менее десяти минут, но Кретов, казалось, так и не пришел в себя. Движения его были резкими и нервными, спина совсем согнулась. Он сел за столик боком к Альке, вытащил из кармана пачку сигарет, долго не мог прикурить, потом откинулся на спинку стула, шаря по залу остекленевшим, невидящим взглядом.

«Да что с ним такое? — недоумевала Алька. — Он точно ищет кого-то, или боится... или... то и другое одновременно».

Славка и не думал поднимать со стола свою лохматую голову, и Альку это начинало выводить из себя.

— Уйдешь ты, наконец? — сердито спросила она Зубца. — Кофе разольешь!

— Чего это она такая сегодня? — Славка передвинул голову подальше от Алькиной чашки. — Переутомилась?

— Переживает из-за Рыбакова, — ввернул пронизательный Копчевский. — Тю-тю теперь наша первая флейта. Да, Аль?

— Отстань, — отмахнулась Алька, продолжая из-за спин ребят наблюдать за Кретовым.

Павел Тимофеевич снова в который раз вытер пот с шеи и лба, перевел взгляд на дверь и вдруг вздрогнул всем телом, да так сильно, что Алька от неожиданности подскочила на стуле. Ей стало ужасно любопытно, кого мог увидеть Кретов в коридоре, она слегка пододвинулась в сторону, стараясь заглянуть за дверь. Но оттуда появился только директор Московского муниципального оркестра Виктор Глотов. Он спокойно прошел мимо дирижера, вежливо улыбнувшись ему, и направился в другой конец зала.

«Господи, — удивилась Алька, — с Витюшей-то он что не поделил? Глотов не Рыбаков, грубить начальству не будет, да он этого просто и не умеет. Вечно ходит с приклеенной улыбочкой».

Однако через минуту, после того как Виктор появился в зале, Кретов резко поднялся и, не оглядываясь, вышел, позабыв на столе полупустую пачку сигарет.

Алька глазами проводила дирижера и включилась в продолжавшуюся за столиком беседу. Алик, Славка и Ленка обсуждали стычку между Рыбаковым и Кретовым.

— ...Павлуха наш действительно погорячился, — проговорил Копчевский. — Не нужно было на личности переходить, хошь о деле — давай о деле. Валерик бы и смолчал, может. А Крет его, вишь, семейными обстоятельствами покрыл.

— Вот именно, — тут же согласилась с ним Алька. — Какое он имел право?

О «семейных обстоятельствах» Рыбакова, про которые упомянул Кретов, знал весь оркестр. Полгода назад от Валерки ушла жена Вера, оставив ему и его матери на попечение четырехлетнего сына. Раньше она работала в оркестре вместе с Валерой, слыла первой красавицей и первой же гуленой. Осчастливив всех желающих, Верка оркестр покинула, завязала со своим музыкальным прошлым, занялась каким-то сомнительным бизнесом и вскоре нашла себе немца, став фрау Гнайзек. С тех самых пор с Валеркой творилось неладное: он почернел, помрачнел, стал малоразговорчивым и невероятно грубым, а главное — постепенно утрачивал славу классного флейтиста, киксуя то там, то здесь и частенько

заявляясь на репетиции под градусом. В общем, Кретов не так уж был и не прав, ополчившись сегодня на Рыбакова, но... Алька не желала этого признавать.

Вот уже год, как она играет в кретовском оркестре, и все это время ее взгляд почему-то настойчиво натывается на Валерку. Напрасно она много раз давала себе слово, что перестанет о нем думать и печалиться. Да и что печалиться? Пока в оркестре работала Верка, Рыбаков разводиться не собирался, стало быть, мечтать Альке было не о чем. Теперь, когда Валеркина жена ушла и он свободен, все могло бы измениться, но... Ничего не меняется. Ей, Альке, Рыбаков не грубит, как остальным, даже улыбается иногда, правда редко. Но, к сожалению, это все. Если зайдет у них разговор, то лишь о работе, да и тот Рыбаков всегда старается вежливо свернуть. А глаза поспешно отводит в сторону...

Алька встряхнулась. Ладно, черт с ним, с этим неприступным Валеркой, лучше она действительно пойдет на дискотеку с Аликом и Славкой, — в конце концов, от жизни нужно брать все лучшее.

В шесть часов девушки наконец дотащились до номера. Обе были как выжатые лимоны. Аля стянула через голову джемпер и, на ходу расстегивая джинсы, отправилась в душ. Включенный на полную мощность, кран сначала зашипел, как змея, затем оглушительно чихнул, и из него полилась тоненькая струйка. Алька сунула под струйку руку, и ее передернуло — вода была ледяная.

— Ты чего ворчишь? — Ленка просунулась в ванную и с улыбкой смотрела на раздетую сердитую Альку.

— И как я этой водой голову вымою? — поинтересовалась та. — После сегодняшней фуги у меня волосы все слиплись.

— Так это тебе Владимир, а не Париж. — Ленка постучала по хрипящему крану, повертела блестящие вентили вправо-влево и развела руками: — Что делать, подружка, придется тебе закаляться. Бери пример с меня.

Ленка каждое утро и вечер обливалась холодной водой, чем приводила Альку в трепет — та с детства была мерзлячкой и, наоборот, больше всего любила парную баню.

Аля вздохнула и полезла в ванну.

— Быстрее давай, — напутствовала ее Ленка, прикрывая дверь. — А то мне не успеть.

Ежась и чертыхаясь, Алька встала под обжигающе холодную, тощую струйку и намылила голову шампунем. Постепенно кожа привыкала, и стало даже приятно. Аля вздохнула полной грудью, предвкушая приятный вечер и отдых. Возможно, после бара она даже зайдет к Алику Копчевскому. Скорее всего, зайдет. За дверью послышался неясный шум, приглушенные голоса, потом Ленкин бархатистый смех.

«Кого там принесло?» — удивилась Аля и тут же различила веселое Славкино ржание. Она поспешно выкарабкалась из ванны, закуталась в махровый халат и, встряхивая мокрыми волосами, распахнула дверь.

— Дискотеку отменили, — сообщил Зубец, стоящий в коридорчике между ванной и комнатой. На нем были майка и синие спортивные штаны, мокрые волосы стояли смешным ежиком, — очевидно, он тоже только что принял ледяной душ.

— Жаль, — огорчилась Аля. Она уже настроилась на танцульки, громкую музыку, веселье. — Может, здесь есть еще куда сходить?

— Сходим ко мне, — подмигнул Славка. — Я вспомнил, у меня сегодня день рождения.

— Пошел в баню! — Алька шлепнула парня полотенцем. — Мы твой день рождения в Минске справляли, еще в январе. У тебя он что, каждые два месяца?

— Ну ладно, не у меня, — покладисто согласился Славка. — Тогда, может, у Алика?

— Да придем мы, придем, — успокоила его Ленка. — Топай давай. Здесь внизу буфет хороший, сгоняйте, купите чего-нибудь, а у меня есть киндзмараули.

— Идет! — Зубец в момент испарился.

Ленка щелкнула заколкой, освободив длинные, светлые волосы, тут же рассыпавшиеся по спине, и отправилась мыться.

Алька свирепо растерла голову полотенцем. Какая, собственно, разница, куда идти, главное — не остаться один на один с собой, с собственными мыслями. Она скинула халат, подумав, натянула короткую кожаную юбку и красный тонкий джемпер, окинула себя цепким взглядом в кривовато висевшем на стене зеркале. Сойдет, очень даже сойдет.

Волосы подсыхали, сворачиваясь в тугие трубочки. Аля забросила их назад, сунула ноги в тапочки и выглянула из номера. Коридор был пуст. Оркестранты занимали два этажа целиком и сейчас, измученные тяжелой репетицией, восстанавливали силы, сидя по комнатам. Все оживет позже, к самому вечеру, когда народ, жаждущий расслабиться, заснует по коридору из номера в номер. Аля неторопливо прошла по мягкой ковровой дорожке, в которой приятно утопали тапки. Из-за двери Алика и Славки слышалась музыка и взрывы хохота. Алька уже взялась за ручку, но вдруг отпустила ее, двинулась дальше, до самого конца коридора, и остановилась перед Валеркиным номером. Она постояла минуты три, потом решительно постучала.

— Входите, — раздался из-за двери голос Сережи Гурко, делившего комнату с Рыбаковым.

Внутри царил полумрак, светило лишь одно прикроватное бра. Валера и Сергей сидели на кроватях, между ними на столике стояла бутылка «Столичной», два стакана и лежала крупно и криво нарезанная сырокопченая колбаса на салфетке.

— О! — обрадовался Але Гурко. — Садись, будешь третьей.

Рыбаков покосился на гостью и ничего не сказал. Она пододвинула стул, села, закинув ногу на ногу. Короткая юбка задралась, обнажив стройные Алькины ляжки. Гурко достал из тумбочки стакан, плеснул в него и протянул девушке:

— Пей.

Алька залпом выпила водку. В голове слегка зашумело, но мысли остались четкими и ясными. Убрать бы отсюда этого Гурко, так он сейчас здесь некстати!

— Классно пьешь! — восхитился Сергей и легонько потянул Альку к себе на кровать. — Молодец, что пришла.

— Пусти! — рассердилась Алька. — Не суй свои лапы, куда не просят. И вообще, вышел бы ты, нам поговорить нужно.

Гурко в изумлении отвалил челюсть:

— Ты меня че, из собственного номера гонишь?

— Да, — нахально подтвердила Алька.

— Слышь, Рыбак! Мне че, правда, уйти?

— Катись, — кивнул Валера.

— Ой, е-мое. — Сергей поднялся, запихнул в рот кусок колбасы и хлопнул дверью.

— Отдохнула немного? Сережка сказал, Крет вас еще полтора часа после перерыва мурыжил, — произнес Валерка.

— Да. Тебе, можно сказать, повезло.

— Здорово повезло, — насмешливо согласился Рыбаков. — Лучше не бывает.

— И что теперь? — Алька взглянула на Валерку в упор, чуть прищурившись. — Уйдешь?

— Уйду, конечно, куда ж я денусь?

— Ясно. — Алька задумчиво качнула головой, немного помолчала, потом резко поднялась со стула и язвительно проговорила: — Ну что ж. Молодец! Все делаешь правильно!

Валерка, не ожидавший такого тона, удивленно уставился на Альку.

— Ты чего? — пробормотал он. — Можно подумать, у меня есть выбор.

— А что, нет? — Алька щелкнула выключателем. Вспыхнула люстра, осветив бледное и угрюмое Валеркино лицо. — Или у тебя мозги ни на что больше не работают, как сидеть в

этой темноте и водку глушить?

— Ну хорошо. — Рыбаков тоже поднялся и стоял теперь рядом с Алькой, глядя на нее с ожиданием. — Ты-то что предлагаешь?

— Я? Пойти к Крету, извиниться. Тем более есть за что извиняться, не будем кривить душой. Ну и... остаться в оркестре. Почему из-за какой-то ерунды, из-за минутной стычки, ты должен терять хорошую работу, а мы — сильного флейтиста?

По лицу Валерки пробежала тень, оно мгновенно стало замкнутым и отчужденным.

— Много чести Крету извиняться перед ним! — отрезал он.

«Какой ты у нас гордый! — разозлилась про себя Алька. — Думаешь, один ты такой, остальным можно унижаться, а тебе нельзя!» Она тут же вспомнила, как Васька Чегодаев, инспектор Московского муниципального, недвусмысленно намекнул ей в первый же ее рабочий день, что неплохо бы им поладить, а не то ее, скрипачку без стажа работы в оркестре, ждут большие неприятности. И пришлось Альке запихнуть тогда свою гордость в карман, иначе турнули бы в два счета по Васькиной указке... А тут всего-навсего пойти прощения попросить!

— Кончай, — устало проговорила она. — Кретов старый больной человек, неврастеник, если хочешь! Ты же знаешь, он на каждого может собак спустить, что же, всякому, кто «удостоился» его брани, уходить из оркестра? Тогда бы он давно пустыми стульями дирижировал.

Валерка усмехнулся.

— Вот видишь. — Алька вернулась к столу и села. — Самому смешно. Ведь у тебя семья, тебе ребенка кормить надо, а работа в таком оркестре на дороге не валяется. Ты никогда не интересовался, сколько получают музыканты в других оркестрах? Нет? А напрасно. Знаешь, сколько раз в год там бывают гастроли? Думаешь, каждые два месяца, как у нас?

— Да знаю я, знаю, — мрачно согласился Валерка. — Еще не факт, что можно будет в другое место устроиться после такого увольнения. Захотят справки навести, позвонят Чегодаеву, а уж он-то все про меня выложит, не поленился... — Он вздохнул и подошел поближе.

— Вот именно, уж он-то точно не поленился! — убежденно подтвердила Алька, представив, как обрадуется Васька возможности наклепать на Рыбакова, которого он терпеть не может, и добавила мягче: — А Крет сейчас наверняка уже отдохнул, расслабился. Может, он и жалеет даже, что так все вышло!

— Да, пожалеем он, как же! Но вообще-то ты все правильно говоришь.

— Ну так и иди, раз правильно.

— Ладно, уговорила. Сейчас в порядок себя приведу и пойду. — Валерка помолчал, раздумывая, затем слегка дотронулся до Алькиного плеча: — Спасибо, что зашла.

— Не за что. — Алька почувствовала, как тепло и хорошо ей стало от этого благодарного жеста. Она подняла на Валерку глаза. На мгновение ей показалось, что он хочет сказать ей что-то еще, вовсе не связанное с Кретовым, но колеблется... Может быть, начать первой? Спросить, почему он так упорно отворачивался от нее последнее время при встречах?

Непривычно мягкое, открытое выражение исчезло с Валериного лица, уступив место обычной вежливой отстраненности.

— Иди тогда, Аль, — попросил он. — Я так сразу не смогу. Мне собраться нужно,

сконцентрироваться.

— Концентрируйся, — улыбнулась Алька, хотя что-то болезненно кольнуло ее в сердце. — Удачи тебе.

— Пока.

Алька поднялась и вышла. Она уже почти подошла к своему номеру, когда в коридоре послышались тихие, мягкие шаги. Кто-то ходил возле кретовского люкса, который был расположен за поворотом коридора. Она поспешно прошмыгнула к себе, не дожидаясь приближения шагов, — меньше всего ей сейчас хотелось встретить кого-нибудь из оркестрантов и ввязаться в длинный и пустой разговор о прошедшей репетиции.

Ленки в номере не было. Но зато на Алькиной кровати, развалившись, сидел Копчевский. Лицо у него было красным, глаза блестели, на рубашке не хватало верхней пуговицы, — видно, компания изрядно приняла за время Алькиной душеспасительной миссии.

— Ага, пришла! — оживился Алик. — А мы тебя потеряли. Ты чего такая грустная?

— Я? Грустная? — бодро замотала головой Алька. — Да ничуть! Давай пуговицу пришью.

Она наклонилась к тумбочке достать косметичку, в которой лежали нитка с иглой. Алик тут же обхватил ее сзади за талию, рука его проворно нырнула Альке под юбку.

— Вроде мы к вам в гости собирались, — беззлобно удивилась Алька, но Копчевский, развернув ее и прижав к себе, уже, сопя, стаскивал с нее джемпер. От его разгоряченного, крепкого тела Алька ощутила жаркую волну, в голове приятно зашумело. Алькины руки легли на оголившуюся из-под рубахи широкую грудь Копчевского. Тот ловко стянул с нее юбку и мягко опрокинул на кровать...

— Тебе сколько лет, Аль? — спросил Алик минут через сорок, поудобнее вытягивая свое долговязое тело на узкой гостиничной кровати.

— Двадцать четыре. Недавно было. А что?

— Да так. Тебе замуж не хочется?

— Не хочется.

— Странно. — Алик недоверчиво поглядел на Альку, слегка приподнявшись на локте.

— Что тебе странно?

— Все девчонки замуж хотят. А уж приезжие — тем более.

— А ты мне что, предложение сделать собираешься? — засмеялась Аля.

— Че смеешься? Может, и собираюсь.

— Так сделай, Алик. — Алька потрепала его по рыжим волосам. — А я подумаю. Глядишь, и соглашусь.

— Издеваешься, — обиженно пробормотал он. — А зря. У нас могло бы хорошо получиться. И в постели нам классно, и имена похожи.

— Эх, Алик, если бы все друг друга по именам подбирали, что бы тогда было, а!

— Ну не хочешь замуж, не надо, — легко согласился Копчевский. — Я тоже еще погуляю.

— Ленка со Славкой?

— Угу.

Алька подумала, что Валерка должен был бы уже поговорить с Кретовым. В самый раз Копчевскому убраться отсюда, а ей, Альке, выйти узнать, чем все кончилось. Она вскочила, ощущая легкость во всем теле, и стала проворно одеваться.

— Ты куда? — недовольно протянул Алик. — Иди сюда. Ленка скоро не придет. Пусть они там ночуют, а мы с тобой здесь.

— Ну уж нет! — возмутилась Алька. — Она мне этого не говорила. Мотай давай отсюда!

— Ну Аль!

— Давай, давай проваливай! — Алька рывком вытянула из-под Алика подушку. — Кому говорю!

— Чокнутая, — сердито прошипел Алик и стал нехотя натягивать джинсы.

Алька, стоя перед зеркалом, расчесывала черные кудри. Копчевский кое-как заправил в штаны по-прежнему лишенную пуговицы рубашку и побрел к двери.

— Дура ты, Бажнина, — вяло огрызнулся он. — Нормальные девчонки так не поступают.

— Так я ж ненормальная, — весело подтвердила Алька.

Алик, ворча, ушел.

Охватившее Альку чувство злого и бесшабашного задора разгоралось сильнее. Она вытащила из тумбочки косметичку, оправила кровать, достала зеркальце, тушь.

В дверь бесшумно, как тень, скользнула Ленка, сверкнула в полумраке зелеными кошачьими глазами, кивнула в сторону ванной:

— Я заскочу на минутку, не возражаешь?

— Да хоть поселись там, — рассмеялась Алька. Ленка-дуреха залета боится смертельно, а таблетки не пьет, вот и бегает в душ как угорелая.

Аля докрасила глаза, провела по губам блеском и застыла, размышляя, идти ей к Валерке или не идти. Пока она колебалась, вышла Ленка. Скрутила длинные волосы в косу, зевнула, уселась напротив Альки:

— Где это тебя носило?

— Где надо.

— Девять уже. Крет завтра репетицию на восемь назначил, садист! Так что я, пожалуй, лягу бай-бай. — Ленка сладко потянулась и откинула угол одеяла. — А то с утра пораньше как врубим фугу, с тридцать четвертой цифры, и — пока руки не отсохнут...

Ленка расстегнула пуговицу на платье. Алька наконец решилась и встала.

— Не ложишься? — удивилась Ленка.

— Нет. Зайду кое-куда. Ты спи, я скоро.

В этот самый момент коридор за дверью взорвался шумом и криками. Девушки вздрогнули от неожиданности.

— Господи, только бы не бомба, — суеверно перекрестилась Ленка. Как-то полтора года назад, во время поездки в Чебоксары, в гостиничном туалете обнаружили пакет со взрывчаткой, и оркестранты долго не могли этого забыть.

Аля сделала шаг от кровати, и тут дверь распахнулась настежь. На пороге предстал Славка, встрепанный, все в тех же синих штанах, но без майки, с перекошенным лицом.

— Стучать надо! — разозлилась Алька. — Как в свою спальню прям!

— Там... Рыбак Крета замочил! — заикаясь, выдавил Славка.

— Что?!

Алька села с размаху на постель, из перевернутой косметички на пол посыпались тушь, помада, флакончик духов, упаковка анальгина, неостребованные нитки с иглой.

— Вроде как извиняться пошел. — Славка продолжал топтаться на месте, неловко

размахивая руками. — А Крет ванну принимал. Воды-то горячей нет. Ну он и нагрел ее кипятильником, из розетки вилку-то вынул, а сам кипятильник в ванне оставил.

— И что? — прошептала Ленка.

— И то. Повздорили они там или как, но только Рыбак взял вилку и всадил в розетку. Пламенный привет.

Алину голову будто с двух сторон сдавили огромные чугунные щипцы, еще чуть-чуть, и, казалось, череп лопнет.

— Ужас какой! — Ленка, белая как полотно, осела на кровать напротив Альки.

— Он признался? — тихо спросила Алька.

Зубец покачал головой:

— Он же поддатый был, мог ничего и не соображать. Завелся, ну и... Виталик Прохоров слышал, как Крет орал, перед тем как...

Славка умолк на полуслове, стараясь отвести взгляд от Альки.

— Договаривай, — жестко приказала она.

— В общем, типа «помогите, флейтист меня...» того... Виталик же за стенкой у Крета, а тут слышимость сто процентов.

Алька встала и отодвинула Славку от двери:

— Где он?

— Крет?

— Рыбаков.

— Почему я знаю. Кажется, на первом этаже, у администратора. Милицию вызвали, сейчас приехать должна.

Аля стремительно выскочила в коридор.

— погоди, я с тобой. — Ленка поспежала шаг в шаг с Алькой, на ходу застегивая пуговицы. Славка плелся сзади. Из дверей выглядывали испуганные и растерянные оркестранты, коридор гудел.

В небольшом холле первого этажа, у дверей администратора, толпился народ. От двери зевак пытался отогнать инспектор оркестра, Василий Чегодаев. Лицо его было серым, руки тряслись, он что-то кричал напиравшим на него любопытным, но его никто не слушал.

— Пустите! — Аля с налета врезалась в людскую гущу, стараясь протиснуться к администраторской комнате. Кто-то тут же наступил ей на ногу, сбоку больно толкнули в грудь. Какая-то крашенная, патлатая тетка обматерила Альку и попыталась оттеснить назад, но та с отчаяния сильно щипнула скандалистку за туго обтянутый шелком зад. Крашенная взвизгнула, и Алька с Ленкой очутились нос к носу с Чегодаевым, подпирающим спиной красивую дубовую дверь.

«Это я виновата! — стучало у Альки в голове. — Я уговорила его пойти к Крету! Если бы я не сунулась, ничего бы не случилось. Крет был бы жив, и Валерка... что теперь будет с Валеркой?»

— Во, девчонки, сюрприз, — пробормотал Чегодаев, морщась от напора толпы. — Скорее бы менты явились, а то меня сейчас на куски разорвут.

— Вась, пусти, мы пойдем, — попросила Аля.

— Заходите, только быстро, иначе за вами все туда вломятся. Нам шум лишний не нужен.

Чегодаев приоткрыл дверь, и девушки вместе со Славкой просочились внутрь. По контрасту с переполненным холлом комната была почти пустой. За столом у телефона

сидела администраторша — интересная, суховатая женщина среднего возраста. Вид у нее был спокойный и сосредоточенный, будто такие ЧП случались в гостинице не впервой. У окна на тяжелых мягких стульях ждали Гурко и Прохоров. Гурко был мрачен, Прохоров заметно нервничал, комкал в руках пачку сигарет, переводил взгляд из угла в угол. И, наконец, около офисного черного шкафа на черном же кожаном диванчике сидел Рыбаков. Он выглядел, пожалуй, самым невозмутимым из всех присутствующих. Рядом с ним ерзал молоденький дежурный охранник гостиницы, сурово хмурия брови и не спуская глаз с возможного преступника. Валерка не обращал на мальчишку ни малейшего внимания, задумчиво уставившись в одну точку.

Администратор оторвалась от трубки, поджала губы и тоном, не терпящим возражений, произнесла:

— Попрошу отсюда всех посторонних. Здесь у меня до приезда милиции только свидетели.

— Я тоже свидетель, — сказала Алька.

Гурко поднял на нее тяжелый взгляд, в котором явственно читались ненависть и презрение. Валера Рыбаков был его давним другом, и, хотя в последнее время они несколько разошлись, для Сергея сегодняшнее было ударом. Подумать только, из-за этой маленькой, самоуверенной шлюшки...

Аля мужественно выдержала взгляд Гурко, хотя на самом деле ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Свидетели? — недоверчиво переспросила сухощавая, изучая Алю и Лену. — Вы что-то видели? Слышали?

— Это я уговорила Валеру пойти извиниться перед Кретовым.

Аля наконец решилась посмотреть в сторону кожаного дивана, но Рыбаков так и не включил ее в поле своего зрения. На мгновение Але показалось, что он вообще не видит и не слышит всего происходящего. Будто это к нему не относится.

— Ну и что? Вы ходили с ним к Кретову в номер?

— Нет.

— Тогда какой вы свидетель? Выйдите и не морочьте мне голову. Вы видели, что в холле делается? А если у меня завтра полгостиницы съедет?

— Я не уйду, — твердо заявила Алька.

— Да кто это такая? — насмешливо поинтересовалась администратор. — Девушка, если вам есть что сказать, обождите в коридоре. Сейчас милиция приедет, и вас вызовут.

— Пойдем, — прошептала Ленка и дернула подругу за руку.

— Отстань.

— Ну-ка, Гоша, выведи ее и всех лишних, — кивнула охраннику женщина.

Гоша поспешно поднялся и направился к Але. Тут дверь распахнулась, и в кабинет вошли двое милиционеров, а за ними обливающийся потом, но довольный Чегодаев.

— Так. — Один из вошедших сразу подошел к столу и сел рядом с администраторшей. — Давайте по порядку. Я — Лавров Игорь Юрьевич, старший лейтенант. Это, — он указал на другого мента, оставшегося у двери, — Гроздецкий Семен Ильич, лейтенант. Всем посторонним просьба удалиться, остаются только свидетели происшедшего и администрация.

Алька тихонько прошмыгнула на стул, стоявший свободным у окна, возле Гурко и Прохорова, понимая, что теперь администраторша отстанет. Ленка и Славка вышли.

— Кто обнаружил труп? — спросил Лавров.

— Я.

Аля удивилась: ей почему-то казалось, что Валерка так и будет молчать и спать наяву.

— Ваше имя, фамилия, отчество?

— Рыбаков Валерий Андреевич.

— Расскажите, как было дело.

— Я зашел к Кретову в номер...

— Зачем?

— Нужно было поговорить.

— О чем?

— Обязательно отвечать?

— А вы как думаете? Человек мертв, это не игрушки.

— Я хотел попросить его, чтобы он меня не увольнял.

— Он хотел вас уволить?

— Да.

— За что?

— За... — Рыбаков замаялся, поглядел в сторону. — Я не совсем вежливо говорил с ним на репетиции.

— Вы поссорились с Кретовым?

— Можно сказать, что так.

— Кто здесь из оркестра? — Лавров оглядел кабинет.

— Все, — хмуро произнес Гурко.

— Вы присутствовали на репетиции, во время которой у Кретова и Рыбакова вышел конфликт?

— Все присутствовали, — подтвердил Чегодаев.

— Хорошо. Рыбаков, что было дальше? Вы вошли в номер... Дверь, кстати, была незаперта?

— Да. Я вошел и увидел мертвого Кретова. В воде был включенный кипятильник.

— Что вы сделали, когда это увидели?

— Выключил кипятильник. Выбежал из номера, стал звать людей.

— Кто вас видел выходящим от Кретова?

— Никто, — удивился Рыбаков. — Я ж сказал, я сам позвал... Чегодаева вон, Гурко.

Потом многие прибежали.

— Ясно. Здесь присутствует кто-нибудь из соседнего с Кретовым номера?

— Я. — Пальцы Прохорова еще сильнее затеребили мятую бумагу.

— Вы находились в номере последние два часа?

— Да.

— Вы ничего не слышали за стеной?

— Слышал, — вздохнул Прохоров.

— Что вы слышали? — оживился Лавров.

— Валерка, ты уж прости... — Прохоров дрожащей рукой вытер взмокшую шею.

Рыбаков молча и равнодушно покосился на него и снова уставился в окно.

— Так что вы слышали?

— В общем, он это, старлей, — кашляя, пробормотал Прохоров. — Все я слышал.

— То есть вы утверждаете, что Кретова убил Рыбаков? — удивленно переспросил

Лавров. — Почему? На каком основании?

— Я слышал, как Павел Тимофеевич вдруг закричал. Он кричал... ну понимаете, так кричат, только когда знают, что тебя хотят убить.

— Вы можете повторить дословно?

— Да, пожалуй. Он кричал: «Флейта, проклятая флейта! Убийца!»

— Ничего себе! — присвистнул Лавров. — Отчего же вы не прибежали на этот крик? Можно ведь было его спасти!

— Дело в том... — снова судорожно закашлялся Прохоров. — Вы не знаете Павла Тимофеевича. Я не понял, в чем дело. Он, видите ли, бывал часто ужасно груб, не стеснялся в выражениях. Любой, кто фальшивил во время игры или вступал не туда, у него мог заслужить титул убийцы. Я и подумал... Валера днем поцапался с Кретовым, а тот никак не мог успокоиться, возмутился. Кретов ведь на Валеру здорово рассердился.

— Но ведь вы только что сказали, что так, как кричал Кретов, кричат только перед смертью.

— Это я сейчас понимаю. А тогда я решил, что он просто в бешенстве.

— Это верно, — вдруг подтвердил до сих пор молчавший Чегодаев, — Кретов иногда так орал на оркестр, будто его и впрямь хотят убить.

— То есть Кретов был нервным и невыдержанным?

Почему-то в этот момент Лавров взглянул на Алю, и та поспешно кивнула:

— Точно.

— На каком инструменте вы играете, Рыбаков?

— На флейте.

— Так... — Лавров задумался и замолчал. Думал он довольно долго, затем спросил: — Рыбаков, вы употребляли сегодня спиртные напитки?

— Ну... да.

— И много?

— Какое это имеет отношение к Кретову?

— Отвечайте на вопрос, Рыбаков.

— Прилично.

— Вы были очень злы на дирижера?

— Очень, но это же не означает, что я собирался его убить!

Валера впервые за эти два часа почувствовал волнение. Хмель постепенно проходил, и он начинал понимать, что никто из присутствующих, кажется, не сомневается в том, что именно он сварил проклятого Кретова в ванне. Как же так? Он, Рыбаков, конечно, выпил с трех часов изрядно, но не настолько же, чтоб себя не помнить.

— Вы были очень злы... — задумчиво повторил Лавров, не обращая никакого внимания на конец рыбаковской фразы. — Тогда у меня вопрос к присутствующим. Не слышал ли кто-нибудь из вас, чтобы Рыбаков... ну, скажем так, угрожал Кретову, обещал свести с ним счеты или нечто подобное?

Алька почувствовала, как ладони становятся мокрыми. Гурко продолжал угрюмо молчать, глядя в пол, Прохоров оживился и заерзал, но вслух ничего не произнес.

— Значит, не слышали?

— Было.

Аля вздрогнула и перевела глаза на сказавшего это Чегодаева. Тот сделал шаг от дверей, у которых так и стоял все это время.

— Вы инспектор оркестра? — вдруг поинтересовался до того безмолвствующий напарник Лаврова.

— Да, я инспектор, — подтвердил Васька, почему-то обращаясь не к нему, а к Лаврову.

— Так что было? Мы вас слушаем, говорите, — разрешил тот.

— На последней репетиции, после того как Кретов обещал уволить Рыбакова, тот сказал ему: «Вам это даром не пройдет!»

— Так и сказал?

— Да.

— Ты чего, Вась? — Валерка попробовал улыбнуться, но это удалось ему с трудом. — Ты ж знаешь прекрасно, я просто трепался. Ты что... вы... правда думаете, что я... его... — Он споткнулся о молчание, остановился, потом с силой треснул кулаком по администраторскому столу и крикнул: — Да вы с ума сошли!

— Тихо, Рыбаков, тихо. Вас еще никто ни в чем не обвиняет. Идет опрос свидетелей, не стоит так волноваться. Вы не согласны с тем, что сказал инспектор?

— Нет!

— Вы не говорили Кретову эти слова?

— Говорил, — устало подтвердил Валера.

— Так что вас не устраивает?

— Все меня не устраивает. Все. Я имел в виду другое.

— Поясните, что именно?

— Ну... Что Бог его покарает.

— Бог? — насмешливо переспросил Лавров. — Вы сильно верите в Бога?

— Идите к черту.

Валерка отчетливо понял, что напрягаться бесполезно. Его, конечно, заберут. Прямо отсюда. Зачем ментам трепыхаться, когда дело вот оно, почти уже сшито? И кипятильник он, дурень пьяный, вытащил из розетки своими руками — пожалел Крета, чтоб не сварился окончательно. Стало быть, на вилке его пальцы. Эх, гад Васька! Ну Прохоров, тот понятно, трус, в оркестре новый человек, Валерку совсем не знает. Но Васька! Тихий, подлец, воды не замутит, а свое давит, выжимает. Валерка ему давно глаза колет так называемым нарушением дисциплины, небось рад был до чертиков сегодняшней их стычке с Кретовым. Так ведь не успокоился, дальше пошел! Гад, точно гад! Все они... все молчат, никто не заступился, даже Серега — друг называется!

— Ладно, Рыбаков. — Лавров, казалось, ничуть не рассердился на то, что Валерка послал его к черту, и выглядел спокойным и даже добродушным. — Ладно. Сейчас мы пока прервемся. Вам придется проехать с нами, отпустить вас под подписку о невыезде я не могу — слишком веские доказательства вашей причастности к преступлению. Поэтому вставайте — и пойдем. Вставайте, Рыбаков, слышите? — Старший лейтенант мягко дотронулся до Валериного плеча.

Тот медленно поднялся. Комната перед его глазами вдруг поплыла, точно карусель, сначала не спеша, затем быстрее и быстрее и, наконец, завертелась стремительно, растягивая и искажая знакомые лица. Последнее, что успел разглядеть Валера, прежде чем поспешно отвернулся к двери от всей этой тошнотворной круговерти, было совершенно белое лицо Альки Бажниной.

— Так и знал, что Рыбак рано или поздно допрыгается. Как говорится, пей, но знай же меру! — Алик Копчевский решительно плеснул в стакан остатки киндзмараули и залпом выпил. Он и Славка сидели в номере у девчонок и слушали подробный, хоть и сбивчивый, Алин пересказ Валеркиного допроса.

— Крета жалко, — вздохнула Ленка и сморгнула. — Какая жуткая смерть.

— А мне Валерку жалко, — признался Славка. — Сука эта Верка, из-за нее все. Нормальный парень был, играл классно. Я ж его с консерватории знаю, он меня на два курса старше. Если бы не эта стерва, ни в жизнь Рыбак до такого не докатился бы.

Аля молча сидела, сжавшись в комок, на своей постели. Ее бил озноб. Она никак не могла простить себе, что недооценила Валеркино состояние, не подумала, что нельзя ему в таком виде идти к дирижеру. Ведь видела же, коза безмозглая, что бутылка-то на столе почти пустая была.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в номер заглянул Чегодаев.

— Все сидите? — Он окинул недовольным взглядом притихшую компанию. — Я бы вам посоветовал разойтись по койкам. Завтра будет славный денек.

— Вась, когда мы теперь уедем? — спросила Ленка.

— Не раньше чем через день, а то и два. Завтра менты будут ходить, проверять, кто где был сегодня с полдевятого до полдесятого вечера, вопросы всякие задавать. Так что советую выспаться. Каждому в своей постели. Ясно?

— Ясно, — поморщился Славка. — Это значит, завтра весь день в гостинице торчать?

— Именно, — подтвердил Чегодаев, скрываясь за дверью.

— Шли бы вы, правда, — попросила Алика и Славку Лена. — Первый час. С семи на ногах. Завтра менты как вломятся с утра пораньше и как начнут душу вынимать!

— А мы, кстати, где были с полдевятого до полдесятого? — вдруг обалдело хлопнул глазами Славка.

— Привет тебе! — хмыкнул Алик. — Ты вроде водку-то не пил, только киндзмараули. Не помнишь, где был? Ленка, ну-ка освежи ему память!

— Хорош зубоскалить! — надулся Славка. — Я на часы в таких случаях не смотрю. И вообще, может, это ты Крета угробил, а свалили на Валерку. Где ты шастал все то время, пока мы с Ленкой...

— Ах ты козел! — задушевно произнес Алик, схватив приятеля своей огромной пятерней за ворот. — Я тебя сейчас закопаю.

— Ладно, ладно. — Славка дурашливо замотал головой, пытаясь вырваться. — Я понял, ты у Альки был. Ой, Аль, спаси меня, он меня придушит.

— Я б вас обоих придушила. Пошли вон! — рявкнула Алька.

Обозлить Альку было не так-то просто, но уж если она злилась, связываться с ней не стоило. Зубец и Копчевский мигом поднялись и удалились к себе.

Ленка тут же улеглась, уютно укутавшись в одеяло. Аля потушила свет, расстелила постель, разделась, вытянулась на прохладной простыне. Сон не шел. Ленка тихо посапывала в темноте.

— Эй, — тихо позвала Аля.

— Что? — сонно отозвалась Лена.

— Ты спишь?

— Нет, я танцую, — рассердилась Ленка, заворочалась и села на кровати. — Интересно, сегодняшний день кончится наконец?

— Лен! — прошептала Аля. — Крет из-за меня погиб. Я к Рыбаку в номер ходила, пока ты в душе была. Это я его извиняться...

— Знаю, — перебила Ленка. — Догадалась уже.

— Лен! Его... теперь посадят? Да?

— Посадят, конечно.

Алька тихонько всхлипнула.

— Прекрати. — Ленка деловито взбила подушку и снова улеглась. — Судьба, значит, у него такая. От судьбы не уйдешь. Не сейчас, — значит, в другой раз сел бы, и ты тут ни при чем. Спи!

Но спать Але не хотелось.

— Я покурю? — спросила она Ленку.

— Кури.

Аля выскользнула из постели, приоткрыла окошко. Два тусклых фонаря слабо освещали пустой гостиничный двор. Чуть поодаль сверкало огоньками шоссе. Алька затянулась, высунувшись на легкий мартовский, ночной морозец. Внезапно она поняла, что ей мешает спать не только жалость к Валерке, хотя жалко его было ужасно. Существовало еще что-то, гнездившееся глубоко в Алькином подсознании и лишь сейчас неожиданно выплывшее на поверхность. Этим «что-то» были шаги в коридоре, которые она слышала незадолго до того, как произошла трагедия с Кретовым. Тихие, еле различимые в послерепетиционной тишине гостиничного этажа. Кому они могли принадлежать? Скорее всего, женщине, уж очень они были мягкие и невесомые. А может, невысокому ловкому мужчине? Странные шаги. То замирающие, то снова возобновляющиеся. Кому понадобилось гулять поблизости от Крета?

И еще одно. Чего так испугался Кретов на последней репетиции? Ей-богу, он словно предчувствовал, что с ним произойдет несколько часов спустя. Алька была готова поспорить, что в словах Рыбакова Кретов уловил какой-то иной, одному ему понятный смысл. Но какой? Вот чертовщина!

Алька выкинула окурочек и свернулась клубочком под одеялом. На нее навалился сон — тяжелый, свинцовый, без сновидений.

Четверг тянулся тоскливо и бесконечно. С утра за окном вдруг захлюпала оттепель, по стеклу противно моросило, большой сугроб в конце двора осел и посерел. В комнате почему-то было невероятно темно, и Аля, как встала, зажгла лампочку. Казалось, ночь сразу перешла в вечер, минуя светлое время суток. Неудержимо хотелось спать. Часов в десять забежал Славка, растрепанный, с красными глазами, абсолютно трезвый и злой. Он посидел у девчонок минут сорок, но разговор не клеился. Втроем они сходили в буфет, выпили кофе, пожевали бутерброды и разошлись по номерам.

Оперативники объявились лишь к вечеру. К Але с Леной зашел молодой курносый парень с розовыми, как у младенца, щеками и чуть косящими глазами, которые, впрочем, придавали ему вовсе не уродливый, а очень симпатичный вид. По-северному упирая на «о», он долго и неторопливо расспрашивал, кто где находился вчера на момент смерти Кретьова. обстоятельно записав все, что услышал, в большой блокнот, опер сочувственно покачал головой:

— Не повезло вам. Как же вы теперь без дирижера?

— Другой придет, — ответила Лена.

— Запасной, что ли? — улыбнулся парень, явно утомленный хождением по номерам. Ему было скучно и хотелось поболтать с симпатичными музыкантшами.

— Ага, — насмешливо подтвердила Аля. — Как у футболистов.

Милиционер не обиделся.

— А вот скажите, девчонки, — он поудобней устроился на стуле, — ваши все говорят, эта стычка у Кретьова с Рыбаковым была далеко не первой. Так?

Аля молчала, лихорадочно соображая, как лучше ответить, чтоб еще больше не навредить Валерке.

— Так, — кивнула Лена.

— И раньше Рыбаков ему тоже угрожал?

— Никогда! — горячо выпалила Алька.

— Он сильно поддавал, Рыбаков ваш?

— Да нет. Только в последнее время.

Курносый нравился Альке гораздо больше Лаврова. Ей казалось, он даже сочувствует Валерке. Сказать ему про странные шаги в коридоре? По идее, это должно заинтересовать оперативников.

— Кретьова мог убить и кто-то другой, — как можно тверже произнесла она и тут же поймала на себе два изумленных взгляда — Ленкин и молоденького мента.

— Кто же, если не секрет? — осведомился тот.

— Не знаю, но я слышала, как кто-то ходил перед номером Кретьова, как раз перед самой его смертью.

— И не видели, кто это был?

— Нет. Я спешила к себе. Номер Кретьова не виден за поворотом коридора, а я не стала специально смотреть.

— Какие были шаги?

— Тихие, легкие. Они останавливались, а потом начинали звучать снова.

— Что ж вы вчера не сказали об этом оперативной группе? — удивился курносый.

— Я забыла, — призналась Алька. — Тогда, когда я их слышала, они не показались мне подозрительными. Ну ходит кто-то и ходит. Разве нельзя?

— Я думаю, в них и нет ничего подозрительного, — улыбнулся розовощекий. — Тем более против Рыбакова такие веские улики. Но я передам начальству ваши слова.

— Спасибо, — обрадовалась Алька. — Я еще хотела спросить. Вам никто из оркестра не рассказывал, как испугался Кретов после слов Рыбакова о расплате?

— Конечно, рассказывали.

— Вам не показалось это удивительным?

— Нет. Что тут удивительного? Рыбаков погрозил, потом привел свою угрозу в исполнение. Не по злему умыслу, конечно, но, видимо, ваш дирижер предчувствовал, что так может получиться.

Алька промолчала. Ясно, мент думает так же, как остальные. Никто не уловил в поведении дирижера ничего странного. Может, и ей лишь почудилось?

— Ну ладно, — вздохнул парень. — С вами хорошо, а у меня еще целый этаж. Вы на чем играете-то?

— Мы? — с готовностью откликнулась Алька. — На барабане!

Парень заржал.

— Я б за тобой после дежурства зашел, барабанщица, — весело проговорил он. — Да ведь не пойдешь?

— Не пойду.

— А подружка твоя?

— А подружка — тем более, — ответила Ленка. — Вы идите, а то там наши мальчики заждались. У нас алиби общее.

— Ну барабанщицы! — Парень погрозил девчонкам пальцем и скрылся.

— Слава богу, отвалил, — вздохнула Ленка с облегчением и подавила судорожный зев. — Теперь можно будет домой уехать. Хуже нет, чем целый день в гостинице без дела торчать.

Вечером зашел Чегодаев и объявил, что директор оркестра Глотов взял билеты на Москву на завтра в ночь.

Алька втащила в комнату чемодан, сиротливо томящийся в коридоре, прикрыла дверь и в изнеможении опустилась на тахту. Ну и что? Полный облом, даром только носилась с утра как угорелая. Поезд прибыл на Курский вокзал в семь утра. В восемь Аля уже была дома, оставила чемодан, скрипку, выпила чашку кофе и поехала в следственный изолятор. Убийство Кретьова, естественно, вызвало резонанс не только в музыкальных кругах, но и во всей культурной среде страны. Пресса и телевидение моментально подняли шум по поводу гибели известного дирижера. Вмешалась Генпрокуратура, и Рыбакова, как подозреваемого по особо важному делу, в Москву привезли еще вчера, так что Алька надеялась... Неизвестно на что надеялась! Оперы посмотрели на нее как на сумасшедшую, ни объяснять ей что-либо, ни разговаривать с ней никто и не собирался. Какое уж там свидание с подследственным!

— Вы ему кто? Жена? — сурово поинтересовался пожилой майор, единственный, кого Альке удалось отловить на выходе из следственного изолятора и разжалобить.

— Нет, — помотала она головой, ежась и стуча зубами. В помещение без пропуска не пускали, и, пока Аля попала на этого сердитого, седого мужика, ей пришлось полтора часа простоять на улице. Как назло, в Москве вдруг ударил мороз.

— Невеста? — еще суше спросил седой.

— Нет.

— А кто? Сестра?

— Я с ним работаю.

— Девушка, не морочьте мне голову, — устало произнес майор, отстраняя Альку. — Свидание дается только с родными и близкими. И то далеко не так скоро, как вам бы хотелось. Ясно? — Он внимательно поглядел на понурую, притихшую Алю.

— Ясно, — тихо пробормотала та.

— А раз ясно, то и нечего здесь болтаться под ногами. Домой ступайте. — Седой решительно зашагал к ограде.

Алька кивнула ему в спину, но с места не двинулась, продолжала молча стоять, уставившись себе под ноги. Седой на ходу обернулся, нахмурился и неожиданно остановился.

— Что не идешь? Не веришь мне? Думаешь, кто другой тебе иначе скажет? А ну подойди-ка, — строго приказал он. — Подойди, говорю.

Что-то в его голосе неумовимо изменилось. Что, Аля сказать не могла, но сразу это почувствовала. Ноги сами зашагали навстречу седому.

— Ну чего ты хочешь? — Тот смотрел утомленно и беззлобно серыми, свинцовыми глазами. — Сидеть будет твой Рыбаков. Лет восемь, не меньше. За непреднамеренное убийство. Улик против него достаточно, остается дело в суд передать. Там, конечно, учтут смягчающие обстоятельства, они у него имеются, никто не спорит. Так что вот. Все что мог сказал тебе. Если б еще сознался твой приятель — чистосердечное-то признание... ну это все с детства знают.

— А он не сознался? — робко спросила Аля.

— В том и петрушка. Зря упрямится, хуже только себе сделает. — Майор помолчал, закурил и ушел, едва кивнув Але.

...Пронзительно заверещал телефон. Погруженная в невеселые воспоминания, Алька

вздрыгнула, вскочила, схватила трубку.

— О! Ты дома? — радостно зарокотал в ухо голос Андрея. — Вы ведь должны были послезавтра вернуться!

— А чего ж сегодня звонишь? — улыбнулась Аля. Сколько прошло времени, а Андрюшка все не меняется, так и бегаёт за ней хвостиком, с самого первого курса консерватории. И ведь не надоест ему!

— На всякий случай, — весело объяснил Андрей. — Как чувствовал, что вы раньше вернетесь. Что, концерты сорвались?

— Ой, Андрюш, ты представить себе не можешь, как сорвались, — вздохнула Аля. — Кретов умер.

— Как — умер?!

— Его убили. Кипятильник включили, когда он ванну принимал.

— Кто?

— Флейтист один.

— Обалдеть! Вас небось затаскали, бедных?

— Не без этого.

— Мне приехать, Аль? — нерешительно и мягко спросил Андрей.

— Нет, Андрюш, не надо. Я только с поезда. Устала как собака, и настроение соответствующее. Завтра, скорее всего, похороны, нам играть целый день, а я две ночи почти не спала.

— Ладно, ладно, я все понял, — сразу согласился Андрей. — Ты, Аль, держись, не бери в голову. Второй-то дирижер у вас где сейчас?

— Горгадзе? В Париже. Ему уже, наверное, сообщили.

— Все будет о'кей. Я завтра позвоню, хорошо?

— Звони.

Разобрав чемодан, Аля отправилась в ванную (слава богу, в Москве в марте не выключают горячую воду) и целый час пролежала в душистой густой пене. Напарившись, она вышла в узкий коридорчик коммуналки, где висело огромное, в рост, зеркало в потрескавшейся гипсовой раме. Большое махровое полотенце скользнуло к ногам, Алька распрямила плечи и улыбнулась своему отражению. Ну что ему еще нужно было, этому Валерке? Чем она хуже его сбежавшей жены? Ничем! Даже лучше. И ноги от шеи, и талик можно ладонями обхватить. Правда, Верка — блондинка, а у Альки волосы черные, как у цыганки. И глаза темные. Все парни от этого балдеют. А! Алька в сердцах махнула рукой и, не поднимая полотенца, нагишом прошлепала в кухню. Сзади со скрипом приоткрылась дверь, и, обернувшись, Алька увидела вытянувшееся крысиное лицо соседки, Элеоноры Ивановны. Та окинула голую Альку диким взглядом, что-то прошипела и юркнула обратно в свою комнату. Алька зло и весело рассмеялась. Поделом старой ведьме, теперь ни за что не появится на кухне, пока Алька не уйдет. Ну и хорошо, можно будет спокойно перекусить. Она вспомнила, как встретила ее соседка полгода назад, когда Аля только купила эту комнату. Точно лютого врага. А ведь Аля думала, будет у них добрая дружба, такая, как с тетей Машей и тетей Таней в ее родительской квартире в Воронеже. Но Москва не Воронеж, теперь Алька хорошо это понимает. Недаром говорят: Москва слезам не верит.

Алька включила чайник, выложила на сковородку замороженную овощную смесь и уселась у окна в ожидании еды. Тут же позвонил Чегодаев:

— Значит, так. До следующего четверга не работаем. В среду приезжает Горгадзе, с ним

будем репетировать к Испании. Теперь насчет завтра.

— Похороны?

— Да. В десять собираемся в филармонии, без опозданий. Рассчитывай часа на четыре, народу будет уйма. Соловьевой позвонишь?

— Конечно.

— Хорошо, а то у меня язык уже заплетается. После панихиды — на кладбище. Освободимся, я думаю, в пять — в шесть. — Чегодаев перевел дух и убрал из тона официальность: — Что ты делаешь потом?

— Не знаю, — честно ответила Алька.

— Ну давай ко мне. Я на машине буду, доберемся в момент.

Васька Чегодаев жил в Бутове, и ехать городским транспортом к нему было не меньше полутора часов.

— А обратно отвезешь? — деловито осведомилась Аля.

— Обратно не обещаю. Хватит с тебя и одного конца.

Алька открыла было рот, но заставила себя сдержаться. Ваське лучше не хамить, он потом это припомнит, обязательно припомнит.

— Так как, заметано? — уточнил Чегодаев.

— Там посмотрим, — сухо сказала Алька. В конце концов, ее испытательный срок прошел давно, и никто ее просто так из оркестра не выставит. А Васька пусть обождет, ишь тоже нашел себе девочку по вызову!

— Вот так, значит, неопределенно? — холодно усмехнулся Чегодаев. — Ну ладно, смотри. И Соловьевой не забудь позвонить.

— Не забуду.

Чайник давно вскипел, овощи поджарились. Алька наполнила тарелку, сделала чашку растворимого кофе и приступила к обеду, который по совместительству являлся для нее и завтраком. Машинально тыкая вилкой в тарелку, она думала о том, что, видно, и впрямь от судьбы не уйдешь. Значит, Рыбакову судьба сидеть за убийство Кретова, а ей, Альке, ехать в Бутово к Чегодаеву, и нечего загружаться на этот счет.

Внезапно она вскочила с места. Нет, черт возьми! При чем здесь судьба? Кто сказал, что Валерка будет сидеть? Да все говорят. А почему? Потому что уверены: Кретова убил именно он. Но ведь сам Валерка не признался в убийстве. Почему она, Аля, должна верить всем и не верить ему? А вдруг Рыбаков говорит правду и Кретова убил кто-то другой, не Валерка? Эта мысль посетила Альку еще во Владимире. Кто-то, кто бесшумно, крадучись, ходил по коридору, зашел в номер дирижера раньше Рыбакова и включил в розетку кипятильник. Чушь? Нет, не чушь. Но как же тогда крик Кретова про флейту?

Алька со злостью шлепнула ладонью по столу. Прохоров слышал, как кричал Кретов, это неоспоримое доказательство. Против логики не попрешь. Нет, стоп! А если она попрет против логики? Вот возьмет и попрет! Будет считать, что крика не было, что он Прохорову почудился, а отпечатки на вилке Рыбаков оставил, когда вынимал ее. Что тогда надо? Тогда...

Ответ показался простым как трава: надо искать настоящего убийцу. Легко сказать — искать! Чегодаев вчера поделился, что у всех оркестрантов надежное алиби: все сидели по своим двухместным номерам, в крайнем случае, были в гостях друг у друга. Персонал гостиницы тоже проверили. Кто же это мог быть? Кто-то случайный? Но зачем ему убивать московского дирижера? И как убийца мог узнать, что Кретов грел ванну кипятильником?

Нет, получается полная чепуха.

Алька, забыв про еду, пронеслась к себе в комнату, поспешно натянула старенькие джинсы, футболку. С чего начать, с какого конца? Она лихорадочно пыталась вспомнить содержание детективов, в превеликом множестве прочитанных с подросткового возраста. С чего начинают расследование все знаменитые сыщики из романов и фильмов? Кажется, собирают сведения об убитом. Вот именно, стараются узнать о нем как можно больше. А что она знает о погибшем Павле Тимофеевиче Кретове? Заслуженный артист России, руководит Московским муниципальным пятнадцать лет. Сколько ему? Вроде около шестидесяти или больше. Еще Аллька точно помнит, что Кретов разведен, об этом ей говорил Чегодаев. Все. Больше ничего не известно. Ни где он жил, ни с кем, ни номера телефона. Кретов разрешал звонить только избранным: Глотову, Чегодаеву, Сухаревской, еще некоторым оркестрантам, которые работали с ним давно, почти с самого его прихода на должность главного дирижера.

Аля решительно набрала Васькин номер. В ухо ей ударили короткие гудки, — очевидно, тот продолжал обзванивать оркестр. Что и говорить, работа у Васьки нервная — и характер вырабатывает соответствующий, железный: палец в рот не клади. Аллька терпеливо накручивала диск, раз за разом, пока не прозвонилась и не услышала усталый и недовольный чегодаевский голос.

— Вась, это я, — вкрадчиво начала Аллька.

— Чего? — коротко и сердито спросил Чегодаев. — Заболеть не удастся. Всем быть — хоть чучелом, хоть тушкой. И не пытайся меня разжалобить.

— Да я не за этим, Вась. Я сказать хотела. Поедем завтра, если ты еще не передумал.

— Не передумал, — сразу смягчился Васька. — А чего это ты так вдруг?

— Да просто, — засмеялась Аллька. — Подумала и решила.

— Ну молодец, что решила, — похвалил Чегодаев. — Гуд бай давай, а то я еще не всем сообщил о панихиде.

— Гуд бай.

Ну вот, завтра Аля узнает все, что ее интересует. Так и быть, доберется она из Бутова на метро, не убудет ее.

Гражданская панихида началась ровно в десять. Выступающие сменяли один другого, их было, как показалось Але, бесчисленное множество. «...Тяжелая утрата... огромная невосполнимая потеря... трагическая случайность унесла из жизни величайшего музыканта...» Слова ораторов постепенно смешивались у нее в голове, а оркестр все играл и играл, провожая со сцены одного и встречая другого. Наконец в одиннадцать открыли доступ к телу Кретова, и потянулась бесконечная толпа желающих проститься с одним из крупнейших музыкантов и дирижеров последнего двадцатилетия. Шли официальные лица из Союза музыкальных деятелей, представители городской власти, друзья, коллеги и просто почитатели кретовского таланта. У гроба дирижера молча и неподвижно, словно изваяния, стояли две пожилые женщины в черном, одна — бывшая жена Павла Тимофеевича, другая — его сестра. Детей у Кретова не было.

К четырем часам, после кладбища, музыканты еле стояли на ногах. Аля закинула скрипку на заднее сиденье чегодаевской «десятки», сама бухнулась с ним рядом, стянула перчатки с онемевших рук и принялась яростно тереть пальцы.

— Замерзла? — сочувственно спросил Чегодаев. — Сейчас печку включу, согреешься.

— Просто руки отсохли играть, — призналась Аля. — Для меня это первая панихида. Невольно вспомнишь добрым словом кретовские репетиции.

— Не бойсь, — философски заметил Васька, — все еще впереди. Когда-то и я играл на первой панихиде, только давно это было.

— Типун тебе на язык, — суеверно пробормотала Аля и перекрестилась.

Машина весело неслась по кольцевой дороге, в салоне стало тепло, и Аля начала было клевать носом, но тут показалось Северное Бутово — новенькое, краснокирпичное, с причудливыми остроконечными крышами, огромными супермаркетами и красочными, нарядными рекламными щитами. Васька проехал мимо всего этого великолепия к более скромному кварталу и остановился около панельной семнадцатипятиэтажки.

Сорокалетний Чегодаев был трубач, и трубач весьма крепкий. Помимо своего основного места работы — Московского муниципального оркестра, которому он отдал без малого тринадцать лет жизни, Васька подвизался еще в нескольких ансамблях и время от времени делал записи на компакт-диски. Трехкомнатную квартиру в Бутове он купил меньше года назад, оставив при разводе прежнюю жилплощадь жене и ребенку, и новая просторная квартира стояла пока полупустая. Полностью обставлены были лишь спальня и широкая светлая кухня, где красовался шикарный испанский гарнитур. В углу, точно белая, монументальная колонна, высился холодильник фирмы «Электролюкс», телевизионная реклама которого как нельзя более точно отражала Васькину сущность — все делать основательно и с умом.

Васька пошел в душ, а Аля тем временем разложила на кухонном столе купленные по дороге продукты: курицу-гриль, киви, пирожные, бутылку «Гжелки», и принялась нарезать помидоры для салата. На кухне царили чистота и уют — аккуратный и педантичный Чегодаев придирчиво следил за порядком не только в оркестре, но и в своем холостяцком доме. Алье нравилось хозяйничать у Васьки, иногда она даже мечтала, что неплохо было бы перебраться сюда совсем, в качестве молодой чегодаевской жены. Однако мечты эти не носили конкретный характер, да и Васька отнюдь не спешил делать Алье предложение. Он

был щедр, внимателен, опекал ее в новом для Альки коллективе, но и только. К чести его сказать, свободу Алькину он никак не связывал и ни к кому не ревновал.

Алька закончила с салатом, переложила его в большую полосатую миску, поставила приборы, рюмки и оглядела стол, любуясь своей работой. В дверях ванной показался посвежевший, довольный Чегодаев. Густые, темные волосы его красиво блестели, на сильных, мускулистых руках перекатывались бицепсы. Аля с невольным уважением окинула взглядом голую по пояс, безупречную для своего возраста Васькину фигуру. Они с аппетитом уничтожили еду, которая под «Гжелку», особенно любимую Чегодаевым, шла отменно, тем более что оба завтракали в половине девятого утра, а сейчас было уже шесть. Наевшийся, разомлевший Чегодаев с ласковой снисходительностью посматривал на Альку, уплетавшую киви.

— Ну иди сюда, котенок. — Он протянул руки, взял Альку к себе на колени. — Соскучился я по тебе со всей этой чертовщиной.

Васька принес девушку в спальню, уложил на широкую кровать, откинув покрывало, и принялся раздевать. Делал он это не спеша, с толком, и от его мягких и одновременно властных прикосновений Алька заводилась все больше и больше. С последней снятой тряпкой она была совсем готова, и Васька налег на нее всей тяжестью. Алька видела: он старается для нее, и сама честно старалась изо всех сил. Но почему-то в самый решающий момент перед глазами у нее вдруг всплыло чуть насмешливое Валеркино лицо. Это сломало ей весь кайф, и, как она ни пыталась прогнать непрошеное видение, оно продолжало преследовать ее.

Васька закурил, подозрительно покосился на Альку:

— Устала, что ли?

— Есть немножко, — виновато пробормотала она, проклиная себя за слюнтяйство и больше всего опасаясь, что Чегодаев рассердится и визит к нему окажется напрасным.

— А в гостинице не устаешь из койки в койку прыгать, — обиженно бросил Чегодаев.

Алька почувствовала, как в голову ей ударила жаркая волна гнева. Вот гнида! Да как он смеет с ней так!

— Не твое дело! — Она вскочила и стала лихорадочно натягивать на себя одежду. Губы ее дрожали от обиды на Чегодаева, а заодно и на Валерку, словно тот был не в тюрьме, а нарочно явился побеспокоить Альку.

Васька молча курил, спокойно глядя на Алькину суету. Та резко рванула «молнию» на юбке, глаза ее мрачно сверкнули.

— Класс, — произнес Чегодаев. — Люблю, когда ты злишься, ни дать ни взять, разъяренная кошка. Аж глаза светятся.

— Пошел ты! — Алька дернулась к двери спальни, но Васька поймал ее за руку и крепко сжал.

— погоди, не гони волну. Сядь. — Он с силой потянул Алькину руку. — Сядь, кому говорят.

Алька нехотя уселась рядом с Чегодаевым.

— Нравишься ты мне, Алина, — раздувая ноздри, пробормотал Васька. — Ох нравишься. Характер только скверный, но по мне — лучше такой, чем никакой, ни рыба ни мясо. Ну, мир?

Не дожидаясь ответа, он опрокинул Альку навзничь, распластывая на цветастой крахмальной простыне.

Заверещал мобильник, лежащий на тумбочке. Алька, проклиная всех любителей звонить Чегодаеву в пять утра, поспешно протянула руку и отключила телефон. Потом осторожно выбралась из-под одеяла. Васька во сне что-то недовольно пробормотал и отвернулся к стенке.

Аля, тихонько ступая по пушистому ковру, стянула со стула свои вещи и крадучись вышла из спальни.

Где Чегодаев может хранить адреса и телефоны оркестрантов? Алька юркнула в прихожую, торопливо обшарила карманы Васькиной кожаной куртки, вытащила толстую записную книжку. Боясь зажигать свет в коридоре, прошлепала на кухню, уселась за стол, открыла страницу на букву «К». Список телефонов оказался внушительным, но номера Кретова среди них не было. Немудрено — Васька знает Павла Тимофеевича так давно, что наверняка и адрес его, и телефон выучил наизусть.

Как же ей найти то, за чем она сюда приехала? Поискать старые записные книжки, десяти-пятнадцатилетней давности, если только Васька не поленился забрать их с собой на новую квартиру? Сама Алька никогда не хранит бумажный хлам, но Васька — это дело другое, он человек практичный и предусмотрительный. В полупустой квартире с минимумом мебели документы спрятать не так уж легко. Надо попробовать найти их.

Алька снова вышла в коридор, аккуратно засунула записную книжку обратно в куртку. На цыпочках приблизилась к двери спальни, прислушалась. Не дай бог, Чегодаев проснется и увидит, чем она здесь занята. Пожалуй, он догадается, для чего нужны Альке координаты покойного дирижера. Ничего не скажешь, Валерку он здорово утопил, по полной программе. Не передал бы ментам слова Рыбакова о том, что Кретову «даром не пройдут» все его фокусы, может, те и не были бы так убеждены в Валеркиной виновности. И чего ему, Ваське, было так из кожи лезть, правду-матку резать? Крета пожалел, что ли? Они с ним в теплых отношениях были, Чегодаев в любимчиках ходил у Павла Тимофеевича.

Алька бесшумно двинулась в большую комнату, в которой мебели было меньше всего, лишь широкий коричневый диван и старый секретер, перевезенный, видимо, с прежней квартиры. Она потянула за ручку и плавно выдвинула верхний ящик. Он был почти пуст, если не считать стопки объяснительных записок от опоздавших оркестрантов, аккуратно подколотых скрепкой, и зарядного устройства для сотового телефона. Алька, не теряя хладнокровия, заглянула во второй ящик, затем в третий. Там тоже не оказалось ничего интересного, за исключением нескольких сборников нот, пары старых, но дорогих кожаных бумажников и довольно толстой пачки долларов, перехваченной резинкой.

Алька задвинула ящики назад, уселась на диван и задумалась. Видимо, старых книжек в Васькиной квартире нет, вряд ли он будет хранить их в третьей, последней комнате, где она еще не побывала. Там Чегодаев занимается на своей трубе и наверняка, кроме нот, ничего не держит. Однако убедиться в этом все же стоит.

Алька зашла в небольшую, расположенную справа по коридору комнату, действительно заваленную нотами и заставленную полками с аудиокассетами и компакт-дисками. Это была настоящая студия, Васька специально нанимал мастеров, чтобы те сделали в комнате звукоизоляцию, так что играть теперь можно даже ночью, не опасаясь гнева соседей. Здесь же находился музыкальный центр и электрическая клавинола-синтезатор — Алькина

голубая, но несбыточная, по причине лютой своей дороговизны, мечта.

Алька с невольной завистью оглядела Васькино богатство. Нет, конечно, тут искать бесполезно. Придется что-нибудь наплести Чегодаеву, чтобы тот снабдил ее адресом Кретова сам. Но в успехе такого предприятия Алька уверена не была — обмануть Ваську ей практически никогда не удавалось, он всегда видел ее насквозь.

За открытой дверью внезапно послышались шаги. Алька вздрогнула и обернулась. На пороге стоял хозяин квартиры, лицо у него было сонным и удивленным.

— Ты чего тут делаешь? — недовольно поинтересовался Васька. — Не спишься тебе в половине шестого?

— Смотрю на твою клавинолу. — Алька кивнула на стоящее в углу чудо техники.

— Чего смотреть-то? — резонно заметил Васька. — Села бы поиграла. Самое время сейчас.

Он зевнул и кинул на Альку выразительный взгляд. Тут только она вспомнила, что так и ходит по дому полуодетая — в джемпере, колготках и без тапочек.

— Пойдем кофе попьем, — предложил Чегодаев. Он, кажется, не злился и ни в чем Альку не заподозрил.

— Пойдем, — согласилась Алька, скрывая досаду.

Через пару минут Васька совсем проснулся и насмешливо наблюдал, как девушка, с трудом сдерживая зевоту, управляется с кофемолкой.

— И чего вскочила? — миролюбиво проговорил он. — Вот ведь на ходу спишь. Сядь, я сам, нет сил на тебя смотреть, жалость берет.

Алька послушно уселась за стол. Чегодаев ловко орудовал у плиты, и она поражалась, как ему удается оставаться таким бодрым после четырех часов сна. Сама Алька сию минуту завалилась бы в кровать, если бы не цель, которую она себе поставила.

Пока Алька ожидала кофе в Васькином исполнении, у нее в голове внезапно созрел блестящий план. Конечно, она не была уверена, что ей обязательно повезет, но попытаться стоило.

— Вась, — позвала Алька Чегодаева.

— Ну, — откликнулся тот, доставая чашки.

— Мне позарез нужен телефон одной девицы. Она у Крета работала года два назад. Костикова Инна.

— Альтистка?

— Точно, — обрадовалась Алька. — Дашь номерок?

Инка Костикова когда-то была Алькиной соседкой по общежитию. Алька училась тогда на первом курсе, а Инка была дипломницей и подрабатывала в Московском муниципальном. Долго она там не продержалась, ушла еще до той поры, как Алька окончила консерваторию и устроилась в оркестр. И теперь расчет Альки был предельно прост: если Чегодаев согласится найти для нее телефон Костиковой, он ползет за ним в старые записные книжки. Даже если не повезет с первого раза и на страничке на букву «К» не окажется телефона или адреса Кретова, то, по крайней мере, Алька увидит, где Васька хранит эти книжки. Тогда нужно будет дождаться другого раза, чтобы поискать координаты Кретова.

— Она давно у нас не работает, — задумчиво проговорил Васька. — Это надо в старых записях рыться. Тебе очень нужно?

— Очень! — Алька проникновенно заглянула Ваське в глаза. — Понимаешь, я с ней когда-то дуэты Моцарта играла. Ноты мои у нее остались. Я уж и в общагу звонила, и

девчонкам нашим, никто не знает, как ее разыскать. А тут мне вдруг в голову пришло, что у тебя-то наверняка есть она в оркестровом банке данных.

— Что, прямо сейчас осенило? В шесть утра? — скептически произнес Васька.

Алька засмеялась и кивнула.

— Ну ладно, — неожиданно легко согласился Чегодаев, ставя перед Алькой большую кружку дымящегося кофе. — Только кофе выпью.

«Значит, они все же здесь, эти книжки», — торжествующе подумала Алька, стараясь не выдать своей радости.

Васька пил кофе так долго, что Алька совсем потеряла терпение. Наконец он вылез из-за стола и направился напрямик в спальню. Достал с верхней полки шкафа небольшую коробку из-под обуви, доверху набитую блокнотами.

— Костикова? — переспросил Чегодаев, что-то прикинул в уме, потом выудил из коробки несколько книжек по одному ему ведомому принципу, быстро пролистал и сунул одну из них Альке: — Кажется, здесь. Глянь на «К».

Алька поспешно схватила книжку, открыла нужную страницу. Увы! Инка Костикова тут была, и с адресом, и с домашним телефоном, а вот Павла Тимофеевича Кретова не было.

Алька прилежно изобразила на лице радость.

— Есть? — уточнил Васька. — Оторви листок, перепиши себе. А книжку давай сюда, она мне еще пригодится. — Он взял с тумбочки ручку, блокнот и протянул их Альке.

Той ничего не осталось, как скопировать телефон Костиковой, которая была нужна ей как собаке пятая нога.

В это время снова зазвонил мобильник.

— Слушаю. — Васька взял трубку. — Не разбудил. Нет. Погоди, я сейчас. — Он быстро вышел из спальни, закрыв за собой дверь.

Алька поглядела ему вслед, секунду поколебалась и бросилась к коробке. Лихорадочно перебрала потрепанные, распухшие книжки, схватила наугад одну, самую толстую.

Есть! В самом верху страницы мелким каллиграфическим Васькиным почерком были записаны номер телефона и адрес Кретова. Но это еще не все. Строчкой ниже Алька прочла: «Кретова (Вертухова) Зинаида Ильинична». Это была неслыханная удача. Кретовский адрес можно было на худой конец добыть и в адресном столе, а вот координаты бывшей жены Павла Тимофеевича Алька никогда бы не разузнала, потому что понятия не имела ни о том, как ее зовут, ни какая у нее фамилия.

За дверью Васька громко засмеялся в трубку. Алька вздрогнула, схватила карандаш и списала адреса. Сунула листок в сумочку, стоящую на стуле у кровати. Облегченно выдохнула — Васька все разговаривал с каким-то любителем утренних телефонных звонков, и Алька окончательно осмелела. Снова заглянула в книжку, так и раскрытую на букве «К», и тут увидела то, что не заметила вначале, торопясь переписать нужные адреса. Внизу страницы, наискосок, прямо поверх номеров телефонов было крупно и жирно, с нажимом, выведено: «Саврасенков». Почерк был Васькин, но какой-то неровный. После фамилии «Саврасенков» стоял вопросительный знак. Телефона рядом не было.

Алька удивленно посмотрела на испорченную страницу. Что, интересно, заставило Ваську сделать эту странную запись? И что она может означать? Девушка перевернула страницу, и ее удивление возросло. Там, на следующей странице, фамилия «Саврасенков» была написана еще три раза, но уже без вопросительного знака. И дальше, точно так же крупно и размашисто, значилось четыре раза «Омелевский».

Дверь приоткрылась.

— Ну бывай. — Васька боком вошел в спальню. — Увидимся на неделе. Я пока свободен.

Алька бросила записную книжку в коробку и, сев на кровать, стала сосредоточенно рыться в сумочке. Чегодаев отключил телефон и усмехнулся:

— Никому сегодня не спится. Выходной называется!

Он взял коробку и спрятал ее обратно в шкаф.

Домой Аля попала лишь к десяти часам. Васька, расчувствовавшись, подбросил ее на машине до самого метро. От недосыпа Альку покачивало, настроение было хуже некуда.

Она пыталась разгадать, для чего Ваське понадобилось портить записную книжку, бесцельно и многократно делая в ней одну и ту же запись. Фамилии «Саврасенков» и «Омелевский» были ей знакомы. Петя Саврасенков был скрипач, а Ваня Омелевский — альтист, оба они раньше работали у Кретова и ушли из Московского муниципального, один полгода, другой — несколько месяцев назад.

Почему имена этих людей попали именно на эту страницу? Связано это как-то с покойным дирижером или запись сделана здесь случайно? О чем думал Васька, когда раз за разом выписывал фамилии струнников?

Алька понимала, что ответить на эти вопросы ей может лишь один человек — сам Чегодаев. Но на это рассчитывать не приходилось. О том, что разговаривать с Васькой о Кретове и Валерке бесполезно, она поняла час назад, покидая чегодаевскую квартиру. Перед уходом Алька, видя хорошее Васькино настроение, попробовала завести с ним разговор о странном поведении Павла Тимофеевича и своих сомнениях в том, что его убил Рыбаков. Васька тут же взвился, от его благодушия не осталось и следа, и обсуждать эту «идиотскую», по его выражению, тему он категорически отказался.

Причин этому могло быть две. Первая, и более вероятная, — его личная неприязнь к Валерке. Тот достал Ваську своими вечными опозданиями и потерей нот, а кроме того, ругался с Чегодаевым по поводу штрихов и оттенков, абсолютно не взирая на его инспекторский чин.

Вторая причина казалась Альке маловероятной, но тем не менее сбрасывать ее со счетов нельзя. Васька мог знать что-то о Кретове, что-то связанное с ушедшими из оркестра струнниками. И почему-то ему вовсе не хотелось, чтобы это вышло наружу. Поэтому он был рад подвернувшейся возможности списать все произошедшее на Рыбакова.

Так или иначе, от Чегодаева Альке ничего больше не узнать. Ну и ладно! Теперь можно заняться Кретовым.

Полтора часа сна ее освежили, и к полудню Алька уже сидела в маленькой уютной Ленкиной квартире, удобно развалясь в стареньком кресле с деревянными подлокотниками. Бывать у Ленки Алька обожала — здесь она ощущала необычайный покой и комфорт. Тут все напоминало Альке родительскую квартиру, в которой прошло ее детство и которую она покинула шесть лет назад, восемнадцатилетней девчонкой. С тех пор ее помотало изрядно: сначала жила в общежитии, потом по съемным комнатам и только в прошлом году наконец обрела свой угол, да и тот крошечный, почти пустой, со злобной Элеонорой Ивановной за соседней дверью. А в Ленкиной небольшой комнатухе с веселыми голубыми обоями так замечательно было болтать вечерами и даже ночи напролет. Тихо поскрипывал клетчатый, чуть потертый диван, таинственно поблескивало в углу старинное пианино, черное, тяжелое, с канделябрами по обеим сторонам. На секретере сидели две большие куклы, Маша и Наташа. Маша была без глаза, а у Наташи заметно поредели волосы, но Ленка их не убирала, и иногда, особенно в сумерках, Альке казалось, что Маша подмигивает ей уцелевшим глазом: что, мол, подруга, идут дела-то? Тогда Алька потихоньку подмигивала ей в ответ: дескать, ничего, дела идут, все хоккей!

Однако сегодня Алька на кукол не обращала внимания — слишком серьезным был повод, по которому она явилась сюда. Ленка была единственным человеком, которому Алька решилась доверить свой тайный план, потому что в одиночку ей, Альке, с таким делом просто не справиться.

Подруга слушала Алю молча, не перебивая, иногда чуть наклоняя голову в знак согласия, изредка вопросительно поднимая брови, но ничего не говоря. Наконец Алька умолкла и перевела дух.

— Ну что скажешь? — с надеждой поинтересовалась она.

— Скажу, что ты чокнулась. — Ленка поудобней устроилась на диване напротив Али, закинула ногу на ногу. — Где ты собираешься искать неведомого убийцу? Ты хоть примерно представляешь себе, что это такое? Все равно как найти иголку в стоге сена. И вообще, это же чертовщина! Ясно, что кипятильник включил Рыбаков, кого же мы будем разыскивать?

— Мне не ясно! — отрезала Алька.

— Значит, тебе нужно к психиатру, — спокойно констатировала Ленка.

— Но ведь я тебе все объяснила — только что, — в отчаянии проговорила Алька. — Если человек не признался...

— Из этого совсем не следует, что он не убивал! Мало ли, сколько преступников не сознаются в своих преступлениях, — что ж, всем верить, что ли, когда есть неоспоримые доказательства?

— Валерка не преступник!

— Аль, у тебя просто поехала крыша на почве того, что он отказался тебя трахнуть! Ты теперь из-за этого готова из него святого сделать. А он обыкновенный, поверь мне. Я-то его четвертый год знаю, и каким он был и каким стал. Копчевский правильно сказал — пить меньше надо, тогда и кипятильники включать не захочется. Ну чего надулась?

Алька сидела, сощутив глаза и закусив нижнюю губу — так она делала всегда, когда собиралась идти наперекор всему, даже здравому смыслу.

Ленка, прекрасно знавшая свою неугомонную подругу, улыбнулась:

— Черта лысого я тебе доказала, да?

— Угу.

— Вот горе мое! — Ленка насмешливо покачала головой. — Ладно, так и быть.

— Что? — Алька быстро выпрямилась в кресле.

— Будем искать вместе виртуального убийцу. Вот только вопрос где. Может, он во Владимире остался, а мы будем Москву-матушку перепаживать?

— Лен, ты прелесть! — Алька повисла у приятельницы на шее.

— Смотри не задуши. Выкладывай лучше, с чего ты собираешься начать, мисс Шерлок Холмс.

— С дома, где жил Кретов. Адресом Васька меня снабдил, остается пойти побеседовать с соседями — хоть какую-то исходную информацию добудем.

— Так и станут с тобой соседи разговаривать, — усмехнулась Ленка.

— Да почему? Ведь они должны знать про Кретова — как жил, кого к себе пускал...

— Удивляюсь я тебе, Алина, — перебила Ленка. — Уж, кажется, не первый год, как уехала из своего Воронежа, а все не привыкнешь. Тут Москва, а не деревня, где все всё про всех знают. В многоэтажках люди годами живут и не ведают, как зовут соседа за стенкой. Утром — на работу, вечером — с работы и на боковую, общаться некогда. Так что, боюсь, твои надежды не оправдаются.

— Я все же попробую, — твердо сказала Аля.

— Когда ты хочешь туда пойти?

— Завтра.

— Завтра? — Ленка задумалась, что-то прикидывая в уме, и огорченно развела руками:

— Завтра я не могу. Должна быть в одном месте позарез. Это насчет мамы.

Алька сникла. А она так надеялась, что завтра уже что-нибудь удастся выяснить. Каждый день дорог — след настоящего убийцы теряется все больше. Не говоря о том, что такое лишней тюремный день для невинного человека. Но об этом она думать не будет! Ясно одно — придется идти самой, потому что у Ленки действительно серьезные обстоятельства: тетя Шура, ее мать, серьезно больна, может быть даже неизлечимо. Ленка мотается по врачам, ездит с матерью на консультации, и грех Альке требовать от подруги, чтобы та непременно освободилась по первому требованию.

— Не бери в голову, Лен, — сказала Алька. — Я справлюсь сама.

— Может, послезавтра?

— Нет. Я уже настроилась. Не стоит расхолаживаться. Я чувствую, что мне должно повезти.

— Ну-ну. Позвонишь вечером, расскажешь, как тебе повезло. — Лена поднялась с дивана: — Пойдем обедать. Мама из больницы приходила, суп грибной сварила и котлет нажарила, объедение! С нашей работой забудешь, когда последний раз дома ела. Знаешь, не верится, что до четверга скрипку в руки брать не надо, а то я к ней приросла за время панихиды.

Оттого что насчет завтрашнего дня все определилось и от Ленкиной принципиальной поддержки на душе у Альки стало легко и спокойно. Она с удовольствием угостилась тети-Шуриной стряпней, а затем они с Ленкой вновь ушли в комнату — пить кофе. На сытый желудок Альке захотелось чего-нибудь высокого, и она предложила:

— Слушай, Лен, давай я тебе Лунную сонату сыграю!

— На фоно?

— Ну не на скрипке же, — захохотала Алька.

— А ты умеешь? — недоверчиво покосилась на нее Ленка.

— Ха, — самодовольно произнесла Алька. — Я, между прочим, на курсе по общему фортепьяно лучшая была, вот так! Мне иногда так поиграть хочется, а инструмента-то нет.

— Я б тебе свой с удовольствием отдала, а то стоит пылиться, сто лет к нему не подходила и еще сто не подойду.

— Давай, — грустно улыбнулась Алька. — Я его в комнату поставлю, все мебель какая-то будет. И Элеоноре играть стану, когда она особо злая. Что-нибудь очень громкое.

Алька уселась за высокий инструмент, осторожно откинула крышку. Взгляду ее предстали пожелтевшие от времени клавиши.

— Ух ты! — Она даже зажмурилась от восхищения. — Настоящая слоновая кость! И не стыдно тебе — такое чудо стоит заброшенным. Ты б хоть пыль с него вытирала. — Алька провела пальцем по клавиатуре, оставляя светлую дорожку.

— Оно расстроено, наверное, — предположила Лена.

— Сейчас проверим. — Аля положила руки на клавиши, на секунду задумалась и заиграла начало Лунной сонаты.

Инструмент звучал красиво и жалобно, чуть подхрипывая, но, в общем, чисто. Лишь одна нота в самой середине оказалась на целый тон ниже положенного.

— Сейчас я ее. — Аля потянулась к крышке.

— Ты что? — Лена вскочила, поспешно подошла к Альке.

— Ре фальшивит. Давай я открою деку и исправлю — я умею, сама дома настраивала.

— Да брось. — Ленка мягко, но настойчиво отвела Алькину руку. — Оно такое старое, и настройщик здесь не появлялся, с тех пор как я окончила школу. Там и грязи небось полно, охота руки пачкать. Пойдем лучше, сейчас «Лолита» набоковская по телевизору будет. Я давно хотела посмотреть. Потом сыграешь.

Алька нехотя вылезла из-за пианино и побрела за Ленкой в большую комнату. Честно говоря, фильм смотреть у нее не было желания, но возвращаться — еще хуже: сидение в пустой комнате навевало на нее тоску. Однако картина постепенно ее захватила, она и не заметила, как пролетело три часа, и опомнилась, лишь когда по экрану поползли титры.

— Ничего, — сказала она Ленке. — Мужик классно играет, а девчонка так себе.

— Доминик Суэйн, — задумчиво проговорила Ленка. Лицо ее было сосредоточенным и непривычно мрачным.

— Чего? — переспросила Алька.

— Актрису зовут Доминик Суэйн. Ее выбрали из сотни других претенденток, а тебе не понравилось.

— А, — равнодушно протянула Алька. — Понятно.

— Ничего тебе не понятно, — неожиданно резко произнесла Ленка и встала.

Альке почему-то показалось, что говорит она вовсе не об актрисе.

Кретовский дом оказался четырнадцатизэтажной башней нежно-оранжевого цвета. Находился он на Речном вокзале, и Альке пришлось добираться больше часа со своей улицы Подбельского. Вокруг простирался обширный парк с еще покрытыми льдом прудами, и она подумала, как хорошо здесь должно быть летом, когда деревья одеваются листвой и в их тени можно плавать и загорать, не уходя далеко от дома.

Дом явно был элитным: во дворе стояли дорогие машины, перед подъездом была разбита площадка для отдыха, со скамейками, беседкой и детскими спортивными снарядами. Вокруг беседки пустовали пока огромные, аккуратно обнесенные кирпичными треугольниками клумбы. Альке тут же вспомнился ее дворик, в котором по весне утопали ноги в глинистой грязи, с одной-единственной лавочкой, сбитой из ящиков, где с утра до вечера сидели подруги Элеоноры Ивановны и перемывали кости жильцам. Ничего не поделывать, каждому свое, может, когда-нибудь и она, Алька, переедет в такое же уютное здание с ухоженным, чистеньким двором, а пока ей и так здорово подфартило.

В подъезде была сооружена стеклянная будка, в которой сидел пожилой бородатый консьерж. Увидев Алю, бородач высунулся в окошечко и поинтересовался, к кому она направляется. Узнав, что Аля ни к кому не приглашена, вахтер пускать ее наотрез отказался.

— Вы смеетесь? — возмутился вахтер. — Мне люди платят, чтобы я их покой охранял, а я позволю невесть кому по квартирам шастать. У вас на лице не написано, кто такая. Может, наводчица али, еще почище, воровка. Тут жильцы солидные, серьезные, есть чем поживиться. Ступайте давайте, а то мигом милицию позову, у меня кнопка в будке — прямая связь с отделением.

Алька, опешившая от встретившейся на ровном месте преграды, чуть было не выложила бородачому старикану все, что о нем думает. Однако вовремя спохватилась, вспомнив Ленкины слова.

— Зря вы так, — как можно равнодушной начала она, демонстративно роясь в сумочке и вытаскивая оттуда блокнот и ручку. — Это же обыкновенный социологический опрос. Сейчас такие на каждом шагу проводят. Даже по телефону людям звонят, чтобы узнать, какими зубными щетками они пользуются, что читают и в каких магазинах покупают продукты. Я же не виновата, что у меня такая работа. Мне за нее деньги платят, как вам за то, что вы дом охраняете.

Бородатый недоверчиво оглядел Альку, пожевал губами, что-то прикидывая в уме, и проговорил весьма недружелюбно:

— Ладно. Только, если что, глядите — я ваши приметы запомнил. В два счета найдут! Документ-то есть какой-нибудь?

Алька протянула деду филармоническое удостоверение. Тот взглянул на красную книжечку, взял ее в руки, раскрыл. Долго изучал Алькину фотографию, сверяя ее с оригиналом, и наконец засунул удостоверение в ящик стола.

— Отдам, как выйдете, — заявил он.

Алька прошла мимо бдительного деда в лифт и поднялась на десятый этаж, где находилась квартира Кретова. Позвонила в нее на всякий случай. Дверь, конечно, никто не открыл. Алька минуты две побродила по лестничной площадке, вживаясь в придуманный образ, потом изобразила на лице очаровательную улыбку и принялась за остальные

квартиры на этаже.

Ей, однако, повезло лишь с третьей попытки. В квартире, находящейся слева от кретовской, на звонок никто не открыл — хозяев, видно, не было дома. Дверь другой квартиры широко распахнулась, и на пороге возникла высокая, суровая старуха в очках, чем-то похожая на Элеонору Ивановну. Услышав про социологический опрос, она решительно покачала головой:

— Нет, милая! Не буду я с тобой разговаривать, — и так же решительно хлопнула дверью у Альки перед носом.

Девушка надавила на кнопку звонка третьей квартиры. За дверью послышались шаркающие шаги, и перед Алькой появился сухонький, седоватый старичок. Он глядел на нее приветливо и с любопытством.

— Здравствуйте, — ангельским голосом проговорила Алька. — Наша фирма проводит опрос населения. Для анкетирования мы выбрали ваш дом и именно ваш подъезд. Не согласитесь ли вы ответить на мои вопросы?

Старичок посторонился, пропуская Альку в маленький коридорчик.

— Отчего не согласиться, если вопросы будет задавать такая милая девушка, — весело сказал он. — Вот только никогда не думал, что представляю интерес для социологов.

Алька, успевшая мельком оглядеть прихожую и видневшуюся за дверью единственную комнату, поняла, что он имеет в виду. Квартирка была бедной, хотя чистенькой и аккуратной. В ней не было ни одной новой, современной вещи — в углу ютился старенький пылесос, мебель обшарпанная, на тумбочке стоял допотопный телевизор «Рубин».

— Вы небось дом-то наш не случайно выбрали, — продолжил хозяин, входя в комнату и усаживаясь на диван. — Тут все больше люди состоятельные живут. А я здесь по случаю оказался, поменялся с невесткой и сыном. Им в центр хотелось, а это окраина, хоть дом сам по себе хороший.

— Ничего, для нас интересны все слои населения, а не только состоятельные.

— Ну коли так, то можете начинать. — Старичок кивнул Альке на кресло, стоявшее перед телевизором. — Я к вашим услугам.

Алька нацелилась ручкой в блокнот и выдала первый вопрос, который придумала еще в лифте:

— Из скольких человек состоит ваша семья?

— Один я, — вздохнул хозяин. — Жена три года как умерла. Дети давно взрослые, разъехались.

Алька сочувственно кивнула и продолжала. Вопросы сыпались как из рога изобилия — Алька призвала на помощь всю свою фантазию.

Старичок терпеливо и спокойно отвечал Альке, хотя многие вопросы — пользуетесь ли вы сотовым телефоном, есть ли у вас автомобиль, как часто вы ездите за границу — вызвали у него на лице грустную улыбку. Однако Алька решила играть роль до конца. План ее заключался в том, чтобы с опроса плавно перейти к обсуждению жильцов соседних квартир и постепенно подобраться к покойному Кретову. Она уже собиралась начинать осуществлять задуманное, как вдруг последний ее вопрос о том, где анкетированный предпочитает покупать продукты питания — на оптовых рынках, в магазинах поблизости или в супермаркетах, — вызвал у хозяина неожиданное раздражение.

— Где ж я могу их покупать? — досадливо поморщился старичок. — Конечно, на оптовом рынке. Это только мой сосед специалист был по супермаркетам.

— Который сосед? — осторожно поинтересовалась Алька, боясь спугнуть неожиданно негаданно привалившую удачу. — Справа или слева?

— Да слева, — охотно отозвался старичок. — Тот, которого убили недавно.

— Убили? — Алька округлила глаза.

— Ну да. Я, грешным делом, завидовал ему, глупый человек. А вот поди ж ты, не довела его до добра такая жизнь.

— Завидовали? — Алька отложила блокнот в сторону. — Чему же вы завидовали? И какая жизнь не довела вашего соседа до добра?

Старичок нахмурился, сердито поджав губы.

— Удивлялся я на него, на Павла-то Тимофеевича, — проговорил он, кивнув на стену, за которой находилась квартира Кретьова. — Чуть-чуть меня помоложе, а жил совершенно иначе. Мы с покойной женой, бывало, тянем от пенсии до пенсии, а он машины меняет одну за другой. Конечно, работал он до последнего, да только многие работают, а достатка такого все одно нет. Но не это даже главное. — Он доверительно придвинулся к Альке поближе. — Я вот чего понять не мог. Сам я с женой прожил сорок лет, двоих детей вырастил. Всякое было, но чтоб налево смотреть — этого ни-ни, никогда! А Павел Тимофеевич покойный, царствие ему небесное, ходок был, каких поискать. Когда в этот дом въехали, у него вторая жена была, Зина. С первой он развелся. Зинаида моложе его была, умница, красавица, а он и с ней умудрялся ссориться каждый день. До драк иногда доходило. Потом он Зину выставил, снова один остался. К тому времени уже совсем старик стал, болезни всякие вылезли у него. Мы думали, наконец остепенится, да не тут-то было. Не прошло полгода, как Зинаида уехала, глядь — к нему новая женщина ходит. Да какая женщина! — Старичок покачал головой.

— Какая? — полюбопытствовала Алька.

— Молодая, в дочери ему годится. Красивая, фигуристая, ростом на голову его выше. Тут все мысли о радикулите да давлении, а сосед на автомобиле с красоткой разъезжает, пакеты полные таскает из этого самого супермаркета! Ну не обидно ли?

— Обидно, — со смехом согласилась Алька. На самом деле ей было вовсе не смешно. Известие о том, что у Кретьова существовала молодая любовница, сразило ее наповал. На репетиции Павел Тимофеевич приходил усталый, злой, еле живой, и Алька представить себе не могла, что он может блистать победами на любовном фронте. — Молодец был ваш сосед.

— Какой там молодец! — Старичок махнул рукой. — Сам на свою погибель старался.

— Почему же он старался на свою погибель? — спросила она, еле сдерживая охватившее ее волнение.

— Да потому! Думать надо было, с кем связываешься на старости лет! Странная была она, женщина эта, ох странная. Очки темные в пол-лица, на голове вечно платок, как у арабов, ей-богу, так что ни волос, ни прически не видать. И одевалась соответственно — во все свободное, длинное. Сколько раз, бывало, здороваешься с ней, так она мимо — юрк, только ее и видели. Либо в квартиру ускользнет, либо в лифт. И ни слова в ответ.

— Действительно, странно, — ответила Алька. — Может, она ненормальная была?

— Замужняя она была, — снисходительно, словно обращаясь к ребенку, разъяснил старичок. — Зачем иначе такая маскировка? Она и ходила-то будто по воздуху летала. Каблучищи огромные, а шагов не слышать. Не хотела, чтобы ее узнали, боялась, стало быть.

При упоминании о неслышных шагах Алька почувствовала напряжение. А вдруг эта женщина тоже была во Владимире? Она вполне могла снять номер на первом этаже. С такой

способностью к конспирации ей ничего не стоило остаться никем не замеченной. Тогда шаги, слышанные Алькой в коридоре, могли принадлежать ей. И убить Кретова могла она, почему бы и нет? Человек, у которого на уме нет ничего плохого, вряд ли станет наряжаться, как на карнавал, и по воздуху летать.

— Слухи-то разные ходят, — продолжал старичок. — Одни говорят, что муж ревнивый был у красотки, он и убил Павла Тимофеевича — отомстил, дескать. Другие — что это аферистка была, мошенница. Втерлась в доверие, добилась чего хотела, правда, чего именно, неизвестно, а потом и угробила. Я, конечно, ни в то, ни в другое до конца не верю, а только слухами земля полнится.

«Вот это да!» — торжествуяще подумала Алька. Ну и Кретов! Чего придумал на старости лет. Старичок верно говорит — похоже на убийство из ревности. Муженек ее разгневанный мог нанять кого-нибудь, чтобы расправиться с любовником жены. Или Павла Тимофеевича обработала ловкая преступница. Это тоже вполне вероятно. Так или иначе, но есть две версии, а это немало. Это уже что-то, за что можно зацепиться. Искать надо эту красотку в темных очках, про которую в оркестре и не догадывался никто. Вот только где ее искать?

— Интересную историю вы мне рассказали, — сказала Алька, когда старичок замолчал. — Поучительную. Значит, квартира соседняя теперь пустая стоит?

— Пустая, — подтвердил старичок.

— Тогда и приходиться бесполезно, — огорченно проговорила Алька. — Никто не откроет. А мне велели весь подъезд опросить. И так половина жильцов не хочет разговаривать! — Алька вздохнула, изображая на лице глубокую печаль.

— Зинаида иногда приезжает. Может, вы на нее случайно попадете. Я только не знаю, станет ли она отвечать на ваши вопросы, — неуверенно произнес старичок.

— Не станет, конечно. Да и как я ее застану? Она ж небось тут раз в год бывает?

— Да нет, — возразил старичок, — чаще. Она ж любила Павла Тимофеевича, после того как развелись они, все равно навевалась.

«И на похоронах она была, — подумала Алька. — Значит, стоит ее посетить. Если они расстались, сохранив прошлые отношения, то, может, бывшая жена что-нибудь расскажет о новом кретовском увлечении».

— Большое вам спасибо, — поблагодарила она старичка. — Вы меня очень выручили. Побольше бы таких сознательных жильцов!

— Не за что, — засмеялся тот. — Я только рад, что хоть одна живая душа пришла. А то сидишь один как сыч целыми днями. Тоска! — Он вздохнул и ласково улыбнулся Альке.

— До свиданья, — попрощалась Алька. Она вышла из гостеприимной квартиры, спустилась на лифте вниз, с гордым видом забрала свое удостоверение у мрачного вахтера и покинула элитный дом.

Будет теперь что сказать Ленке, утверждающей, будто Москва не Воронеж и люди здесь неразговорчивые.

Ира Сухаревская явилась на работу в отвратительном настроении. Причин на то было предостаточно. Главное — это очередной конфликт, произошедший сегодня утром с мужем Игорем. Глаза бы на него не глядели — ничтожество, прирос к дивану задом, гвоздя вбить в стену не может. Сколько лет Ирка, считай, одна работает (разве можно принимать за деньги мужнины две тысячи?) и тянет всю семью — его, маму, Сонечку. Вымоталась вся — репетиции, гастроли, ни одной халтуры не пропускает, каждую копейку старается ухватить, а все равно получается мало. Сейчас вот Соне репетитор по английскому понадобился, а урок у приличного педагога не меньше тридцати долларов стоит. Мужу все по барабану, лишь бы телевизор работал. Ирка терпит, терпит, да и взорвется, вот как сегодня. А Игорь ладно бы молчал, так еще и огрызается, ты мне жизнь, говорит, заела, и дальше — по-непечатному. Эх, давно надо было с ним развестись, да она все Сонечку жалела, та как две капли воды на отца похожа и души в нем не чаает. Правильно, тот ее не достает, как мать, ему все равно — поела ли, погуляла, сделала ли уроки. А девчонка думает: какой папа добрый, все разрешает. Тьфу, и вспоминать про дом не хочется. А на работе что? Сегодня первая репетиция с новым дирижером, после того что случилось. Господи, да могла ли она предположить такое? А теперь кажется, что это она виновата в случившейся трагедии. Видела, что с Валеркой творится, чувствовала, что добром это не кончится, вылетит тот из оркестра, к чертовой матери. И ни разу не подошла, не поговорила ни с ним, ни с Кретовым, хотя могла бы — Павел Тимофеевич ее очень даже уважал. Глядела, как растет между ними ненависть, и молчала. Вот и домолчалась — Павла Тимофеевича больше нет, Валера в тюрьме. А оркестрантам, похоже, по фигу. «Старички», с которыми Кретов начинал, Валерку Рыбакова не любят, слишком дерзкий он для них, им послушные нравятся, а молодежь, набранная в последние годы Васькой Чегодаевым, видно, вообще ни на что серьезно не реагирует. Им лишь бы погудеть на гастролях да перетрахаться в номерах. Дирижера никто из них по-настоящему не чтит, была б зарплата да поездки, а кто машет за пультом — все одно. Взять хотя бы ее группу, скрипачек этих новоявленных — Соловьеву с Бажниной. Ну Ленка-то Соловьева — девка себе на уме, она постарше, посерьезнее, в оркестре достаточно давно и профессиональна, ничего не скажешь. А только не получается у нее с Ленкой нормальных, человеческих отношений, так, внешнее все. Разные они, как полюса земли, Ленка Ирку слушается, а в глазах то ли насмешка, то ли презрение: мол, дура старая, что ты в жизни видела с горшками детскими да кастрюлями, то ли дело я, интересно живу, наполненно. Чихать Ирка на нее хотела, но все равно неприятно. А уж Алька Бажнина — это просто нечто. Красивая девочка, бобику ясно, у такой соблазнов море. Вон Чегодаев как вертится, аж слюной весь изошел, и мальчишки млеют, — конечно, ходит на репетиции, юбка до пупа, ногами сверкает, скалится улыбочкой в тридцать два зуба. И ведь при всем том талантливая девка, ужас какая талантливая. Уж ей ли, Ирке, проработавшей десять лет в музыкальном училище, этого не видеть. Такой бы в аспирантуру поступать, а она по кроватям порхает. При первом знакомстве Ирка ей представилась Ириной Александровной, разница все же больше десяти лет, так Алька, нахальная девчонка, морду сморщила, покивала, а в перерыве обращается, мерзким таким голоском: «Ирина Александровна, можно выйти? Я в туалет хочу». Издевается. Так и повелось с тех пор. Неуютно Ирке под ее насмешливыми черными глазами, ох неуютно.

Сухаревская оставила в гардеробе дубленку, надела туфли — терпеть не могла париться в сапогах по четыре часа — и поднялась по лестнице в зал. Она любила приходить на работу одной из первых: мало ли всяких дел, на которые дома просто не хватает времени, — например, проставить штрихи, рассчитать часы групповых репетиций, да и просто пройти партию разок-другой. Ирка, конечно, всегда в приличной форме, но поучить то, что играешь, никогда не помешает. А теперь наверняка придется собираться группой, и не раз-другой, а много — Горгадзе, говорят, страшный педант, вежлив, как аристократ, но всю кровь высосет, пока струнные не состроят идеально в унисон. Вот тут девочки и попляшут: Кретов хоть и мог обложить матом во время репетиции, и вообще в выражениях не стеснялся, но к скрипкам претензий предъявлял мало, его всегда больше духовики злили.

В дверях показался Чегодаев, как всегда подтянутый, в безупречно сидящем на нем жемчужно-сером костюме.

— Приехал Горгадзе? — спросила она.

— Приехал, — сердито буркнул Чегодаев. — Еще вчера. Я смотрю, народ не больно-то собирается. Думают, по-прежнему на сорок минут позже будем начинать. А Горгадзе уже внизу. — Кретов по утрам чувствовал себя неважно, поэтому репетиции в Москве назначались не раньше одиннадцати, и то Павел Тимофеевич являлся на них с почти часовым опозданием. Зато потом задерживал надолго. — Где девицы твои? — Васька выразительно посмотрел на часы. — Сейчас впарит нам по первое число.

— Сейчас придут. Не дрейфь, не станет он с первого дня вредничать.

— Да тебе откуда его знать? А я с ним в Польшу ездил и в Финляндию. Погоди, этот почище Крета будет, и особенно вам достанется, пиликалкам.

— Я знаю.

— Ты все-таки займись дисциплиной, — выпустив пар, миролюбиво посоветовал он Ирке и скрылся из зала.

Сухаревская кивнула, а про себя подумала: шел бы ты подальше со своей дисциплиной. Хозяином себя почувствовал последнее время, а был-то кем, господи, всего каких-нибудь пять-шесть лет назад! И кому пыль в глаза пускает, ей, Ирке, которая его как облупленного знает.

В зале стал появляться народ, слышался приглушенный смех, разговоры. Едва оркестр собрался полным составом, в зал легкой, пружинистой походкой вошел Горгадзе. По контрасту с Кретовым, выглядевшим значительно старше своего возраста, новый дирижер казался совсем молодым, хотя на самом деле ему недавно стукнуло пятьдесят. Прямой, как струна, с гривой черных, почти без проседи, волос, в длинном свободном свитере, красиво подчеркивающим стройную плечистую фигуру, он невольно радовал глаз. Казалось, что вместе с ним в душный, переполненный зал ворвался свежий, мощный ветер. По оркестру прошелся шепоток.

— Здравствуйте, — начал Горгадзе с сильным кавказским акцентом. — Познакомимся. Меня зовут Рафаил Нодарович, я рад иметь честь принять руководство Московским муниципальным симфоническим оркестром.

Ира услышала, как под боком у нее тихо присвистнула Алька. Вот детская непосредственность. Конечно, за год работы девчонка ничего подобного от дирижера не слышала — одни красочные эпитеты нелитературного происхождения, а тут вдруг «рад иметь честь». Ирка покосилась на Бажнину, сделала строгое лицо, та притихла, но через минуту уже шушукалась с Ленкой.

Горгадзе был немногословен. Он сказал еще несколько приветственных слов, предложил почтить память Павла Тимофеевича Кретьова вставанием и приступил к репетиции. Конечно, как и ожидала Ира, дирижер тут же стал цепляться к струнным, и в особенности к скрипкам, что было немудрено — Горгадзе в прошлом был неплохой скрипач. Вскоре весь оркестр отдыхал, а группа Сухаревской пахала по-черному. Горгадзе убрал несколько последних пультов, потом еще пару, так что, наконец, играющих осталось шестеро: сама Ира, помощник концертмейстера Владик Кудряшов, Ленка с Алькой за вторым пультом и муж и жена Скворцовы за третьим. Ирке стало не по себе: лицо Горгадзе оставалось бесстрастным, тон — холодно-вежливым, и она не понимала его. Сейчас привяжется, почему за первыми пультами сидит молодежь, и поди доказывай, что девчонки партии свои знают, что на концертах они звучат ярче и смелее, чем сидящие позади «ветераны», и Ирка, как концертмейстер, привыкла полагаться на них. Стоит только кому-нибудь из них навалить, хоть минимально, и Горгадзе тут же турнет их со второго пульта, уж Бажнину с годовым стажем работы в оркестре — точно. То-то будет мороки со всеми пертурбациями, света белого неувидишь.

— Пожалуйста, первые три пульта, и, если можно, чисто! — Горгадзе поднял палочку мягким и гибким движением.

Ира начала тему, напряженно прислушиваясь к тому, что творится сзади. Но там все было благополучно. Она прошла трудное место, удовлетворенно отметив про себя, как легко, чисто и звучно поет прямо за ней Алькина скрипка. Вот ведь нервы железные у девицы: неделю не репетировали, играет перед новым дирижером и не дрейфит ни капельки. А звук, черт возьми, какой звук! Как это в ней сочетается — невероятно!

Горгадзе довольно кивнул:

— Неплохо, совсем неплохо. Вот так нужно всей группе.

Отчего-то Ира почувствовала радость, заставившую ее позабыть о семейных дразгах, о разыгравшейся с утра мигрени, о Сонечкиных подростковых прыщах. Такое чувство она испытывала всего два раза в жизни, первый — когда на госэкзамене ее ученице комиссия, не совещаясь, поставила пять с плюсом, а второй — сейчас, слушая за спиной игру этой непонятной, дерзкой и колючей девчонки с черными цыганскими глазами.

— А мне он, честное слово, понравился. — Алька поморщилась и теснее прижала к груди скрипку. — Господи, сколько же народу набилось в этот проклятый автобус! Такое впечатление, что следующий будет только завтра.

— Он будет через час, а это почти то же самое, — ответила Ленка.

Девчонки ехали в Химки, где жила бывшая супруга Кретова, Зинаида Ильинична Вертухова. Домой они заезжать не стали, и поэтому сейчас больше собственных отдавленных ног их волновало, довезут ли инструменты в целости и сохранности.

— Так я о Горгадзе, — повторила Алька, крепко вцепившись в свисающую сверху кожаную петлю. — Дельный человек. Зря Васька так им всех пугал.

— Погоди, это только первая репетиция. Он, так сказать, присматривался, знакомился, а гайки закручивать потом начнет.

— Куда еще закручивать? — возмутилась Алька. — И так уже все чумовые от кретовских воплей. По крайней мере, этот хоть не орет, и то приятно.

— Зато как засадит тебя на групповые струнные по три часа в день эдак на месяц, тогда вспомнишь старые добрые времена. Ура, мы, кажется, приехали.

Двери автобуса медленно, будто с неохотой, разъехались в стороны, и толпа хлынула на выход, увлекая за собой девушек.

— Сколько времени было свободного на неделе, так нет, непременно нужно было дожидаться рабочего дня, — укорила Алька подругу, оглядываясь по сторонам. — Так бы утром поехали, а теперь смотри, уже темнеет. Сейчас сто лет будем искать улицу и дом.

— А ты хотела, чтобы мы заявили к кретовской жене сразу после похорон?

— Но это же бывшая жена!

— Это ровным счетом ничего не значит. Можно и нынешней женой быть, а на смерть супруга дорогого наплевать, а бывает наоборот — давно развелись, а человек все равно останется близким. Почему мы знаем, может, у них как раз так... Да, и я тебя умоляю, не забудь, под каким соусом мы туда едем, не спрашивай лишнего.

В телефонном разговоре с Зинаидой Ильиничной Алька, по Ленкиному наущению сказала, что они внештатно сотрудничают в журнале «Музыкальное обозрение» и желают написать статью о своем безвременно погибшем дирижере. Зинаида Ильинична была довольно любезна и пригласила девушек к себе домой.

Дом они отыскали на удивление быстро. Вертухова оказалась маленькой, живой женщиной лет пятидесяти пяти с подвижным, миловидным лицом, на котором выделялись крупные, слегка навывкате, карие глаза. По квартире распространялся аромат капустного пирога, в узком коридорчике было тесно от стоящих в беспорядке коробок и чемоданов и жарко.

— Проходите, девочки. — Зинаида Ильинична улыбнулась и поманила гостей за собой в глубь прихожей, где на стене висела переполненная вешалка. — Раздевайтесь и проходите. Не успела прибраться к вашему приходу, так что извините.

— Вы переезжаете? — поинтересовалась Алька, осторожно пристраивая на крючке свою куртку и придерживая ее рукой, чтобы та не слетела обратно.

— Переезжаю? — засмеялась Вертухова. — Да что вы! Куда мне переезжать? Я и так-то счастлива, что у меня этот угол есть. На квартиру теперь заработать сложно, да и незачем

мне. Здесь еще мама моя жила, а я одна, мне нетесно.

— А я думала, в коробках вещи, — сказала Алька.

— Это Павла Тимофеевича вещи — книги, ноты, партитуры. Только вчера привезли, я не успела разобрать. Ну повесили? Тогда идемте сразу за стол, чай пить.

Вертухова не выглядела ни грустной, ни убитой горем. Она провела девушек через маленькую, такую же тесно заставленную комнату в кухню, где стоял старинный, покрытый ослепительно белой, крахмальной скатертью, круглый стол. Через минуту на нем красовались большие перламутровые чашки и румяный пышный пирог.

— Кофе не предлагаю, потому что сама его не пью. Но, уверяю, вы не пожалеете, что попробовали мой чай. — Зинаида Ильинична поставила на скатерть огромный заварной чайник и графин с холодной водой.

Она разлила по чашкам вишневого цвета жидкость, добавила чуть-чуть воды и, усевшись за стол, скомандовала:

— Пейте.

Чай имел привкус лимона и мяты и еще чего-то, неуловимо знакомого, но чего — Алька понять так и не смогла.

— Ну как? — придирчиво спросила Вертухова.

— Вкусно. — Ленка с любопытством заглянула в чашку, будто там, на дне, плавал какой-то секрет.

— Мой фирменный рецепт, — гордо проговорила Зинаида Ильинична. — А теперь можно перейти к делу. Значит, вы работаете в оркестре покойного Павла Тимофеевича?

— Да, — подтвердила Алька, — мы скрипачки.

— И параллельно пишете статьи в журнал?

— Именно.

— Что ж. — Вертухова первый раз за все это время вздохнула. — Мне нравится идея написать статью о Павле Тимофеевиче. И еще больше меня радует, что сделает это не искушенный и равнодушный музыкальный критик, а молодежь, которой Павел посвятил последние годы своей жизни.

Вертухова отодвинула чашку и замолчала. Ленка сосредоточенно жевала пирог, Алька разглядывала стены кухни, увешанные картинами.

— Я прошу меня извинить, — слегка изменившимся голосом сказала Вертухова, — стараюсь не думать об этом, но не могу. Какая нелепость, страшная, трагическая нелепость! Ведь это был удивительный, неординарный человек, настоящий музыкант. — Зинаида Ильинична поспешно встала из-за стола, вышла в комнату и тут же вернулась с кипой папок. — Вот, — она бережно раскрыла одну из них, — видите, чем он занимался в последние годы? Да-да, это его собственные переложения опер. Тут и Вагнер, и Чайковский, и Римский-Корсаков, и многие другие композиторы. Невероятный, титанический труд — и он не спешил его публиковать, доделывал, беспрестанно совершенствовал. Он начал заниматься этим, когда мы еще были вместе.

— Отчего вы расстались? — осторожно спросила Алька, удивленная такой осведомленностью Вертуховой о делах бывшего мужа.

— Этого не скажешь в двух словах. Видите ли, такие личности, как Павел Тимофеевич, — всегда одиночки. Они не созданы для жизни в семье. В сущности, я всегда понимала это. Знала, что жить с ним будет непросто. А оказалось — невозможно. Винить в этом некого. Его вообще раздражали люди, реальные, обыкновенные люди. Они отвлекали

его от своих мыслей. Требовать от него, чтобы он был рядом, немислимо. Но это я понимаю сейчас, а тогда... тогда я требовала этого — как всякой женщине, мне хотелось внимания, заботы, участия. Он злился, взрывался... Это не для статьи, но почему-то мне хочется, чтобы вы поняли — я ни в чем не виню мужа, я им горжусь.

— Зинаида Ильинична, — Алька почувствовала, что нужный момент настал, — мы бы хотели, чтобы вы рассказали нам о последних годах Павла Тимофеевича, когда он работал с нами. Чем он жил, какие люди его окружали.

Вертухова печально покачала головой:

— Я же говорю, Павел не любил людей. Последние три-четыре года он и вовсе сделался мизантропом. Жил один, никуда не выезжал, кроме работы. Друзей забросил, да, честно говоря, их у него и не было, настоящих друзей. Он жил всегда одной музыкой. Правда... — Вертухова замаялась, отхлебнула совсем остывший чай, поглядела куда-то вбок, — правда, в последние годы, кажется, у него в жизни появилось кое-что.

— Что? — Алька нетерпеливо заерзала на стуле.

— Что появляется у стареющих, нуждающихся в источнике вдохновения мужчин?

— Вы имеете в виду новый роман?

Вертухова кивнула.

— Я лично его пассию не видела, но некоторые из наших общих знакомых передавали мне... И сам Павел в разговоре по телефону намекал на необычайный творческий подъем, якобы охвативший его последнее время.

— И вы не знаете, кто эта женщина? — еле сдерживая разочарование, спросила Алька.

— Ну конечно нет. Соня говорила про нее — странная. Одевается, как на маскарад, вечно в темных очках, в головном уборе. Явно молодая.

Алька не удержалась, кинула торжествующий взгляд на Ленку.

— Кто это — Соня? — поинтересовалась та, незаметно пожимая плечами Альке в ответ.

— Соня? Это родная сестра Павла, Софья Тимофеевна Кретова. Чудесный, святой человек, единственная серьезная его привязанность и самый преданный друг. Кстати, о ней вы можете написать в своей статье — Павел многим ей обязан, она посвятила ему жизнь.

— А она станет с нами разговаривать? — недоверчиво спросила Ленка.

— Отчего же нет? Она, конечно, в жутком состоянии, я только вчера была у нее. Может, стоит выждать несколько дней, неделю, на худой конец. Но в конечном счете разговор с вами должен пойти ей на пользу — у нее появится какой-то смысл в жизни. Я напишу, как с ней связаться.

Вертухова принесла из комнаты лист бумаги, ручку и записала адрес и телефон Софьи Кретовой.

— Вот, держите. — Она протянула листок Альке, и та спрятала его в карман джинсов.

— Можно взглянуть на партитуры? — неожиданно спросила Ленка.

— Пожалуйста. — Зинаида Ильинична пододвинула к ней ворох папок. — Когда-нибудь об этом узнает музыкальный мир, помяните мое слово.

Алька с любопытством заглянула подруге через плечо. В папке лежали толстой стопкой широкие нотные листы, исписанные мелким, корявым кретовским почерком. Первой партитурой оказался «Тангейзер» Вагнера. Изложение показалось Альке громоздким и перенасыщенным, но кто его знает, как это звучит живьем в оркестре? Может, и вправду гениально. Ленка один за другим перекладывала нотные листы из папки на стол.

«Боже мой, какое же их количество! — поразилась Алька. — И когда он только успел все это написать?»

Ленка потрясла две слипшиеся странички, и из них на стол вдруг выпал прямоугольничек плотной бумаги. Вертухова удивленно взяла его в руки, перевернула. Это оказалась фотография скрипки — такие делают для загранпаспорта на вывоз инструмента за рубеж.

— Откуда это здесь? — удивилась Зинаида Ильинична, машинально закладывая фотографию в самый низ, на дно папки. — Вы дальше смотрите, там Чайковский, уникальная работа.

— Действительно, здорово. — Ленка пристально изучала глазами партитуру, на которую указывала Вертухова.

«Надо же! — Алька с уважением поглядела на подругу. — Неужели она так прямо слышит музыку с листа?» Сама Алька вконец запуталась и устала. Ей было ясно, что ничего дельного у бывшей жены Кретьова узнать не удастся, хотелось поскорее свернуть разговор и уйти. Но Ленка, казалось, всерьез заинтересовалась кретьовскими трудами, лицо ее стало сосредоточенным, она методично перекладывала страницу за страницей, пока в папке не осталась одна фотография скрипки.

— Фантастика, — пробормотала Ленка и аккуратно сложила партитуры обратно в стопку. — И в голову не могло прийти, что он этим занимается.

— Напишите об этом, девочки. — Оживившаяся Зинаида Ильинична завязала тесемки на папке. — Обязательно напишите.

— Напишем, — пообещала Ленка. — И сколько у него таких папок?

— Не менее десяти. Я и сама в шоке — мы же давно не виделись, откуда мне было знать о такой гигантской работе. Теперь вот буду разбирать все это. — Вертухова махнула рукой в сторону коридора.

— Нам пора. — Алька поднялась из-за стола и незаметно потянула Ленку. — Поздно уже, завтра с утра репетиция. Вы нам очень помогли.

— А вы мне, — просто сказала Вертухова. — Приятно, что, несмотря на тяжелый характер Павла Тимофеевича, в оркестре так тепло к нему относились. Не поленитесь зайти к Софье Тимофеевне, она расскажет вам много интересного.

— Обязательно, — горячо заверила Алька.

Они с Ленкой с трудом успели на предпоследний автобус до Москвы — последний шел через два с половиной часа и прибывал из Химок в одиннадцать. Салон был полупустой, дорога свободной, и девчонки доехали минут за двадцать.

— Это же почти Москва, — удивилась Алька, заведя в окне огни метро, — а мне показалось, что мы заехали к черту на рога.

— Ты поезди туда в час пик, — усмехнулась Ленка.

— Верно. Вот уж не ожидала от Кретьа такой прыти. Смотри, сколько накатал, глядишь, бывшая жена теперь миллионершей станет, когда все издаст. Она ж его единственная наследница.

— А я думаю, не она, — задумчиво протянула Ленка.

— А кто?

— Сестра. Эта самая Софья Тимофеевна. Когда мы к ней, кстати, наведаемся?

— Ты меня спрашиваешь? Я хоть завтра готова.

— Нет, завтра нельзя, дня через три, я думаю, будет в самый раз.

— Ну через три так через три, — покладисто согласилась Алька и вздохнула: — Смотри, все дороги ведут к этой таинственной бабе. Непременно нужно ее разыскать.

— Сомневаюсь, чтобы она что-нибудь нам рассказала, даже если мы ее найдем. Ну любовь на старости лет, с кем не бывает. К убийству это какое отношение имеет? И потом, во Владимире такой дамы не наблюдалось, очень уж она заметная.

— Я ж не говорю, что обязательно она пришила Крета. Просто раз он такой нелюдимый был, то кто еще может о нем что-нибудь знать? Получается, очкастая — самый близкий ему человек. Разве не так?

К своему дому Алька подошла, когда на часах было пять минут одиннадцатого. На кривой лавочке, сосредоточенно глядя себе под ноги, сидел Андрей. Увидев его, Алька вспомнила, что он собирался приехать почти неделю назад. Надо же, поговорила тогда и забыла начисто.

— Привет, — Андрей прытко вскочил навстречу Альке. — Где ж ты бродишь на ночь глядя?

— Привет, — устало проговорила Алька. — По делам брожу. А вот кто-то собирался назавтра позвонить и прийти, а уже дней пять прошло.

— Болел я, — смущенно объяснил Андрей. — Поговорил с тобой, и на следующий день меня такой грипп скосил! Температура и все прочее.

— Бедненький, — насмешливо пожалела его Алька. — Витамины пить нужно. Зачем же ты притащился, полубольной, лежал бы дома, звякнул, я б к тебе зашла, поухаживала.

— От тебя дождешься ухаживаний, — хмыкнул Андрей. — Не бойся, не заражу, я уже почти здоров. Потопали лучше, а то холодрыга, я тебя час дожидаюсь.

Дома Алька сразу же вскипятила чайник, налила две чашки, поставила их на поднос вместе с печеньем, булкой и куском колбасы и отнесла все это в комнату. Андрей уселся к самой батарее, вытянув замерзшие ноги. Лицо его было красным, как у Деда Мороза, будто на улице стоял не март, а декабрь. Он мгновенно выпил чай, налил себе еще, осушил вторую чашку и удовлетворенно произнес:

— Теперь порядок, согрелся. Ну рассказывай, как жизнь, что новенького. Дирижер новый приходил?

— Приходил.

— И как?

— Нормально.

— Что-то немногословно.

— Андрюш, я устала, меня с самого утра дома сегодня не было. А Горгадзе мы только первый раз видели. Дирижер как дирижер, в отличие от Крета, матом не кроет, и то славно.

— А тот парень, который его... — Андрей сделал выразительный жест. — С ним что? Сидит?

— Сидит.

— Не повезло ему.

— Не повезло. Давай мы что-нибудь другое обсудим.

— Давай. Например, я снова могу спросить, где ты сегодня была.

— Можешь.

— И ты, конечно, мне не ответишь.

— Ты весьма догадлив.

Андрей засмеялся:

— Алька, ты никогда не изменишься. В тебе нет ни грамма великодушия. Ну скажи, зачем я сюда пришел?

— Не знаю. Наверное, чаю попить.

— Дура!

Андрей уронил руки на колени, опустил голову. В другой раз Алька, наверное, пожалела

бы его — в самом деле, бегают за ней парень, совсем разум потерял. И хороший ведь парень, не кобель, как вон Копчевский или Чегодаев. Но сейчас Альку почему-то охватила злость. «Меня небось никто не жалеет», — с ожесточением подумала она, молча демонстративно составила пустые чашки на поднос и отправилась на кухню. Когда она вернулась, Андрей уже был прежний, весело-добродушный и спокойный.

— Обиделась? — Он попытался заглянуть Альке в глаза.

— За дуру? Ничуть.

— Ну и молодец. Ты же знаешь, мне ничего не нужно.

— Я знаю, Андрюш.

— Просто мне нравится сюда приходить. Тебе ведь не жалко?

— Не жалко. Приходи на здоровье.

Алька вдруг почувствовала, что невероятно устала. От всего устала: от враждебной вечерней тишины за стеной, от постоянного напряжения во время игры, от косых, неодобрительных Иркиных взглядов, от необходимости радостно улыбаться Ваське Чегодаеву, Алику, Славке и даже Ленке, когда улыбаться почему-то не хочется. А чего хочется? Разреветься на Андрюшкиной надежной груди, собрать шмотки, уехать с ним в его однокомнатную квартиру, стать если не любящей, то хотя бы любимой, носимой на руках женщиной? Нет, это минутная слабость, она потом себе не простит, всю жизнь будет жалеть, что у нее не хватило последней капельки мужества. Нельзя расслабляться, она сама заварила эту чудовищную кашу, по ее вине в тюрьме ни в чем не виновный человек. Значит, надо идти до конца, выдержать, не распускать сопли. Эх, черт, если бы можно было поговорить с Валеркой, сказать, что она верит ему, сделает все возможное...

Внезапно кровь прилила к Алькиному лицу. А почему она не может с ним поговорить? Очень даже может! Хоть завтра или в крайнем случае послезавтра.

Андрей изумленно смотрел на Алькино торжествующее лицо.

— Ты что? — окликнул он тихонько. — У тебя такой вид, будто ты чемодан баксов нашла.

— Пока не нашла, — серьезно сказала Алька. — Но, кажется, знаю, на какой дороге он лежит.

После репетиции решили остаться — сегодня было девять дней со смерти Павла Тимофеевича. Молодежь стогнала в магазин за продуктами и выпивкой, и женщины наскоро приготовили стол. Кто-то, едва помянув дирижера, вскоре исчез, большинство посидели час и разошлись. Остались лишь «старички» и несколько человек из струнной группы, торопиться которым, по-видимому, было некуда. Сухаревская и Чегодаев, сидя в углу стола, обсуждали недавнюю репетицию, на которой Горгадзе продолжал давить струнников, и особенно первые скрипки.

— Яркости ему не хватает! — тихо возмущалась Ира. — А что мы можем, я тебя спрашиваю, если даже у меня Вильом, а у остальных в лучшем случае «немцы», а в худшем — современные инструменты. Итальянских скрипок в группе — раз-два и обчелся. Зажрался он там, в своей Франции, проблем наших знать не хочет.

Стоило Ирке выпить хотя бы пару стопок водки, и на нее нападало скандальное настроение. Чегодаев с улыбкой смотрел на разбушевавшуюся Ирку. Завтра хмель слетит с нее, и бессменный концертмейстер покорно засядет за групповые, будет три шкуры драть со своих и выжмет-таки из них яркость почище чем из любого, играющего на «итальянце». На то она и Ирка Сухаревская.

— Успокойся. — Васька наконец прервал затянувшийся Иркин монолог. — Закуси, и пойдем к нашим.

Он кивнул в сторону окна, где, нарушая все установленные филармонией правила, курила небольшая мужская компания во главе с Глотовым. Витю Глотова Чегодаев недолюбливал — тот казался ему слишком холодным, расчетливым дельцом, бесконечно далеким от жизни оркестра и от музыки в целом. Как бы удивился Васька, узнав, что многие считают таким же его самого. Но это было несправедливо: Чегодаев был музыкант, и музыкант до корней волос, до смешного влюбленный в свою профессию, способный долго и тяжело трудиться. Работа инспектора поначалу давалась ему нелегко — мешали его осторожность, привычка все делать с оглядкой. Васька втянулся в инспекторство постепенно, почувствовал вкус, уверенность, стал незаменимым человеком для администрации. Глотов же изначально был нацелен лишь на то, чтобы делать на оркестре деньги. Получать удовольствие от работы — такого понятия для него просто не существовало. Дело свое он знал блестяще, гастроли по России и зарубежью организовывал безупречно и с максимальной выгодой, но в его холодных синих глазах за толстыми круглыми стеклами очков никто и никогда не видел улыбку. Хотя, конечно, Виктор Глотов улыбался и даже смеялся. Но так уж у него получалось — глаза жили отдельно.

У окна разговор шел на ту же животрепещущую тему. Изрядно принявший, Алик Копчевский, с красным, сердитым лицом, громко говорил концертмейстеру альтов Толе Женчуку:

— А ты попробуй поиграй на моем полене, и я посмотрю, какой у тебя будет звук!

Женчук отворачивался от Копчевского, но тот надвигался на него, норовя заглянуть прямо в лицо.

Прозрачные, словно лед, глаза Глотова перемещались с Копчевского на Женчука и обратно, пока наконец не замерли на Алике.

— Я что-то не пойму, кто мешает тебе заработать на приличный инструмент? —

холодно поинтересовался он.

Алик от возмущения потерял дар речи и умолк на полуслове. Потом втянул воздух, смешно заморгал и проговорил:

— Кто мне мешает? Ты еще спрашиваешь! Тебе ли не знать, как мы тут пашем, каждый день вызов, а я, к твоему сведению, вечером квартетом в клубе играю. Иногда и ночью. И что, заработал я на «итальянца»? Хрена лысого!

Чегодаев увидел, как наострила уши Ирка, и не успел он что-либо предпринять, как та подлетела к Глотову.

— Заработать, говоришь? — прошипела она. — Да как он, мальчишка, может заработать, если я пятнадцать лет оттрубила здесь — и то ничего путного не смогла! Думай, что говоришь, — зажрался, разжирел за наш счет!

— Прекрати, Ир. — Чегодаев, который никогда, даже в самом сильном подпитии, не выдал бы своей антипатии к Глотову, потянул Ирку за рукав, но та лишь в ярости зыркнула на него глазами.

— А нечего оскорблять! — отчеканила она. — Живет за наш счет, ладно, пусть живет, но чтоб уважал!

— Правильно! — заорал Копчевский. — Экс-сплу-ататор! — Язык его заплетался, он еле держался на ногах.

— Пора расходиться. — Васька подмигнул Глотову. — Помянули дирижера, и ладно.

— Да я что? — пожал тот плечами. — Я ничего обидного в виду не имел.

— Обидеть художника может каждый, — глубокомысленно изрек стоящий поодаль виолончелист Юра Иванов.

— Особенно если это пьяный художник, — закончил его мысль Чегодаев. — Все, народ, идем по домам. А закурили-то, не продохнуть!

Он крепко взял под руку пытавшуюся протестовать Ирку, другой рукой ухватил за шиворот Копчевского и потащил обоих в гардероб.

— Ир, ты одна — человек, — бормотал Алик, спотыкаясь и то и дело хватаясь за Чегодаева. — Ты одна все понимаешь правильно! Заработай ему на инструмент! Ишь! Я ему заработаю на...

Тут Васька втолкнул Копчевского в раздевалку и накинул ему на голову куртку. Алик замолчал и только громко сопел, пытаясь освободить лицо.

Сверху спустился Глов, все такой же безупречно аккуратный, старательно, волосок к волоску, причесанный. На бледном его лице горели два рваных красных пятна.

— Ну и народ, — он неловко покосился на Чегодаева, — и в такой день напьются до чертей. Одно слово, музыканты.

«Иди ты к чертовой бабушке!» — подумал обиженный Чегодаев, но сдержался и вслух ничего не сказал. Он посадил в такси ругающуюся Ирку, проводил Копчевского, который жил неподалеку, и поехал в свое Бутово, чествуя про себя клопа-кровопийцу Витюшу на чем свет стоит.

У капитана было незлое, веснушчатое лицо и вертикальная морщинка над переносицей. Широко расставленные, очень светлые, почти прозрачные глаза смотрели на Альку с холодным любопытством.

— Значит, вы его невеста?

Алька кивнула с вызовом, но капитан воздержался от комментариев, оставаясь все таким же спокойным и сдержанно-доброжелательным.

— Хорошо, мы дадим вам свидание. Но надо будет подождать пару месяцев или больше, как получится.

— Так долго?!

— Долго? — Во взгляде милиционера промелькнула насмешка. — У нас, девушка, бывает, и по полгода ждут. Чай, не больница.

— А если... — Алька задумалась и решила: «А, была не была! Теперь уж все равно». — Вот что, — быстро заговорила Алька, — мы хотели пожениться через полгода. Но я передумала.

— Передумали замуж выходить? — Равнодушный голос капитана наконец окрасился одобрителем интонацией.

— Нет, не то! Я хочу расписаться сейчас. Ну не сию минуту, конечно... а как только будет можно.

Брови веснушчатого капитана медленно поехали к переносице, отчего морщинка стала еще рельефней.

— Разве нельзя? — упавшим голосом проговорила Алька. — А я слышала, что разрешается...

— Нет, вы правильно слышали, — взял себя в руки капитан. — Что, прямо не дожидаясь суда, хотите зарегистрироваться?

— Да.

— А если осудят вашего жениха? А его точно осудят, вы это понимаете?

— Понимаю.

— А я не понимаю! — вдруг взорвался веснушчатый. — Чего вам надо, бабам? Полны улицы мужиков, так нет: с ними вы разводитесь, со свету сживаете! То вам зарплата мала, то рожа неподходящая. А в тюрьму к преступнику — пожалуйста, с превеликим тебе удовольствием... Думаешь, одна ты такая? — спросил он, смягчаясь. — Толпы вас. Писем в зону приходит — не счесть. В крови у нас, у русских, что ли, это? Нормальной жизни не нужно, а вот чтоб пил и морду бил, а то замочил кого... Да не гляди так, волком-то, — со вздохом сказал он Альке. — Понять хочу. Жена вот тоже — пять лет прожили, и отвалила. И машина была, и квартира, дачку строили. А она — к однокласснику. У того — ни кола ни двора, зато баб успел поменять — мильон. Язва у него, от веселой жизни, значит. А ей — жалко! Тьфу!

Алька молча слушала неожиданную исповедь капитана, боясь возражать, чтоб не встретить сопротивления. Она понимала, что мужику нужно выговориться, и не близкому, хорошо знакомому человеку, а именно ей, случайной, зависимой просительнице, которую он, скорее всего, больше не увидит.

— Ладно. — Веснушчатый совсем успокоился. — Пишите заявление.

Он пододвинул Альке бланк и образец. От волнения строчки прыгали у нее перед глазами, и ей пришлось дважды просить новый лист. Наконец Алька вернула исписанный бланк капитану. Тот бегло взглянул на него, кивнул и спрятал в какую-то папку.

— Идите. Вас вызовут.

— А... ему сообщат о моем решении?

— Конечно. Сегодня же.

«Мама дорогая!» — пронеслось в голове у Альки, и она, поспешно поблагодарив несчастливую в браке мужика, выскочила за дверь. Все. Она сделала единственное, что могла. Теперь ей дадут свидание с Валеркой, если только тот не окажется полным кретином и не заартачится из-за того, что никакая Алька ему не невеста. Но должен же он понять, что ей нужно поговорить с ним, а иначе этого не сделать. Что будет потом, Альку почему-то волновало мало. Как-нибудь все устроится, может, она к тому времени найдет настоящего виновного, Рыбакова выпустят, а там... Ну выпустят, и слава богу, все остальное будет уже неважно...

— Идем, Денис! Я кому говорю, давай руку, и пошли! — Женский голос был не злой и не раздраженный, а усталый.

— Не пойду, — упрямо ответил детский голосок. — Я здесь хочу. Почему они нас не пускают?

— Тихо, тихо, — поспешно проговорила женщина. — Я кому сказала, а ну быстро идем.

— Нет, — заревел малыш. — Ты мне руку тянешь! Больно!

Алька оглянулась. У ограды размазывал по лицу слезы маленький мальчик, лет четырех-пяти, в голубой курточке и синей шапке. К нему наклонилась женщина в длинном черном пальто, Алька видела лишь ее спину. Женщина что-то быстро и тихо продолжала говорить ребенку, тот, всхлипывая, кивал головой. Почему-то Алька никак не могла оторвать от них взгляд. Женщина, почувствовав спиной, что на нее смотрят, медленно выпрямилась, обернулась. Довольно высокого роста, еще не старое, миловидное лицо, на нем выражение усталости и растерянности. Темно-синие, слегка припухшие глаза, прищурившись, уставились на Альку. Этот взгляд показался ей смутно знакомым. По Алькиной спине вдруг скользнул холодок, и, не успев ни о чем толком подумать, она шагнула навстречу:

— Вы... мама Валеры Рыбакова?

На бледном лице мелькнула тень удивления. Женщина кивнула. Малыш, перестав плакать, с интересом разглядывал Альку.

— Я работаю в оркестре вместе с Валерой. — От волнения Алька ляпнула «работаю», хотя понимала, что это грубо и бестактно. — Меня зовут Аля, Аля Бажнина, я скрипачка.

«Знает она, что это я подбила ее сына идти к уже мертвому Кретову или нет? — лихорадочно размышляла Алька. — Сказал он ей?»

Женщина продолжала молча и непонимающе смотреть на девушку, на лице ее не отразилось ни гнева, ни возмущения, и Алька поняла, что мать Рыбакова слышит про нее в первый раз.

— Я хотела навестить... — неловко улыбнулась Алька. — Но меня не пустили. А это... Валерин сын? — Она кивнула на мальчика.

— Денис, — коротко, почти не разжимая губ, произнесла женщина. — Туда никого не пускают, и нас тоже. Говорят, не раньше чем через месяц. Передачи вот берут, и то спасибо.

— Не надо стоять здесь, Денис, — серьезно и твердо сказала Алька. — Пойдем домой, я вас провожу. Тебя можно проводить?

— Можно.

У обоих, бабушки и внука — были точь-в-точь Валеркины глаза — темно-синие, в густой щеточке коротких ресниц, только у Рыбаковой взгляд был устало-безнадежный, а у Дениса — удивленный и обиженный.

— Давай руку, — предложила Алька. Пацан охотно протянул ей свободную ладонь.

Мать Рыбакова молча двинулась вперед. Казалось, что она с трудом переставляет ноги, и Алька испугалась, вдруг та упадет. Но женщина падать не собиралась и вообще выглядела спокойной и сдержанной. Глядя на нее, Алька тоже потихоньку овладела собой. Денис что-то лопотал, она машинально отвечала ему, искоса поглядывая на Валерину мать, но та за всю дорогу не проронила ни слова. Так же она не пыталась остановить Альку, и та доехала с ними до самого дома, на Красногвардейской. Перед входом в подъезд женщина приостановилась, чуть опустив голову, и Алька поняла, что звать в дом ее не хотят.

— Давай прощаться. — Она присела перед Денисом на корточки. — И вот что, ты бабушке не груби, понял?

— А то что? — насупился тот.

— Да ничего, — удивилась такой постановке вопроса Алька. — Просто не груби, и все. — Она кинула взгляд на Рыбакову, та едва заметно кивнула.

— Ладно, — солидно согласился Денис.

— Вот и прекрасно. — Алька слегка подтолкнула его к двери: — Иди давай. А бабушка тебя сейчас догонит.

Денис хотел было возразить, но передумал и поковылял в подъезд. Рыбакова, поняв, что Алька хочет что-то сказать, вопросительно подняла на нее глаза.

— Я знаю, это сделал не Валера. Его освободят, вот увидите. Я не верю, и вы не верьте. — Алька напрягалась изо всех сил, стараясь вложить большой и важный смысл в несколько коротких фраз, потому что понимала: долго говорить она не имеет права. — Я не могу вам сейчас всего рассказать, но вы только не верьте...

— Я не верю, — тихо ответила женщина и с горечью прибавила: — Да разве во мне дело? — Она помолчала, пристально разглядывая Альку, потом, будто что-то уяснив для себя, добавила: — Ты... заходи. Запомнила где?

Алька быстро кивнула.

— Ну вот. Давай, когда сможешь. Мы почти всегда дома.

Домой Алька пришла раньше обычного — еще пяти не было. Сегодня, чтобы пойти добиваться свидания, она вынуждена была отпроситься с групповой у Сухаревской. Алька была уверена, что та ее не отпустит, и уже приготовилась отправиться в самоволку, но Ирка не стала протестовать.

— Иди, ладно, — согласилась она. — Только партию дома подзубри. Чтоб без сучка без задоринки.

После встречи с Рыбаковой у Альки слегка подрагивали руки, но она покладисто расчехлила скрипку и стала тщательно проучивать аварийные места в партитуре. Медленно, чуть быстрее, еще быстрее. В коридоре хлопнула дверь, слышались шаги, неясное возмущенное бормотание соседки, не терпевшей, когда в квартире занимались на инструменте. Алька и ухом не повела, продолжала пилить — уж в чем, в чем, а в хреновой игре Ирка ее уличить не должна. Пусть утрется!

Алька выучила два пассажа, и ей оставалось еще два, когда тоненько затренькал телефон.

— Межгород! — твякнула под дверью Элеонора Ивановна.

— Слышу! — Алька отложила скрипку и схватила трубку.

— Доченька! — Голос матери ударил в самое ухо, будто она была в соседней комнате. — Как ты?

— Нормально. — Алька прокашлялась, стараясь придать голосу бодрость. — Работаю. А вы как?

— И мы хорошо. Папа летом собирается в Москву в командировку. Я в порядке, скучаю только по тебе. Да, Аля, у нас новость — Ангелина собирается замуж.

— Замуж? Это за того конопатого, с шеей в три обхвата?

Она сказала так машинально, не желая ничего дурного, просто вырвалось, может из-за напряженных за последнее время нервов. И тут же услышала, как на другом конце провода мать захлебнулась негодованием.

— Какая ты стала, Аля! — обиженно укорила мать. — Злоязычная! Митя — хороший парень, разве плохо, что он занимается культуризмом? Они чудная пара, все говорят. А ты иронизируешь.

Значит, сестренка прощается с холостяцкой жизнью. Что ж, молодец. Наверное, так и надо.

В детские и школьные годы их никто не мог различить, так они были похожи, сестры-близняшки Алина и Ангелина. Девчонки могли смотреть друг на друга, как в зеркало. Однако этим, чисто внешним, аспектом их сходство и ограничивалось, ибо не было на свете более разных по характеру людей. Алька день-деньской носилась по городу, дерзила соседям и учителям, приходила домой с синяками и шишками. Засадить ее за дело можно было лишь одним способом.

— Не будешь заниматься, — угрожала мать, — продам скрипку!

Этого только и боялась нахальная и беспечная Алька. После предупреждения она запиралась в своей комнатенке и пиликала по три-четыре часа без перерыва. Учительница музыкалки закатывала глаза: «Ах, какие данные, какой природный инструментализм!» Мама лишь посмеивалась, но скрипку все-таки не продавала.

Ангелина училась на отлично, состояла в редколлегии школьной газеты и всевозможных кружках, прекрасно шила, вязала крючком и на спицах, любила печь пирожки, с компанией таких же правильных девочек и мальчиков гуляла под окнами дома или в школьном дворе.

Когда Алька собралась в Москву, Ангелина плакала:

— Куда ты, сестренка, не уезжай!

Ей казалось, что столица проглотит Альку, перемелет и выплюнет, как во множестве виденных фильмов. Сама Ангелина, окончив институт в Воронеже, уже два года работала в школе...

— ...Мало того, что сама не приезжаешь, да еще и радоваться за родных разучилась! — Алька вздрогнула и включилась в конец маминого монолога. Ей стало стыдно: действительно, она не была дома ровно год, звонит редко, писем не пишет, а сейчас еще брякнула про шею в три обхвата. Верно, что это с ней?

— Прости, мам, — мягко сказала она в трубку. — Я очень рада за Ангела. Правда! Когда свадьба? Может, мне удастся выбраться.

— Как это — может удастся? — возмутилась мать. — На свадьбу родной сестры явка строго обязательна! В начале июня. Возьми неделю за свой счет.

— В начале июня у нас Испания, — обреченно проговорила Алька.

Мама как-то скисла, помолчала, потом произнесла неуверенно:

— Я все время волнуюсь за тебя.

— Вот это напрасно. Пора бы привыкнуть, не первый год.

— Пора, — вздохнула мать. — Но я все равно не могу. Скажи честно, тебя там никто не обижает? Мне почему-то все кажется...

— Брось, — засмеялась Алька. — Кто меня может обидеть? Я сама обижу любого. И давай прощаться, вон денег небось сколько наговорила.

— погоди. — Мать понизила голос. — Черт с ними, с деньгами. Ты лучше скажи, здорова? Ничего не беспокоит?

— Даже насморка и того полгода не было. Что мне сделается?

— Да я не про то, — досадливо проговорила мать. — Ты... не беременна?

— Я?! — Алька устало плюхнулась на кровать с трубкой в руке. — Мам, ну за кого ты меня принимаешь? Какой сейчас год на улице? Нет проблем.

— Ну прости. — Голос матери дрогнул. — Береги себя.

— Обязательно. Ангелу и папе привет. Чао!

— Аля!

— Что?

— Я, помнишь, говорила тебе про близнецов? Что у них жизнь складывается одинаково?

— Ну помню.

— Просто я подумала, если Лина выходит замуж, то, может, и ты в скором времени...

— Нет, — отрезала Алька. — Я пока не собираюсь. И не будем об этом, хорошо?

— Хорошо, — послушно согласилась мать. — А только никогда не знаешь, что случится завтра.

— Это точно, — улыбнулась Алька. — Все, мамуль, вешай трубку, вы выйдете из бюджета.

— А ну его, этот бюджет, — сердито проговорила мать, но трубку все же повесила.

Алька нажала на рычаг и откинулась на подушку. Ноющая от игры спина удобно устроилась на мягком. «Знала бы мама, какая у меня предстоит «свадьба», — мрачно подумала Алька. Внезапно, вся ее затея показалась ей дурацкой и пустой. Ежу ясно, что Рыбак на свидание не пойдет, Альку он презирает, а может, и ненавидит, как виновницу своего несчастья. И вообще, вдруг она все придумала себе и Крета убил именно Валерка? Что может рассказать им с Ленкой старушка Софья Тимофеевна? Скорее всего — ничего. Дальше что? Вон, кажется, и мать Рыбакова смирилась и ни на что не надеется. Только маленький Денис пытается протестовать. Он да Алька. Ну не дура ли?

Алька вскочила, снова схватила скрипку, принялась сначала за трудное место. Она вкладывала в игру всю ярость, всю боль, все отчаянье, долго копившееся и сидевшее взаперти, на самом дне души, не видимое никому. И постепенно ей становилось легче, словно скрипка была ее единственным надежным другом, который не способен предать, не дает советов, а просто слушает и понимает.

Сухаревская курила у служебного входа в филармонию, откуда обычно заходили оркестранты. Она с удовольствием рассматривала хлюпающие сосульки, свисавшие с карнизов, и шурилась от яркого солнца. Слава богу, наконец-то заканчивается эта проклятая зима. Ира любила теплое время года, когда можно ходить легко одетой, когда под ногами не чавкает грязь или мокрый снег, а ботинки не покрываются соляными разводами. В этом году весна запоздала: уже кончается март, а всю прошлую неделю стояли почти крещенские морозы. Машина не заводилась, и приходилось ездить повсюду своим ходом, а Ира отвыкла от этого. Она не торопясь докурила сигарету, выкинула окурок в стоящую неподалеку урну и повернулась было к дверям. В это время за спиной у нее взвизгнули тормоза. Она обернулась и узнала серебристый «вольво» Глотова.

«Приперся», — неприязненно подумала Сухаревская и хотела было сделать вид, что не заметила директора. Но Виктор уже вылез из машины и, включив сигнализацию, шел прямо к Ирке. Темно-синее пальто безукоризненно сидело на его невысокой, но подтянутой фигуре, губы растягивались в сладкой улыбке.

— Ира, здравствуй. — Глотов прибавил шаг и поравнялся с Сухаревской.

— Здравствуй, — холодно поздоровалась та, открывая дверь.

— Погодка сегодня что надо. — Глотов подхватил тяжелую дверь, широко распахнул ее перед Ирккой. — Будто с плеч что-то свалилось, правда?

— Правда, — усмехнулась Ирка. Бог мой, да ты, оказывается, романтик, Витюша. Вот не ожидала.

— Ты проходи, я за тобой поухаживать хочу. — Глотов пропустил Иру в гардероб, протянул руки снять с нее пальто.

— Поухаживай, Витя, за мной давненько никто не ухаживал.

Виктор взял пальто Сухаревской, аккуратно повесил на плечики и стоял теперь, чуть опустив голову. Ирка глянула в зеркало, взбила осевшие под шапкой волосы, вопросительно посмотрела на Глотова.

— Ты сегодня рано, — сказал тот. — Наверняка еще никого нет.

— Я всегда рано, — сухо ответила Ирка.

— Дома дел нет? — улыбнулся Виктор.

— Дела всегда есть, Витя, их не переделать. От дел и бегу сюда. — Она спокойно и внимательно рассматривала Глотова, так что тот невольно смутился, закашлялся.

— Ты удивительная женщина. Я восхищаюсь тобой.

— Ой, ой, уж сразу удивительная, — сморщилась Сухаревская. — Витя, я ценю твой комплимент, но давай попроще и сразу к делу. Ты, как я понимаю, что-то хочешь мне сказать? Так говори, не стесняйся, мы же свои люди.

Директор пожевал губами, скомкал в руках ослепительно белый платок.

— Я, собственно, это... извиниться хотел. За позавчерашнее. Обидел вас с Копчевским, сам того не желая. Ты не бери в голову — перебрал лишку.

«Ой, врешь, — подумала Ирка, — ты же трезвый был, как стеклышко. Ты всегда трезвый и чистенький. А вот что тебе приспичило, почему ты тут передо мной распинаешься, это вопрос интересный».

— Забыто, — сказала она Глотову. — Я тоже не в лучшем виде была, так что не будем и

вспоминать.

— А знаешь что, — обрадовался Виктор. — Времени полно, не сходить ли нам в буфет? Я тебя угощу по случаю примирения. Идет?

«Да он меня клеит, никак!» — изумилась Ирка. Вот так номер, кто бы мог ожидать этого от Витюши Глотова. Ей стало смешно и одновременно приятно. Давным-давно никто никуда Иру не приглашал. Свидания, веселые компании, театры и прочие радости жизни канули в далекое прошлое. Мужики давно перестали обращать на нее внимание — им подавай блеск глаз да улыбку. А Ирка... Ах, да что говорить. Она ясно увидела себя со стороны — бесформенный свитер, затертые джинсы на худых, почти мужских бедрах, на голове — ни укладки, ни химии, в волосах полно седины, хотя ей нет еще сорока. Она или со скрипкой за пультом, или за рулем, или с авоськами. Дома кричит, на работе кричит. Таких зовут мегерами, и так оно и есть. А Виктор приглашает ее в буфет. Ну и фиг с ним, что не в ресторан, все равно ее это греет.

— Ну что, пошли? — Виктор мягко сжал ее локоть, и до Иры долетел слабый холодноватый запах его туалетной воды.

— Пошли, — с шутливой угрозой произнесла Ирка.

В буфете было пусто, играла тихая музыка, мягко ступая, ходили девушки-официантки, убирая со столиков малочисленную посуду.

Глотов и Ирина уселись у окна, Виктор отошел ненадолго и вскоре вернулся с двумя вазочками мороженого, бутылкой минералки и огромной «корзиночкой», лежащей на блюде.

— Мне столько не съесть, — замахала руками Ирка. — И я ненавижу сладкое!

Виктор растерянно переводил взгляд с Иры на мороженое и обратно. Вид у него был беспомощный, и она почувствовала к нему нечто вроде жалости. В самом деле, в оркестре его не любят, терпят, потому что побаиваются, но никто не относится по-дружески. А ведь это, наверное, несладко, поди, и денег никаких не захочешь. Ирка тут же одернула себя. Что она вообще знает о Глотове, о его жизни? Да ничего! И уже расчувствовалась, распустила сопли. Мало же ей надо.

— Давай я закажу цыпленка-гриль, — решительно предложил Виктор.

Ира поспешно схватила его за рукав:

— Сядь и успокойся. Я съем то, что ты принес, не принцесса. Тем более что у мороженого вид очень соблазнительный.

— Правда? — совершенно по-детски обрадовался Виктор и тут же, без всякого перехода спросил: — Мы можем встретиться вечером?

Ира растерялась. До сего момента она относилась к происходящему как к несурзному приключению, которыми не была богата ее жизнь. Но сейчас в глазах Виктора читалось настойчивое и совершенно недвусмысленное ожидание. «Неужели все может происходить так быстро?» — с удивлением подумала Сухаревская. Виктор молчал, его красивая, изящная рука лежала на столике, совсем рядом с Иркиным локтем. И она вдруг, плохо понимая, что делает, положила сверху свою ладонь.

— Я буду ждать тебя в машине в пять там же, у служебного входа, — тихо проговорил Виктор, перевернул руку и легонько сжал Иркины пальцы.

Когда они вышли из буфета, до репетиции оставалось еще полчаса. Ире показалось, что ступенек на лестнице стало в два раза меньше, с такой легкостью она взбежала по ним на третий этаж. Ей хотелось лететь, вальсировать, запеть что-нибудь в полный голос. Из зала

доносились остервенелые звуки скрипки. Сухаревская распахнула дверь и увидела Альку, наяривающую пассажи в бешеном темпе. Пассажи звучали чисто и устрашающе виртуозно, черные Алькины глаза были устремлены куда-то в потолок.

— Сумасшедшая, — заорала с порога Ирка, враз позабыв про свой поход в буфет с Готовым и про вечернее свидание. — Ты же загонишь все к чертовой матери. Кто будет тогда партию держать?

— Не загоню, — сквозь зубы коротко ответила Алька, не опуская смычка.

— А я говорю, перестань! — Сухаревская подскочила, сняла ноты с пульта.

Алька остановилась, мрачный взгляд уперся Ирке в лоб, та почувствовала, как неприятно защекотало спину.

— Отдыхай, — взяв себя в руки, спокойней сказала она. — Руки загубишь.

Алька молча положила скрипку в футляр, отошла к окну, чиркнула зажигалкой.

— И не кури здесь, спустись!

«Почему мы враги? — с горечью думала Ирка, глядя, как девушка, едва сдерживая ярость, стремительно проходит мимо. — Из всех только она по-настоящему притягивает меня. У нее есть сила, талант, оригинальность. Откуда эта ежиная колючесть, этот подростковый максимализм в уже не юном возрасте?»

Вчера Ирке по случайности стало известно кое-что о Бажниной, что ее ошарашило. Сухаревская наконец заставила себя прийти домой к Валерке, поговорить с Анастасией Григорьевной, его матерью. Там полная безнадега — суд не раньше чем через полгода, срок грозит огромный. Из оркестра все от него отвернулись — убийца, что ни говори. И в конце разговора Валеркина мать вдруг говорит:

— Одна девочка ваша сегодня в изоляторе была, до дому нас довела. Черненькая такая, Аля. Заходить обещала.

Ирка так и села. Алька — в изоляторе? Чего ей там? Никому не сказала, тайком пошла. И тут Ирка вспомнила, как утром та отпрашивалась у нее. Вот, значит, какое дело у девочки. И поди разберись: вроде она с Васькой путается, и не только с Васькой. Еще пол-оркестра ее своим вниманием не обошли, она и не особо ломается. На что ей следственный-то изолятор да бабка с малышом? Поговорить бы с ней по душам, но разве она захочет? Смерит насмешливым взглядом с головы до ног и ускользнет. Ну и ладно, сама себе хозяйка, не маленькая. А у нее, у Ирки, теперь своя история начинается, не до Альки.

Срок, определенный Зинаидой Ильиничной, для того чтобы старушка Кретова немногo пришла в себя, кончился, и Алька решила ей позвонить. С первых же секунд разговора стало ясно, что Вертухова волновалась за сестру Павла Тимофеевича не напрасно. Голос у Кретовой дребезжал, она плохо понимала, что ей говорят, по нескольку раз переспрашивая у Альки каждую ее фразу. С трудом удалось объяснить Кретовой, чего от нее хотят, и договориться о визите на завтра.

Горгадзе свирепствовал день ото дня все больше, назначая групповые струнные репетиции каждый день, так что отпроситься не было никакой возможности. Единственное, что получилось, — это уговорить Сухаревскую половину репетиций перенести на утро, до начала общеоркестровых занятий. Ирка последние дни ходила какая-то непривычно подобрешая, улыбалась часто и без причины и легко пошла девчонкам навстречу. Таким образом, у Альки и Ленки освободился хотя бы вечер, иначе попасть к Кретовой становилось проблемой — пожилая женщина рано ложилась спать.

Жила Софья Тимофеевна недалеко от брата, на «Войковской», в старом кирпичном доме еще сталинской постройки. Она долго не открывала на звонок, и Алька начала уже было нервничать, решив, что старуха позабыла о встрече с «журналистками» и ушла прогуляться на сон грядущий. Но тут щелкнул замок, и дверь слегка отворилась, оставаясь на цепочке. В щелку выглянуло старческое лицо в больших круглых очках, и глуховатый голос спросил:

— Вы к кому?

— Мы к вам, Софья Тимофеевна, — терпеливо начала объяснять Алька. — Помните, мы звонили вам вчера. Нас прислала к вам Зинаида Ильинична Вертухова, мы пишем статью о Павле Тимофеевиче и хотели бы побеседовать с вами.

Старушка Кретова мелко покивала головой, сняла цепочку и впустила девушек в квартиру.

— Я помню, помню, — дребезжала она, ожидая, пока гости разденутся. — Но мало ли кого может принести на ночь глядя. Я и опасаясь.

В отличие от Зинаиды Ильиничны, Кретова провела девушек в просторную комнату. В углу стоял массивный салонный рояль, заваленный нотами и книгами, а со всех стен на Альку и Ленку глядели многочисленные фотографии Павла Тимофеевича. На некоторых из них он был совсем молодой, в окружении каких-то юношей и девушек, на других — постарше, с хорошо узнаваемой седой роскошной гривой волос, артистично зачесанных назад. Прямо напротив двери висел большой портрет в траурной рамке — на нем Кретов был точно живой, таким, каким привыкли видеть его в последнее время оркестранты: глаза в складках морщин, голова слегка опущена, во всем облике усталость и какая-то надломленность. Были на стенах и другие фотографии — самой Софьи Тимофеевны, ее учеников. Сестра Кретова, пианистка и видный фортепьянный педагог, вырастила не одно поколение музыкантов. Но, по словам Вертуховой, главным в жизни Кретовой был брат. Она кропотливо вела архив его выступлений, собирала афиши, программки, фотографии, газетные статьи, записи концертов — словом, делала все то, что делают многие жены, матери или сестры именитых людей. Софье Тимофеевне недавно исполнилось семьдесят, но выглядела она гораздо старше. Перед девушками стояла сгорбленная, совершенно седая

старушка, беспомощно и растерянно взиравшая на визитеров из-под выпуклых стекол очков. Было очевидно, что гибель любимого брата сразила ее наповал. Альке сразу стало ясно, что разговор предстоит тяжелый, да и вряд ли можно полагаться целиком на слова человека, находящегося в таком состоянии. Все же они с Ленкой уселись на старенький, пыльный диван, куда жестом указала им Кретова, терпеливо ожидая, пока старушка устроится в кресле напротив.

— Софья Тимофеевна, — начала Алька, — Зинаида Ильинична порекомендовала нам обратиться к вам как к человеку, очень близко знавшему жизнь Павла Тимофеевича. Для нас это очень ценно, ведь Павел Тимофеевич мало общался с людьми и почти никто не может нам рассказать о нем в полной мере.

— Мы надеемся, что это сделаете вы, — мягко добавила Лена.

— Ах, я расскажу, непременно расскажу, — забормотала старушка. — Вы не обращайтесь внимания, я в таком состоянии...

— Мы понимаем ваше горе, — утешительно произнесла Алька, — но мы должны сделать так, чтобы на Павла Тимофеевича люди взглянули другими глазами — не только как на талантливого музыканта, но и как на интересного человека, оригинального композитора. Зинаида Ильинична продемонстрировала нам уникальный архив его оркестровых переложений.

Алька перевела дух. Как, однако, трудно изображать журналистку, язык сломаешь, честное слово. Она кинула быстрый взгляд на Ленку, та одобрительно кивнула. Алька вспомнила добрым словом школьную учительницу русского и литературы Татьяну Яковлевну, задававшую писать сочинения в различных стилях — разговорном, литературном, публицистическом.

— Архив? — переспросила Софья Тимофеевна каким-то неестественно высоким, звенящим голосом.

— Ну да, архив. Партитурные переложения опер.

Альку несколько не интересовали композиторские изощрения Кретова, но не могла же она сразу начать разговор о молодой незнакомой женщине, неожиданно появившейся в жизни пожилого, больного дирижера. Внезапно она увидела, что Кретова смотрит на нее с ужасом. «Что я сказала не так?» — промелькнуло у Альки в голове.

— Так вы ничего не знаете? — Сухонькие пальцы Кретовой теребили бахрому кресельного покрывала. — Ну да, что ж это я? Вы ведь со вчерашнего дня не виделись с Зиной?

— Нет, конечно, — испуганно проговорила Алька, а Ленка прибавила:

— Мы вообще видели ее последний раз неделю назад.

— Вчера вечером Зинину квартиру ограбили, — тихо сказала Кретова. — Вынесли все коробки с партитурами, все, что привезли от Павлика после его смерти. — Голос Кретовой задрожал и сорвался, по лицу заструились медленные слезы. — Это такое варварство, такой вандализм... Простите, я не могу. — Софья Тимофеевна замолчала, пытаясь взять себя в руки.

Подруги сидели ошарашенные.

— Что-нибудь еще пропало — деньги, ценности, вещи? — наконец спросила Алька.

— Нет, в том-то и дело, что нет, — в отчаянии зарыдала Кретова. — Все цело. Ума не приложу, кто мог знать о трудах Павлика и зачем им все это: здесь, в России, большую их часть все равно никто не опубликует, требуется огромная доработка. Если только за

рубежом... Но и то маловероятно. Мы с Зиной в шоке. Представляете, она поехала к подруге, вернулась, а квартира перерыта. И никаких следов. Милиция сказала, что грабителей вряд ли удастся найти, работали профессионалы.

Потрясенная Алька молчала, не зная, что сказать. Выходит, существует человек или группа людей, которые охотятся за кретовским наследием. Но что такого ценного в его бумагах, из-за чего можно решиться на это?

Ленка тоже сидела ошеломленная, время от времени поглядывая на Альку.

— Софья Тимофеевна, — выдавила Алька, — может, нам лучше уйти? Наверное, наш разговор сейчас не ко времени.

— Нет-нет, оставайтесь, — замахала руками Кретова. — В конце концов, что такое какие-то рукописи по сравнению с тем, что Павлика нет в живых! Вы, наверное, думаете, что нам с Зиной эти бумаги принесли бы деньги? — Софья Тимофеевна грустно улыбнулась сквозь слезы. — Тогда вы ошибаетесь. Я уже сказала, что издать переложения не представляется возможным, по крайней мере, в ближайшие годы. И продать эти труды тоже нельзя. К сожалению, они сейчас ни для кого не представляют ценности.

— Но ведь кто-то украл их! — возразила Алька. — Значит, для кого-то они представляют ценность, и еще какую!

— Вот это и необъяснимо, — вздохнула Кретова. — Это противоречит всякой логике. Вы должны мне верить, я хорошо знаю, что говорю, — в бумагах моего бедного брата нет ничего, что бы могло заинтересовать мздоимцев.

— Хорошо, Софья Тимофеевна, — плавно сменила тему Лена. — Давайте предоставим милиции разобраться во всех этих загадках и поговорим о другом.

— Конечно, — спохватилась Кретова. — Я занимаю ваше время, обещала ответить на вопросы, а сама не могу остановиться. Что вас интересует?

Ленка незаметно толкнула подругу в бок.

— Расскажите нам о том, как жил ваш брат последние годы, — попросила та. — Мы знаем, что он был одинок. Зинаида Ильинична сказала, что единственным близким ему человеком были вы и...

— Она не все знала, Зина, — перебила Кретова. — Хотя по-своему очень любила Павлика. Он был не просто одинок, он был болен одиночеством. Несчастный, покинутый всеми человек, которого считали угрюмым и нелюдимым, но который на самом деле умел быть чутким и нежным и больше всего на свете хотел понимания.

Лицо Софьи Тимофеевны просветлело, морщины разгладились, глаза вдруг молодо засветились. Было ясно, что она села на своего любимого конька. Говоря о покойном брате, старушка будто снова возвращалась в то время, когда он был еще жив, нуждался в ней, в ее поддержке, наполнял жизнь одинокой женщины смыслом.

— Этот последний год был для Павлика самым тяжелым. Его преследовали болезни — гипертония, сердечная слабость. Он стал нервным, раздражался по пустякам, часто не мог заснуть по ночам, звонил мне, мы долго разговаривали. Иногда я приезжала. Он жаловался, что в оркестре его многие не понимают, считают чуть ли не чудовищем, самодуром. Мне кажется, Павлик предчувствовал свою гибель. Да-да, не удивляйтесь. У многих так бывает, а талантливый человек особенно прозорлив. Взять, к примеру, Моцарта — тот тоже знал заранее, что «Реквием» он пишет на собственную смерть.

«Эк, куда тебя занесло! — усмехнулась про себя Алька. — Кретов все-таки не Моцарт».

— Неужели в жизни Павла Тимофеевича не было никаких светлых моментов? —

спросила она.

— Были, конечно, — охотно переключилась та. — Павлик строил дачу. В это строительство он вложил всю душу, долго сам выбирал проект дома, лично контролировал строителей. А какие цветники он разбил во дворе! Я сама туда доехать не могла, это ведь далеко, под Александровом, а Павлика каждую неделю возила туда Инга.

— Инга? — переспросила Алька. — Молодая женщина в темных очках?

— Да, — засмеялась Кретьова. — Инга любила маскарад, одевалась так, что не видно было ни лица, ни фигуры. На то была причина — Павлик говорил, что муж Инги — большой человек и абсолютно незачем афишировать их связь. Пожалуй, Инга и стала в последние годы самым близким Павлику существом, понемногу вытеснив меня. Но я нисколько не ревную, — решительно покачала головой старушка. — Я все равно была ему очень нужна, а эта женщина... я уверена, рано или поздно все бы кончилось. Она даже не пришла на похороны, хотя я понимаю, ей не совсем удобно и все такое, но... Павлик, кажется, ее любил, во всяком случае, часто говорил о ней.

— А вы сами видели Ингу хоть раз? — с замирающим сердцем спросила Алька.

— Видела пару раз. Как-то они с Павликом зашли ко мне, возвращаясь с дачи, и принесли огромный букет роз. Павлик разводил розы, а Инга ему помогала. Однажды мы праздновали какой-то удачный концерт, и она испекла фруктовый торт. Очень быстро, буквально за полчаса.

— Но ведь не сидела же эта Инга за столом в платке и темных очках? — с надеждой проговорила Алька.

— Нет, — ответила Кретьова. — Платок она сняла.

— А очки?

— А очки на ней все время. У бедняжки сильный астигматизм, без очков у нее кружится голова.

Аля увидела, что Ленка изо всех сил делает ей какие-то знаки, и поняла, что увлеклась. Вместо журналистских вопросов, она учинила сестре покойного дирижера форменный допрос, и та уже давно поглядывала на Альку с недоумением: мол, какое имеет значение, в очках или без очков сидела подруга ее брата за столом. Алке стало ясно, что нужно как-то выкручиваться, но вытянуть все сведения о таинственной Инге она должна.

— Интересно было бы увидеть женщину, которую любил Павел Тимофеевич на склоне лет, — проговорила она мечтательно. — Вы бы не могли ее описать?

— Вы хотите написать об этом в статье? — испугалась Софья Тимофеевна.

— Ни в коем случае, — успокоила ее Алька, — мне просто чисто по-женски любопытно.

— Хорошо, я скажу вам, но только не для газеты. Довольно высокая, хорошо сложена, брюнетка с длинными прямыми волосами. Черты лица, видимо, правильные. Но разобрать сложно — я говорила, что Инга носит тонированные очки из-за сильной чувствительности глаз. В ней и правда было что-то очень притягательное. Говорила она мало, но я запомнила, что голос у нее низкий и красивый, и очень интересные руки — я наблюдала за ними, когда она делала торт. Пальцы длинные, изящной формы, словно она всю жизнь играет на музыкальном инструменте. Это тем более удивительно, что Инга никогда не училась музыке и даже нот не знает.

— Где же они познакомились? — удивилась Алька.

— Вы не поверите — в поезде. Павел Тимофеевич возвращался из санатория, и Инга

оказалась его соседкой по купе. С тех пор и начался их роман.

— Вот бы встретиться с этой Ингой, — нахально заявила Алька, — она бы многое, наверное, могла рассказать нам для статьи. Вы не поможете нам с ней связаться?

— Увы, — развела руками Кретова, — я ничего о ней не знаю. После смерти Павла она пропала, не позвонила, не зашла. Вероятно, опасается огласки.

— И ни у кого нет ее координат?

— Может быть, у соседей Павла по даче? — неуверенно предположила Кретова. — Они бывали там очень часто, вдали от города оба чувствовали себя спокойнее. Вдруг с кем-нибудь сошлись покороче?

— Вы подскажите, как туда добраться? — оживилась Алька. Она сделала вид, что не замечает Ленкиной недовольной гримасы. Конечно, той не хочется тащиться в Александров, да еще и на электричке. Машины у девчонок нет, а просить знакомых отвезти их на дачу Кретова нельзя: никто не знает про их нелегальное расследование. Ну да ничего не поделаешь, придется ехать.

Софья Тимофеевна записала Альке адрес дачи, потом они еще немного поговорили о Кретове, Алька для вида сделала кое-какие пометки в блокноте. Девушки уже хотели попрощаться, но разговорившаяся старушка внезапно остановила их.

— Еще минутку. — Она поднялась с кресла и подошла к старинному, тяжелому комоду, стоявшему у окна. — Я хочу вам напоследок показать... — Не договорив, она отодвинула с трудом поддающийся ящик, достала оттуда толстый фотоальбом в красивом кожаном переплете, вернулась к девушкам: — Вот. Так вам будет яснее всяких моих слов. Посмотрите, каким Павел Тимофеевич был в молодости, да что там — в молодости, здесь есть его фотографии всего пятнадцатилетней давности. Увидите, как он изменился с тех пор.

Алька с Ленкой незаметно переглянулись. Вот незадача! Теперь им не уйти отсюда еще неизвестно сколько. Что ж, назвался груздем — полезай в кузов, придется прилежно разглядывать семейные снимки и делать вид, что им это безумно интересно.

Софья Тимофеевна раскрыла первый лист альбома, бережно перевернула папиросную бумагу, отделяющую страницу от страницы. На снимках Кретов был совсем молодым и более солидным, с разными людьми, в разной обстановке. Альке быстро надоело рассматривать покойного дирижера во всех его ипостасях, ничего полезного эти фотографии ей дать не могли. Ее интересовали последние несколько лет жизни дирижера, но, судя по этому альбому, как раз в последние годы Кретов практически не снимался. Видимо, портрет в траурной рамке и был самой поздней его фотографией.

Алька подавила готовый вырваться наружу зевок, придумывая, как бы половчей свернуть занудное занятие. Кретова пролистала еще только пол-альбома, сопровождая просмотр каждой карточки длительными комментариями. «Пожалуй, пора сказать Софье, что позабыла сделать важный звонок», — решила про себя Аля, покосившись на сидящую со скучным видом Ленку. Кретова перевернула лист и сняла запотевшие очки, чтобы протереть их. Алька машинально поглядела на разворот альбома. Там были всего две крупноформатные фотографии. Слева — молодой Павел Тимофеевич в шляпе и с сигаретой в зубах весело улыбался в объектив. Надо же, действительно, сестра права, каким жизнерадостным он был когда-то! Скрутило его под конец, ничего не скажешь! Алька перевела взгляд направо и зажмурилась. Снова открыла глаза, провела по ним ладонью, смахивая невидимую пелену, наклонилась поближе к альбому.

На снимке, на парковой дорожке, обнявшись, стояли трое — крайний слева Кретов, в плаще, все в той же широкополой шляпе, но с лицом серьезным и задумчивым. Одной рукой он держался за ствол липы, другой обнимал за талию молодую светловолосую женщину. Та, в свою очередь, прижимала к себе длинноногую худенькую девочку-подростка, в курточке, брючках и со смешными косичками, свернутыми баранчиком. Фотография явно была сделана давно, но Алька без труда узнала и мать и дочь. С карточки на Альку смотрела тетя Шура, такая же белокурая, мягко улыбчивая, чуть беззащитная, как и сейчас, и, точь-в-точь как она это делала много раз при Альке, своим любимым жестом обнимала маленькую Ленку.

На мгновение Алька потеряла дар речи. Да, все так и есть, это они, Ленка и ее мать, стоят на фото рядом с Кретовым. Позади вдалеке застыли в полете качели-лодки паркового аттракциона.

Алька услышала сбоку шумное дыхание и вспомнила про сидящую рядом Ленку. Обернулась к ней. Ленкино лицо было растерянным и изумленным, она то и дело переводила взгляд с фотографии на Альку и обратно.

— Простите, нам пора, — брякнула обалдевшая от неожиданности Алька Кретовой, которая, водрузив на нос очки, уже раскрыла рот, чтобы продолжить свою лекцию. Она вскочила с дивана и, не глядя на Ленку, понеслась к двери. Та молча устремилась следом.

— Куда же вы, девочки? — раздался им вдогонку старческий голос Софьи Тимофеевны. — Осталось совсем немного. Самое интересное!

— Самое интересное я уже повидала, — сквозь зубы пробормотала Алька и вылетела за дверь.

На лестнице царил полный мрак — за время их визита к Софье Тимофеевне отчего-то погасли немногочисленные исправные лампочки. Алька начала медленно, ощупью спускаться вниз, стараясь не оступиться в темноте. Наконец в нос ей ударил резкий кошачий запах, и она поняла, что перед ней дверь подъезда.

— Осторожно, — проговорила идущая сзади Ленка, и в тот же момент Алькина нога, не найдя опоры, сорвалась в пустоту. Алька загремела куда-то вниз, больно шлепнувшись обеими коленками.

— Черт! — выругалась она. — Кажется, колготки порвались.

— Тут нет нижней ступеньки. — Ленка помогла подруге подняться, толкнула невидимую дверь, и девушки вышли на освещенную фонарями улицу.

— Ну? — Алька остановилась у подъезда, пристально разглядывая смущенную Ленку. — Как ты мне все это объяснишь? Ты знала Крета с детства? Он что, ухаживал за тетей Шурой?

— Он жил у нас, — тихо произнесла Ленка и поглядела в сторону.

— Жил? С твоей мамой?

— Да. Она его очень любила.

— Чего ж ты никогда мне об этом не рассказывала? — изумилась Алька. — К чему эти тайны мадридского двора?

— Так... — неопределенно протянула Ленка и перевела взгляд на Альку. — Мне было неприятно об этом вспоминать. — В Ленкиных глазах Алька явственно различила помимо неловкости боль и еще что-то. Какое-то чувство, определение которого она дать не смогла.

— Почему? — начала Алька и вдруг осеклась на полуслове, осененная внезапной догадкой. — Он... тебя соблазнил? — тихо спросила она, и по тому, как помрачнело

Ленкино лицо, Альке стало ясно, что она не ошиблась.

— А тетя Шура? — Алька осторожно дотронулась до плеча подруги. — Что она?

— Она ни о чем не знала. Помнишь фильм? «Лолиту»? Что-то подобное было и со мной, только наоборот.

— Как — наоборот?

— Ну в книге и в фильме он любит ее, а она его нет. Кретов не любил меня, несколько не любил. А я... — Ленка нервно тряхнула головой. — Я была такой маленькой, глупой, умирала от любви к нему. Рыдала, дура, когда он ушел от нас, вены хотела вскрыть. — Она немного помолчала, убрала со лба вылезшую из пучка тонкую светлую прядь. — Потом, когда все немного забылось, меня стал преследовать стыд. Я казалась самой себе... грязной какой-то, что ли, испорченной. Не знаю, как тебе объяснить... — Ленка беспомощно развела руками.

— Не надо, — мягко проговорила Алька, — не объясняй. Все и так ясно. Я всегда знала о Крете, что он хам и маразматик, но что такое чудовище!.. Ты могла бы его запросто упечь за решетку, если бы сказала маме.

— Но я этого вовсе не хотела. Он, напротив, нравился мне. Ты... презираешь меня за это?

— Что ты! — горячо воскликнула Алька. — Почему я должна тебя презирать? Жалею, и больше ничего.

— Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь в оркестре знал об этом, — смущенно попросила Ленка.

— Никто и не узнает, — твердо пообещала Алька. — Считай, что я ничего не видела, и тема эта закрыта. Ух, елки-палки, — выдохнула она, огорченно разглядывая огромную дыру на новых колготках, — я и не заметила, что в подъезде у Кретовой нет нижней ступеньки.

— А я видела ее, когда мы поднимались, да потом позабыла, не успела тебя вовремя предупредить, — виновато произнесла Ленка. — Больно?

— До свадьбы заживет. Ты лучше скажи — как тебе известие об ограблении Вертуховой?

— Не понимаю, какой в этом смысл.

— А я знаю, — горячо заговорила Алька. — Неужели тебе до сих пор не ясно, что Кретова хотели убить не случайно. Кому-то позарез нужны его долбаные партитуры.

— Но кому?

— Если б знать. Но Рыбак тут ни при чем, это точно. Они же ему ставят в вину, что он прикончил Крета непреднамеренно, в состоянии аффекта, а на самом деле кто-то давно подготавливал это убийство.

Ленка как-то странно взглянула на Альку, быстро пожала плечами.

— Слушай, подруга, — медленно произнесла она. — А тебе, часом, не боязно?

— О чем ты?

— Ну ты же сама только что сказала, что убийство готовилось. Какие-то люди охотятся за Кретом или за его бумагами. Они готовы и на грабеж, и на убийство. Так?

— Так, — кивнула Алька, все еще не взяв в толк, куда клонит Ленка.

— А если так, умница моя, разумница, куда же мы прем с тобой им наперерез?

Ленкино лицо было бледным, в глазах застыл страх. Алька внезапно остановилась.

— Ты считаешь, нам что-то угрожает? — неуверенно спросила она.

— Честно? Я считаю, да.

— Ты не хочешь ехать на дачу? — Алька совершенно по-детски всплеснула руками, будто ей не купили обещанную игрушку.

— Ты ничего не поняла! — рассердилась Ленка. — При чем здесь хочу или не хочу? Я боюсь, ясно тебе, бо-юсь! И тебя одну туда тоже не отпущу. Я не хочу, чтоб тебя нашли на железнодорожных путях!

— Лен, но ведь никто не знает, что я... что мы...

— Я в этом не уверена. Тот, кто отслеживал каждый кретовский шаг, подготавливая его смерть, не теряет бдительности и сейчас. Пока не случилось ЧП с квартирой Вертуховой, я думала так же, как и ты. Но теперь все изменилось. Аля, ты рискуешь, если не уймешься.

— Я все равно поеду, — угрюмо пробормотала Алька. — Ты, конечно, если дрейфишь, можешь остаться, а я поеду.

— Хорошо. — Ленка быстро зашагала к метро. — Поезжай. Я, естественно, тебя не брошу. Ответь мне только, кого ты собираешься искать на даче в конце марта? Очкастую Ингу? Тех, кто знает ее адрес? А если никто не знает, так же как в Москве? А если она имеет отношение к убийству Крета не более чем мы с тобой? Может, она даже боится тех людей, которые расправились с ее любовником, потому и исчезла?

— Стоп! — Алька стала как вкопанная. — Как же мне раньше в голову не пришло?

— Что еще? — устало проговорила Ленка, продолжая идти вперед.

— Инга тоже мертва! Ее убили, как и Крета. Как ты не понимаешь? Она что-то знала с партитурах, они боялись вместе! Вспомни последнюю репетицию во Владимире — Крету явно угрожали, он и сдрейфил от слов Рыбака. И Софье Тимофеевне он жаловался, что чувствует близкую смерть. Неспроста это, поверь мне! Вот и произошло то, чего они с Ингой так опасались. Вдруг это она была во владимирской гостинице, ее шаги я слышала в коридоре? Тогда ей удалось исчезнуть, а потом достали и ее! — Алька едва поспевала за разъяренной Ленкой, которая продолжала нестись как угорелая.

— Тем более концы обрублены, — сказала та. — Ехать незачем!

— Ехать надо! — возразила Алька. — Все равно надо. Если я ошибаюсь и Инга жива только она может пролить свет на это дело.

— Ладно, поедем, только уймись и давай наконец дойдем до метро, а то мы домой и к утру не вернемся! Сама лезешь на рожон, меня в это безумие вовлекаешь! И ведь ничего нам не даст твоя затея, кроме больших проблем!

Алька была готова подписаться под каждым Ленкиным словом, настолько верно и логично та говорила. Но главное для нее было все-таки то, что Ленка согласилась поехать с ней, а значит, она будет не одна.

Расставшись с подругой на Преображенке, Алька принялась строить план. Для поездки на дачу в Александров нужно было дожидаться выходных, а ближайшие выходные, как назло, будут заняты — Горгадзе организовал концерты в музее Глинки. Правда, в воскресенье концерт был утренний и можно, наверное, успеть... Занятая подсчетами времени, Алька не заметила, как дошла до квартиры. Она остановилась перед дверью, с удивлением разглядывая бумажный листок, засунутый за кнопку ее звонка. «Что-нибудь с Элеонорой Ивановной, — решила она, вытаскивая записку. — Плохо с сердцем, забрали в больницу». Она развернула бумагу. На половинке машинописной страницы красивым компьютерным курсивом было набрано: «Девочка, не суйся не в свое дело, пожалеешь».

В конце предложения вместо восклицательного знака стояла спокойная точка.

Алька услышала, как громко стукнуло сердце — резко, гулко и всего один раз. Ей сразу

расхотелось входить в квартиру, но на лестнице оставаться тоже было жутко — Альке показалось, что она явственно слышит шаги вниз. Поколебавшись, она все же вытащила ключи, долго не могла попасть в замочную скважину и, наконец, широко распахнув дверь, ввалилась в квартиру. На минуту стало легче — в коридоре ярко светила люстра, мирно стояли под вешалкой черные войлочные ботинки Элеоноры Ивановны, тикали настенные часы в углу. Алька перевела дух и сняла куртку. Громко затрещал телефон, и тотчас же из своей комнаты выглянула соседка.

— Обзвонились тебе, — морщась, точно от зубной боли, сказала она Альке. — Замаялась подходить. Каждую минуту — не пришла еще, не пришла? Точно на пожар. Больше не подойду!

Алька прямо в ботинках бросилась к себе, схватила трубку. Она уже знала, кто звонит.

— Ленка, ты?

— Пришла? Видела?! Что я тебе говорила?!!

— Тебе тоже прислали? — задала Алька глупый вопрос.

— Вот что, — твердо сказала Ленка. — Кончаем с этим. И без возражений!

— А Рыбак?

— Почему бы тебе не спрыгнуть для него с десятого этажа? Пользы будет столько же, но есть шанс выжить — я читала, не все разбиваются насмерть. А так — шансов никаких. Я не самоубийца. Нам такое не по зубам, и думать забудь.

— Ладно, — убитым голосом проговорила Алька. — Прости, что ввязала тебя в это дело. Я постараюсь забыть.

— Вот и умница, — устало сказала Ленка. — Запри покрепче дверь и ложись спать.

— Спокойной ночи, — прошептала Алька и повесила трубку.

Сев на кровать, она развернула скомканную записку. От бумаги шел слабый, еле уловимый запах то ли духов, то ли туалетной воды, точно от любовного письма. И тем более жутким и зловещим казался смысл, заключенный всего в одной фразе.

Ночью Алька никак не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, пытаясь разгадать, что же такого интересного могли содержать в себе переложенные для симфонического оркестра партитуры опер. В голову не приходило ничего путного. Штора на окне пугающе шевелилась, и Алька боялась закрыть глаза. Утром ее качало, лицо было опухшим и бледным, в голове шумело. В таком виде она и явилась на репетицию, стараясь не встретиться с пронизательным взглядом концертмейстера.

В филармонии ее ожидал очередной сюрприз.

— В выходные играете соло с Соловьевой, — заявила Сухаревская тоном, не терпящим возражений. — Надеюсь, ты помнишь Вивальди? Если нет, то у тебя три дня в запасе.

Концерт Вивальди Алька играла ровно полгода тому назад, когда во время гастролей в Праге заболел Эдик Скворцов. Тогда Сухаревская скрепя сердце выпустила на сцену Альку. У той от неожиданности дрожали руки, но ничего, стиснула зубы, сыграла. Кретов остался доволен, Ирка сказала что-то насчет штрихов, но в целом все прошло путем. С тех пор Алька Вивальди не повторяла. Издевается Ирка над ней, что ли?

— Я не сыграю, — твердо сказала Алька.

— Сыграешь, — холодно отрезала Сухаревская. — Позаниматься придется, ничего не попишешь, но сыграешь. Соловьева не против.

— Потому что она сто раз его играла, а я — один.

— Тебе и одного достаточно. — Ирка отошла в сторону, будто забыв об Алькином присутствии, и та не поняла — комплимент ли ее слова или очередное издевательство.

Пришел веселый Чегодаев, подмигнул Альке и отправился в кабинет директора распределять премии — на оркестр выписали дополнительные деньги. На минуту Алькой овладело искушение рассказать Ваське обо всем: и о своих действиях, и о записке с угрозой. Она уже было приблизилась к дверям глотовского кабинета, но что-то заставило ее остановиться.

Репетиция тянулась бесконечно, после бессонной ночи ныли руки, перед глазами прыгали цифры тактов. Молчаливая и такая же бледная Ленка сидела рядом, и Аля слышала, как она фальшивит. Сухаревская время от времени оборачивалась и бросала на подруг яростные взгляды, но Альке было абсолютно все равно.

— Ты куда? — спросила она Ленку, когда Горгадзе наконец отпустил оркестр.

— Домой, конечно. — Ленка быстро собирала инструмент. — Заниматься надо, а то, того гляди, с работы выгонят. Мы ведь пока что с тобой не на Петровке работаем, а в оркестре, здесь играть надо, а не преступников разыскивать.

Ленка ушла, а Аля медленно запаковала скрипку и побрела к метро. Сзади посигналила машина, из-за опущенного стекла Альке улыбался Чегодаев.

— Куда утекла? — Он распахнул дверцу. — Садись, премию отметим.

— Мне заниматься надо, — покачала головой Алька, — в субботу Вивальди играть.

— Не повезло вам, — сочувственно кивнул Чегодаев. — Будете теперь струнной группой за весь оркестр отдуваться, я предупреждал. А нам хорошо, никто слова поперек не молвит. Ладно, давай хоть домой отвезу.

— На метро быстрее.

— Ну как знаешь. — Васька захлопнул дверцу, и машина унеслась, выпустив на Альку

бензиновое облачко.

Алька так же вяло и медленно прошла через турникет, влезла в переполненный вагон, прислонилась к стене и отключилась. Очнулась она, лишь когда поезд внезапно выехал на поверхность.

«Что за чертовщина? — изумилась Алька. — Сейчас же должна быть «Театральная»!» И тут же поняла, что давно проехала станцию пересадки. Еще через мгновение ей стало ясно, что сделала она это не случайно — поезд следовал до «Красногвардейской». «Зачем? — устало подумала Алька. — Кто меня там ждет?» Но из вагона не вышла, доехала до конечной, отыскивала дом, у которого была десять дней назад, нужный подъезд, квартиру.

Рыбакова распахнула дверь, с удивлением взгляделась в Альку, потом, вспомнив, произнесла:

— Ты? Заходи.

В коридоре тут же появился Денис, сделал пару шагов навстречу Альке и остановился.

— Ну чего ты? Боишься? — Алька выругала себя за то, что не догадалась что-нибудь принести ребенку, и протянула ему руку: — Иди сюда, поздороваемся.

Денис так и остался стоять в дверях, смотря на Альку серьезно и с подозрением.

— Забыл, — объяснила Рыбакова. — Ты раздевайся. Вон тапочки возьми. — Она мотнула головой в угол, где стояла обувь, и ушла в квартиру. Денис тут же побежал за ней следом.

Алька быстро переобулась, прошла по коридору на кухню. Рыбакова помешивала что-то в кастрюле, стоящей на плите, малыш прятался у нее за спиной. Оба молчали.

— Может, помочь вам? — предложила Алька. — В магазин сходить или еще что...

— Поиграй вон с ним. — Рыбакова вытащила Дениса вперед. — А я суп доварю. А тс ходит хвостом целый день.

Она выглядела лучше, чем тогда, во дворе изолятора, казалась не такой бледной и усталой. Ростом не ниже Альки, в темных волосах почти нет седины.

— У тебя время-то есть?

Алька кивнула, представляя, что ей завтра скажет Сухаревская по поводу невыученной партии.

— Иди, Денис, тетя с тобой поиграет, а потом будешь обедать.

Немного освоившийся Денис послушно отправился в свою комнату вслед за Алькой. Там царил жуткий бардак, повсюду были раскиданы игрушки, на столе лежал раскрытый альбом с каракулями и кучка разноцветных фломастеров. Над столом в рамочке висела Веркина фотография — та строго, по-хозяйски смотрела на непрошеную гостью. Алька повернулась к портрету спиной, улыбнулась малышу, глядевшему на нее с ожиданием, и бодро спросила:

— Во что мы будем играть?

— Не знаю, — протянул Денис.

— Ты музыкой-то заниматься хочешь?

Денис подумал и отрицательно покачал головой.

— Нет? А кем же ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Пожарным.

— А, ну ясно. Тогда смотри, вон там — пожар. Видишь? — Алька махнула рукой в сторону заваленного игрушками угла. — Вот и туши давай. Только сначала завал разгрузи, а то машины не проедут. Понял?

— Ага.

Денис стал кидать игрушки с пола в большой ящик, постепенно увлекаясь и разговаривая сам с собой. Алька минут пять понаблюдала за ним, потом тихонько вышла.

Валеркина мать неподвижно сидела у окна, кастрюля была выключена. Она не сразу заметила Альку, вздрогнула, поднялась.

— Готово. — Алька начала привыкать к ее манере говорить — ровно, негромко, короткими, обрывистыми фразами. — Спасибо, а то ничего не могу с ним сделать, все время пугается под ногами.

— В сад надо, — подсказала Алька. — Там весело.

— Ходил, — вздохнула женщина. — Карантин там по свинке, последняя неделя пошла.

Она терпеливо накормила внука обедом и ушла укладывать спать, сказав Альке:

— Я с ним посижу минут десять, пока уснет, а ты, хочешь, телевизор посмотри пока или здесь подожди.

Алька зашла в гостиную, внимательно осмотрелась. Здесь стояло пианино, почти такое же старенькое, как у Ленки, только коричневое. На крышке лежала стопка нот, черный флейтовый футляр. Алька подошла, осторожно раскрыла его, коснулась тускло мерцавшего в глубине серебра флейты и тут же отдернула руку: прямо над пианино висела фотография, в такой же рамке, как и та, что в комнате у Дениса. На ней были изображены Валерка с женой, наверное, десятилетней давности. Такими Алька их не видела — совсем юные, красивые, улыбающиеся. Алька зло покосилась на белозубое Веркино лицо и захлопнула футляр. «Дурак, — подумала она. — Ему бы зашвырнуть подальше эти карточки, а он их по всем стенкам развесил. Неужели так любит?»

Она щелкнула пультом, по экрану поползли титры какого-то фильма.

И за каким чертом ей это свидание с Валеркой? Что она может ему сказать? Только то, что она ненавидит Верку, всей душой ненавидит, и, если бы не эта стерва, Алька, наверное, решилась бы и... Нет, этого нельзя, он просто рассмеется ей в лицо, да он и так все время смеялся над ней, и все это знают. А у нее нет гордости! Иначе что она делает здесь, в этой квартире, почему ходит, точно вор, украдкой оглядываясь, отыскивая невидимые следы, пытаясь проникнуть в чужую ей жизнь?

Вошла Рыбакова, села рядом на диван, вопросительно посмотрела на Альку. Та вдруг поняла, что Валеркина мать чего-то ждет от нее, надеется. Видно, приняла те Алькины слова всерьез. Алька вздохнула и отвела глаза.

— Адвоката наняли, — словно себе самой сказала Рыбакова. — Хороший адвокат. Может, срок удастся уменьшить.

— На сколько?

— Не знаю, учитывая все обстоятельства, на два года или на три. Семь лет еще можно переждать.

Алька в который раз удивилась ее выдержке, спокойному тону. Наверное, не многие в подобной ситуации вели бы себя так.

— А у нас тут еще проблемы, — вдруг доверительно проговорила Рыбакова. — Дениса забрать хотят.

— Кто? — испугалась Алька.

— Ну кто? — невесело усмехнулась женщина. — Мать, конечно. У нее теперь все права. Я, конечно, повоюю, я ведь его и растила с детства, он меня только что мамой не зовет. Но не знаю, как выйдет.

— А... Валера об этом знает?

Рыбакова отрицательно покачала головой:

— Пусть подольше не знает, может, еще и обойдется. Я-то поздоровей Верки буду, отчего же мне ребенка не доверить!

Женщина немного оживилась, ища у Альки поддержки, речь ее потекла быстрее, постепенно окрашиваясь эмоционально. Видимо, она устала от молчания, и ей хотелось поговорить с кем-нибудь.

— Конечно, — поддакнула Алька, — может, обойдется.

— Хочешь, записку ему напиши, — неожиданно предложила Рыбакова. — Записку можно, принимают. А то из ваших никто больше не пришел. Только Ира.

— Ира? Сухаревская?

— А чего ты удивляешься, они еще с детства друзья. В школе имени Гнесиных оба учились. Только Валера мой на четыре года младше. Но все равно вечно во дворе играли вместе: гнесинцы — народ дружный, учащихся меньше, чем в обыкновенной школе, все друг с дружкой знакомы.

— Я не знала, — проговорила Алька, отказываясь верить собственным ушам. Вот это Ирка, молодец, да и только. А Алька думала, что ей, кроме верных штрихов, ничего в жизни не надо.

— Будешь записку писать? — повторила Рыбакова.

— Н-нет, — выдавила Алька. — Вы сами...

— Чего — сама? — удивилась Рыбакова.

— Ну там привет ему передайте от меня в своем письме. Он-то пишет вам?

— Пишет.

— И... как?

— Да не сказать, чтоб очень подробно. Все нормально, про Дениса спрашивает, а больше ничего.

— Пойду я. — Алька поднялась с дивана, сворачивая разговор, грозивший привести к ее разоблачению.

— Иди, — согласилась Рыбакова. — Ты давно в оркестре? Что-то Валера мне про тебя и не говорил.

— Год.

— В первых скрипках?

— Да.

— Ладно, спасибо, что помогла.

Алька вышла из подъезда, приблизилась к фонарю, вытащила из сумки аккуратно сложенную вчерашнюю записку. Несколько раз перечитала. Почему-то сейчас оно не показалось ей таким пугающим. Наоборот, записка была чем-то похожа на те, которые они в детстве писали друг другу дворовой компанией, играя в бандитов. Почему она не может поехать в Александров? Никто не застрелит ее из пистолета при всем честном народе, а от края платформы можно ведь держаться подальше. И вообще, что плохого в поездке за город? Откуда и кто знает, зачем она туда собралась? Надо ехать, они на верном пути, иначе их не стали бы останавливать, пугать письмами. В воскресенье, после концерта.

Ира открыла глаза и вздрогнула от неожиданности — в комнате было светлым-светло. Боже мой, значит, уже утро! Она быстро взглянула на часы — так и есть, полседьмого. Виктора не было. Ирка поспешно встала, накинула простыню, прошла по длинному пустому коридору в ванную. В лицо ей ударила тугая, прохладная струя, и Ирка счастливо рассмеялась. Подумать только, как можно себя не знать! За прошедшие две недели она стала абсолютно другим человеком. То, что раньше казалось ей невыносимым, теперь не вызывает ни малейшего осуждения. Вчера вечером она позвонила домой предупредить, что задержится, как звонила теперь ежедневно. И вот проспала до самого утра. Но главное — ей ничуть не жаль и не стыдно. Ирка вытерлась огромным мягким полотенцем, вернулась в спальню, оделась, затем заглянула в другую комнату. Виктор сидел за компьютером, уставившись в экран, по которому ползли громоздкие фигуры тетриса.

— Доброе утро, — сказала в дверях Ирка.

Виктор обернулся, лицо его просияло.

— Я не стал тебя будить, ты так сладко спала, — виновато проговорил он.

— Ну и ладно, — улыбнулась она ему в ответ. — Тебе что приготовить на завтрак — яичницу или салат?

— Все равно, что ты больше любишь.

— Тогда яичницу, — решила Ирка и подошла ближе. — Ты-то хоть спал или всю ночь так просидел?

— Спал, — Виктор обернулся, обхватил ее за руки, не давая уйти, потянул к себе...

Было уже восемь, когда Ирка наконец поджарила яичницу. Они ели с проснувшимся аппетитом, запивая завтрак ароматным свежесваренным кофе. Потом Ирка позвонила домой, что она жива и здорова.

— Представляешь, — смеясь, говорила она Виктору, — муженек мой дорогой даже не заметил, что меня нет. Маму только жалко, она переволновалась.

— Ир, слушай. — Глотов глядел, как она, раскрыв футляр, проверяет инструмент, тщательно канифолит смычок, подтягивает волос, — ты вот тогда обиделась. А что, действительно приличные скрипки так бешено стоят?

— Смотря для кого, — миролюбиво проговорила Ира. — Для меня — бешено. Я ж одна, считай, семью тяну, мне на хорошего «итальянца» не отложить. Ребятам моим — тоже. Это тысяч двадцать, не меньше.

— Я слышал, за рубежом все инструменты стоят дороже раза в полтора.

— Правильно слышал, только что из того?

— Если продать там свою скрипку, а здесь купить новую, более высокого класса, пожалуй, разница восполнилась бы сама собой. Или я не прав?

— Ты замечательно соображаешь, Витя. Я и сама об этом не раз думала. Но увы! Мастерская скрипка — государственное достояние и продаже за границей не подлежит. Сечешь?

— Но ведь это же твой, личный инструмент! — возмутился Виктор.

— А это наших чиновников нимало не колышет. Вот нам и приходится пахать по многу лет на дровах, если не повезло изначально родиться в семье потомственного струнника. Я своего Вильома после семи лет работы в оркестре купила, а сейчас цены еще выросли.

— Господи, как вы различаете их? По мне, что фабрика, что Страдивари — один черт. Новые инструменты красивей даже.

— Ну это ты говоришь как человек, далекий от музыки. Дело-то не во внешнем виде. Дело, Витенька, в звуке. Звук хорошего инструмента любой струнник за километр различит, его, как ни старайся, воссоздать не удастся.

— А вид?

— Вид можно. Толковый мастер в состоянии сделать копию «итальянца» или, скажем, «француза».

Ира сложила скрипку, защелкнула футляр.

— Все, Вить, лекция окончена, пора на работу.

— Подожди, — попросил заинтригованный Виктор. — А если вывезти хорошую скрипку, продать там ее, а по паспорту ввезти в Россию умело сделанную копию?

— Лихо. Далеко пойдешь. А если честно, это неплохая идея, но за нее много дадут. Я имею в виду не баксы.

Виктор весело рассмеялся.

— Я куплю тебе «итальянца», — пообещал он. — Вот увидишь.

— Купи мне лучше тапочки, а то я тону в твоих. — Ирка указала на огромные глотовские тапки, в которых она ходила точно на лыжах. — Все, я побежала, гуд бай.

— погоди, я тебя отвезу.

— Брось, тут два шага.

— Нет, отвезу. — Виктор упрямо мотнул головой, пошел во двор греть машину.

Ирка посмотрела на себя в большое зеркало: глаза сияют, щеки горят, одно слово — старая дура. Она улыбнулась своему отражению, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Первый концерт в музее Глинки прошел удачно. Горгадзе похвалил и Альку, и Ленку, пообещав продумать им к Испании сольную программу. Успех этот стоил Альке жуткой ссоры с Элеонорой Ивановной. Последние два дня ей пришлось заниматься дома до половины двенадцатого, и соседка заявила, что Алька попросту сживает ее со света. Никакие объяснения, ни даже приглашение на концерт, не возымели действия. В конце концов Алька взорвалась, наговорила вредной старухе кучу дерзостей и захлопнула дверь перед ее носом, пригрозив играть всю ночь, если та не уймется.

Однако Вивальди был выучен назубок, и весь субботний вечер Алька убила на то, чтобы уговорить Ленку поехать назавтра в Александров. Сначала Ленка ничего не хотела слушать, называя Альку сумасшедшей, психопаткой и другими чудесными эпитетами, страдальчески заводи́ла глаза, крутила пальцем у виска. Потом запал ее начал пропадать, и в конце концов, почти через два часа непрерывных споров, Ленка сдалась.

— Никого там нет, на этой даче, — безнадежно проговорила она, глубоко затягиваясь сигаретой, — но мне уже все равно. Раньше, чем с нами что-нибудь успеют сделать, ты сведешь меня с ума, а это хуже смерти.

В воскресенье весь концерт Алька отыграла на автопилоте — мыслями она уже была на кретовской даче. Едва закончив, девчонки понеслись на Ярославский вокзал — электрички на Александров ходили всего четыре раза в сутки, и, чтоб вернуться сегодня же в Москву, им нужно было успеть на ближайшую. В метро Ленка ворчала, что по Алькиной вине она опять тащится в чертову даль с инструментом, жаловалась, что устала, что у нее все болит. Алька покладисто выслушивала проклятья, посылаемые на ее голову, и молчала, мучительно раздумывая, напишет ли Рыбакова про нее в своем письме к Валерке и как он на это среагирует. Наконец она успокоилась, решив, что Валеркина мать упоминать про нее не станет, просто позабудет за всеми другими проблемами.

Когда девушки добрались до «Комсомольской», до электрички оставалось чуть меньше часа.

— Мы бы домой заехать успели, — снова завелась Ленка. — Вечно ты накручиваешь: быстрее, быстрее...

Она не договорила. Шедшая по переходу ватага оборванных мальчишек, поравнявшись с подружками, вдруг, точно по команде, сорвала у них с плеч сумочки и бросилась врассыпную.

— А ну стоять! — закричала Алька, кидаясь вслед за похитителями.

Ленка, секунду поколебавшись, побежала тоже. На девчонок оборачивались люди. Ловко передавая украденные сумки один другому, воришки вскоре исчезли из виду, растворившись в привокзальных переходах. Алька догнала только одного, самого маленького, лет восьми, и потащила его к стоящему неподалеку со скучающим видом милиционеру. Сумки у пацана не было, и он тут же принялся размазывать по чумазому лицу несуществующие слезы.

— Пойдемте составлять акт, — лениво предложил милиционер, взяв мальчишку за ухо.

— Некогда, — отмахнулась Алька, — мы на поезд опаздываем.

— Тогда я его отпущу. — Милиционер равнодушно взглянул на Альку и прихрамывающую за ней Ленку: в процессе погони она сломала каблук и вывихнула ногу.

— А сумки? — возмутилась Алька. — У нас там и деньги, и документы! Пусть скажет куда его дружки попрытались.

— Скажет он, держи карман, — засмеялся мент. — Он и не знает, где они. Это же так, «шестерка», подстава, специально чтоб внимание отвлечь. А остальных и след простыл. Ну, составляем акт? Тогда пройдемте в отделение, здесь недалеко.

Алька вопросительно поглядела на Ленку.

— Поездка отменяется, — сказала та. — Сама видишь, не судьба. Успеем еще, в следующие выходные.

— Да ты что? Это ж опять целую неделю ждать, и неизвестно, не придумает ли Рафик новый концерт, вечерний!

— Я все равно не могу ехать, — поморщилась Ленка. — Нога не разгибается, и каблук подчистую отлетел. Я и до дома-то не дойду, придется машину брать.

— Черт! — Алька смотрела то на совершенно успокоившегося пацана, то на терпеливо ожидающего итогов спора милиционера, то на белую от боли Ленку и не знала, на что решиться.

— Ладно, отправляйся домой, — наконец сказала она подруге.

— А ты?

— А я поеду одна.

— Денег же нет, ты без билета?

— Слушай, сержант. — Алька просительно посмотрела менту в глаза. — Одолжи рублей восемьдесят, адрес запиши, я тебе сегодня же вечером отдам, в крайнем случае, завтра утром.

Парень выкатил на Альку изумленные глаза.

— Да ты что? Если я всем обворованным у трех вокзалов займы давать буду, то без штанов останусь! У меня и так зарплата копеечная!

— А ты не всем, — задушевно проговорила Алька, — а только мне.

— Пошла ты! — с неожиданной злостью выругался мент. — И вообще, свидетелей нет, почему я вам должен верить? Может, вы на ребенка просто так наговариваете!

Алька поняла, что разговора не выйдет и ей не повезло — могла наткнуться на нормального человека, а вот попался мизантроп, хоть и молодой и вполне симпатичный. Что ж, так бывает.

— Ну хорошо, — сдалась она. — Можно по крайней мере мне хотя бы самой заработать на билеты?

— Т-ты чего? — попятился парень и выпустил мальчишкино ухо. — Ч-чего мне предлагаешь? Да я тебя в отделение! Сразу видел, что вы за птички!

— Ты что, больной, что ли? — расхохоталась Алька. — Я ж тебе не это вовсе предлагаю.

— А что? — заморгал сержант.

— Я тут на скрипке поиграю, а мне денежки покидают. Много-то не нужно, на билет до Александрова и обратно, да на автобус еще. Ну и так, чтоб не с пустыми карманами ехать.

Ленка, не переставая качаться от боли, прыснула и тут же застонала. Милиционер растерянно взирал на Альку, позабыв про маленького воришку, который тотчас сделал ноги.

«Вот козел, — разозлилась Алька. — Что ж он такой тормозной-то? Времени же в обрез».

— Ну играй, — поколебавшись, разрешил милиционер, с любопытством уставившись на

Алькину скрипку.

— Большое спасибо, — насмешливо поблагодарила Алька, раскрыла футляр, достала инструмент, настроила его.

— Обалдела? — Ленка стояла, привалившись спиной к стене перехода с ошарашенным видом.

— Думаешь, плохо будут подавать? — обиделась Алька. — Ну смотри!

Она вскинула смычок. Звук, усиленный эхом, прорезал монотонный гул тоннеля, закружился над головами спешащих людей, вызывая улыбки на лицах.

— Сколько здесь хожу, никогда не слышал, чтобы так играли, — уважительно произнес пожилой мужчина, подошел поближе и положил Альке в раскрытый футляр пять рублей.

— А ты говоришь! — не переставая играть, похвасталась Ленке Алька и крикнула вслед уходящему мужчине: — Спасибо!

Алька сыграла Вивальди, за ним партию концерта Баха и напоследок «Шербурские зонтики». Этого хватило, чтобы в футляре скопилось более сотни.

— Вот где работать надо, — сказала Алька Ленке, складывая инструмент, — а не в оркестре. Тогда и квартира будет, и машина, и инструмент приличный!

— Точно, — поддакнула Ленка.

— Сержант, ты мне подругу в такси посадишь? — обратилась Алька к потерявшему дар речи менту. — А то я не успеваю.

Парень кивнул.

— Ну наконец-то, хоть в чем-то мы сошлись, — обрадовалась Алька и поцеловала Ленку на прощание. — Все. Пожелай мне ни пуха ни пера и смотри, чтобы перелома не оказалось.

Ленка помахала ей рукой.

Через десять минут электричка стремительно уносила Альку от Ярославского вокзала в Александров. Напротив необъятных размеров бабка быстро вязала на спицах, вполголоса считая петли, рядом храпел пьяный мужик. Альке было совсем не страшно, и лишь время от времени она опускала руку в карман, где так и лежало зловещее письмо.

От электрички пришлось еще добираться автобусом. На то, чтобы взять машину, заработанных игрой денег не хватило. Но Альке все же удалось попасть в поселок еще до темноты. Последние дни весна полностью вступила в свои права, в Москве сугробы почти растаяли, а здесь кое-где кучками лежал почерневший, полуобледенелый снег. Тут же рядом желтела совершенно сухая прошлогодняя трава. Поселок был большой, и Алька изрядно побродила по узким пустым улочкам, пока не уткнулась в глухой высокий забор кретовской дачи. На калитке висел замок. Соседние участки тоже оказались пустыми, лишь во дворе справа раздавался заунывный, как сирена, вой электропилы и матерные реплики, перемежающиеся с пьяным ржанием. Алька поняла, что там работает бригада строителей. Она ходила взад-вперед вдоль зеленого забора, и ее охватывало чувство досады. Как всегда, Ленка оказалась права — в конце марта в воскресенье вечером на даче не бывает народа. С самого начала это было ясно, и не стоило переть в такую даль, жертвовать сумкой, в которой были и документы, и ключи, и деньги, и косметика. Неизвестно еще, что с Ленкиной ногой, — и виновата во всем она, Алька, ее глупое упрямство. Она тоскливо взглянула вверх, туда, где забор завершался острыми кольями. Разве что перемахнуть через ограду и как-нибудь проникнуть на самую дачу? Может, там кроется разгадка того, что происходит? Алька воровато огляделась. Никого. Ну что такого страшного будет, если она и вправду перелезет? Посмотрит немножко и уйдет.

Алька накинула ремень от скрипки крестом, чтобы та не свалилась. Знала бы, что придется сигать по заборам, надела бы джинсы, а не эту юбочку, ну да ладно. У нее богатый опыт проникновения в чужие сады, накопленный еще с детства, когда они всей ватагой воровали зеленые яблоки у злоющей соседской бабки Михайловны. Попадаться было нельзя — Михайловна нещадно крыла крапивой по голым рукам и ногам зазевавшегося грабителя. Алька еще раз прицельно обошла ограду и нашла то, что искала, — небольшой скол в досках. Поставив на него ногу, она нашарила рукой опору, подтянулась и ловко переместилась на другую сторону. Верх забора был острым, ни сесть, ни лечь животом на него Алька не могла, поэтому ей оставалось только повиснуть на нем, держась за занозистые доски. Она скосила глаза вниз и, не увидев под собой ничего подозрительного, разжала руки. Высота оказалась приличной, Алька на ногах не устояла и растянулась на газончике под забором. На ладони алела ссадина, но в остальном обошлось без потерь, даже колготки не лопнули. Она поднялась, с любопытством оглядывая огромный ухоженный двор с пустыми еще клумбами, красиво обнесенными кирпичом. Под высокими фруктовыми деревьями стоял белый пластиковый стол и четыре широких стула, в глубине сада высился законсервированный на зиму небольшой фонтанчик. Дом темнел вдали за деревьями тускло-бордовым кирпичом. Большой, двухэтажный, с мансардой и затейливыми башенками. Нехилые средства вложил Павел Тимофеевич в свою дачку, однако.

Алька не спеша обходила двор, стараясь отыскать следы пребывания здесь неизвестной Инги, но на глаза ей ничего такого не попадалось. Везде царил идеальный порядок, видно было, что дача закрыта на зиму и в новом сезоне здесь никто не успел побывать. Как бы в подтверждение своих слов Алька заметила укрытые на зиму розы. Никто не спешил освободить их из-под слоя толя и елового лапника, хотя уже пришла пора. «Значит, Инга действительно скрывается, раз не приезжает сюда, — подумала Алька. — Ведь наверняка у

нее есть ключ, но она им не воспользовалась».

Она подошла вплотную к дому, на дверях которого тоже красовался замок. Окна были плотно закрыты наличниками, и Алька забеспокоилась, что внутрь ей не пробраться. Она обошла здание сзади, пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь лазейку, но все было напрасно — дача стояла неприступная, как крепость. Алька в задумчивости остановилась. Внезапно она ощутила покалывание в спине — так бывало всегда, когда кто-то тайком смотрел на нее сзади. Она быстро обернулась и вздрогнула: у голой ветвистой груши стоял мужик, сверля ее глазами. Алька могла поклясться, что минуту назад его там не было. Откуда же он взялся, из-под земли вырос, что ли? На вид мужику было сильно за сорок. На коротковатых ногах — полинявшие тренировочные штаны, защитного цвета ватник распахнут, а под ним — такая же засаленная, как и брюки, рубаша, дырявая на животе. Вокруг лысины венчик пегих волос. Лицо мужика не выражало никакой агрессии, было темным от загара и равнодушным. Непомерно огромные для небольшого роста ладони тяжело свисали вдоль тела. На кисти, между большим и указательным пальцем, отчетливо виднелась надпись «Коля».

Алька слегка попятилась. Мужик тут же ожил от своей неподвижности и проговорил негромко и как бы с изумлением:

— Гляди-ка, воровка!

За деревьями что-то зашевелилось, и молодой веселый голос окликнул:

— Эй, Колян, ты там провалился чи шо?

— Хлопцы! — громче крикнул Колян. — Воровка!

— Где?

Голос произносил «г» мягко, по-украински. Шевеление за грушей усилилось, и из-за деревьев вышел рослый, плечистый парень в таком же потрепанном ватнике и высоких сапогах. У него было красивое, загорелое лицо с васильковыми глазами и ястребиным носом.

— Где воровка, дядь Коля, дай побачить.

Он увидел Альку, весело присвистнул, приостановился, махнул рукой назад:

— Петро, ходи до меня. Вона яка гарна девка тут ворует!

Тут только Алька, взглядевшись за спину парню, поняла, что удивительное явление оборванцев происходит из пустой секции в заборе между садом Кретьова и соседним участком. Сейчас оттуда вылезал Петро, угрюмый и мрачный мужичище, голый по пояс и с топором в жилистой руке.

«Бомжи, — подумала Алька со страхом. — Зимуют здесь, пока нет хозяев. Что ему придет в голову, тому, который с топором?»

— Чего по дачам шастаешь? — строго спросил «дядя Коля». — Щас ментам тебя сдадим, ага, хлопцы?

— Жирно будет ментам, — засмеялся Ястребиный нос. — Мы ее сами... перевоспитаем! Правда, красавица? — Парень весело заржал.

«Черт, вот это влипла», — пронеслось у Альки в голове. Она поняла наконец, что это не бомжи, а бригада строителей-хохлов, видимо что-то строящих на соседском участке. В милицию идти Альке совсем не хотелось. Документов у нее нет — рассказывай здешним ментам, как и почему оказалась она на чужой шикарной даче. Но оставаться в лапах подданных мужиков было ничуть не лучше.

— Глянь, гитару уперла, — сипло проскрипел Петро, указывая на Алькину скрипку.

— Темнота! — засмеялся Ястребиный нос. — Яка тебе гитара? Це ж скрипка.

— А я почему знаю, — огрызнулся Петро. — Ну что, пойти в ментовку позвонить?

— Хочешь в милицию? — ласково спросил васильковоглазый, делая шаг навстречу Альке.

— Нет, — сквозь зубы сказала та.

— От и правильно, что не хочешь. Ходи до меня!

Парень раскрыл девушке широкие объятия и стал надвигаться на нее. Алька пятилась и пятилась, пока не уперлась в холодную кирпичную стену дома. Ястребиный нос подошел к ней почти вплотную, лицо у него было добродушным и смеющимся. Он протянул было к Альке руку, и в этот момент она коротко и сильно ударила его ногой в пах.

Парень взвыл, скрючился, физиономия его тут же утратила беспечность и побагровела.

— Ах ты курва, — прохрипел он. — Ну держись! Дядя Коля, а ну подсоби!

Он скинул ватник на землю, оставшись в изорванной, перепачканной тельняшке. Не успела Алька пикнуть, как железные пальцы коротконового Коли схватили ее за плечи. Она попробовала было дернуться, но мужик, несмотря на скромный и невзрачный вид, обладал геркулесовой силой. В его здоровенных ладонях трудно было дышать, не то что шевельнуться.

— Сюда давай. — Ястребиный нос зло сплюнул сквозь зубы и кивнул на ватник.

«И потеплело же на мою голову!» — с тоской подумала Алька.

Мужик рванул ее с места и швырнул на ватник. Тут же сверху навалился Ястребиный нос, дыша Альке в лицо смесью перегара и чеснока, с треском раздернул «молнию» на ее куртке. Алька зажмурилась и попыталась отвернуться, но пальцы парня вцепились ей в подбородок.

— Сюда гляди! Слышь, кому говорят? Гляди, не отвертывайся! — крикнул он.

Сквозь полуопущенные ресницы Алька видела яростное лицо Ястребиного носа, его потемневшие, поплывшие глаза. Она почувствовала, как его руки нетерпеливо дергают застежку на юбке, поняла, что сопротивляться бесполезно, и перестала рваться из рук продолжавшего держать ее Коляна, затихла.

— Шухер, хлопцы!

Голос Петро донесся до Альки, как из тумана. Тот так и продолжал стоять на том же самом месте, сжимая в руках топор.

— Хозяин приехал!

— Блин! — Ястребиный нос на мгновение перестал давить на Альку всей своей тяжестью, обернулся: — Болтаешь?

— Точно приехал. Слышь, колонки бухают в машине? Тарас, мотать надо.

Колян наконец разжал хватку, выпустив затекшие Алькины руки. Ястребиный нос нехотя встал, одергивая одежду. Мужики один за другим скрылись в свою дыру.

Алька, судорожно, без слез, всхлипывая, поднялась с забытого парнем ватника. Хозяин соседнего участка подоспел в самый момент. Из одежды целыми на Альке остались только куртка и водолазка, остальное висело клочьями. Скрипка, аккуратно снятая коротконогим Колей, лежала тут же, рядом с ватником. Алька подняла ее, стряхнула с футляра комья грязи, попыталась застегнуть «молнию» на куртке. Руки не слушались ее, противно и мелко дрожали, было холодно, сильно болело правое плечо, за которое схватил ее мужик.

Кто-то негромко кашлянул. Алька, сидя на корточках, поглядела вверх. Рядом стоял Ястребиный нос, уже с прежним, спокойным лицом. Васильковые глаза смотрели на Альку с некоторым сочувствием.

— Пошел вон, — выдавила Алька. Из-за забора до нее доносилась громкая музыка и не менее громкий бас владельца дачи, распекавшего на чем свет стоит нерадивых работников. Ему вторил сиплый, виноватый голос Петро.

Синеглазый нерешительно нагнулся, потянул к себе ватник. Увидел лохмотья юбки, покачал головой.

— Разозлила ты меня. Я ж не по-плохому хотел, — проговорил он, словно оправдываясь.

— Отвали, — мрачно и с угрозой сказала Алька. — Сейчас все вашему хозяину расскажу, будет тебе не по-плохому.

— Ну ты... зачем это... не надо, — растерялся парень. — Ничего ж не было. Одежку только жалко, я понимаю. Менты бы хуже сделали, если б мы тебя им... Чего воруюсь по чужим дачам?

— Ничего я не ворую! — огрызнулась осмелевшая Алька. — Меня, может, прислали сюда.

— Тю-ю! — засмеялся парень. — Заливай. Кто это тебя прислал?

— Родственники Павла Тимофеевича. Его бывшая жена!

— А сам он чего не приехал?

— Дурак, — презрительно бросила Алька. — Тоже мне блюститель порядка. Убили Павла Тимофеевича, уже почти месяц назад. Не знал?

— Убили? Что ж ты сразу не сказала? Я думал, ты здесь промышляешь, тут много таких.

— Индюк тоже думал! — зло отрезала Алька.

— Так ты зайди в дом, переодень чего там есть, — посоветовал он. — Там небось полно всего, сюда баба ездила, я бачил.

— У меня ключа нет.

— Как же нет, если тебя прислали?

— А так. По дороге сумочку украли.

— От не повезло тебе сегодня!

— Не повезло, — согласилась Алька. Она немного успокоилась, злость на Ястребиного носа начала проходить. В самом деле, зря она его звезданула так сразу — он и озверел.

— Закурить найдешь? — спросила она миролюбиво.

— Найду. Я тебе и ключ принесу. Пал Тимофеич оставлял, коли что. Обожди, я мигом.

Парень исчез и вскоре появился с пачкой сигарет, связкой ключей и поллитровкой.

— Держи, — он протянул Альке ключи и сигарету. — Ну что, за знакомство?

— Да отстань ты, — отмахнулась Алька.

— Давай глотни, нервы успокоятся, — засмеялся парень. — Тебя как звать?

— Аля.

— Меня Тарас. Будем знакомы, значит. Ты мне сразу понравилась. Зря не хочешь выпить. Чтоб не простыть, самое милое дело.

— Отвали, Тарас, — насмешливо сказала Алька. — Мне наше с тобой знакомство во где сидит.

Она поднялась, запахивая плотнее куртку и, позвякивая ключами, направилась к дому.

— Ты из Москвы что ль? — крикнул вслед Тарас.

— Из Москвы.

— В гости приеду! — Он снова весело загоготал и полез на свой участок.

Аля отперла замок и вошла в дом. Захлопнула за собой дверь, повернула ключ. Сразу

снова накатила слабость и даже тошнота. Она присела на первое, что попало на глаза, — маленький резной диванчик, стоявший у входа. Закурила, привалившись головой к высокой мягкой спинке. От стен шел сыроватый, застоявшийся дух давно не топленного жилья, было темно, лишь в щели наличников пробивались слабые солнечные лучи. Алька докурила, слезла с дивана, осторожно, почти крадучись, прошла по нескрипучим половицам в комнату. Нашарила на стене выключатель, щелкнула им — свет не зажигался. До Альки дошло, что в доме на зиму выключены пробки. Она уже смелее вернулась в просторные сени, отыскала счетчик в углу за дверью, врубила его. В комнате мгновенно вспыхнула большая пятирожковая люстра. Алька с любопытством разглядывала красивую, явно на заказ сделанную мебель, шикарные, не у всякого такие в городе есть, обои, зеркально полированное пианино у глухой стены. Да, пожалуй, здесь жить гораздо приятнее, чем в городской квартире, хотя бы и в элитном доме с охраной. Алька словно очутилась в прошлом веке — со стен на нее смотрели темные картины в золоченых рамах, в интерьере был безупречно выдержан один стиль. Альке стало ясно, что это гостиная. Она свернула направо, в другую комнату, чуть поменьше, но тоже просторную, роскошно обставленную. Здесь стоял необъятных размеров овальный стол, массивный, дубовый, по центру покрытый полотняной кружевной скатертью. Вокруг стола высились могучие, тяжелые стулья. По углам поблескивали стеклом два буфета, наполненные всевозможной посудой. Такую обстановку Алька видела лишь в старинных особняках, где ей не раз приходилось играть концерты в бытность еще студенткой консерватории. Но чтоб жить среди всего этого, какие же нужно иметь средства? Хотя, конечно, гонорары за гастрольные выступления у Кретова наверняка отличались раз в десять от гонораров оркестрантов. Наверное, на эти деньги можно такое соорудить да жить-поживать с молодой любовницей.

Алькины ноги в разорванных напрочь колготках стали замерзать, она пошарила глазами в поисках какого-нибудь шкафа и, не обнаружив его, решила подняться на второй этаж. Лестница, витиевато изгибаясь, привела ее к широкой белой двери. Алька повернула хромированную ручку и оказалась снова в нашем времени — в просторной спальне в самом современном духе, с широченной постелью, застланной атласным покрывалом, серией зеркальных шкафов, прикроватными тумбочками. На одной из тумбочек в вазе стояли засохшие, свернувшиеся в комки розы. Ставен на втором этаже не было, за шторами металлически сверкали солнечные жалюзи. Алька направилась к шкафам, по дороге наступив на что-то, валяющееся на полу под ногами, и чуть не упала, удержавшись руками за кровать. Нагнулась, подняла с пола пыльный кусок канифоли. «Это-то здесь откуда?» — удивилась она и распахнула наугад первую дверцу. На плечиках в строгом порядке висели пара мужских костюмов, множество разноцветных сорочек, яркие, как бабочки, галстуки. Алька вспомнила, что на все репетиции Кретов неизменно приходил в одном и том же мышинном пиджаке и мешковатых брюках. Вот Плюшкин, право слово, — полон шифоньер вещей, а он жмотничал, старье донашивал. Интересно, сколько у него в Москве барахла осталось, небось тоже полный шкаф. Рядом в секции оказалось аккуратно сложенное мужское белье, несколько нераспечатанных коробок с туалетной водой, бритва в чехле. Остальные отделения шкафа пустовали. Алька захлопнула его и занялась другим, стенка которого плотно примыкала к первому. Едва она раскрыла створку, как на нее посыпался целый водопад женских вещей: тут было белье — обалденное, изящное, преимущественно черного цвета, вперемешку с майками, топами, юбками всех мастей, длин и фасонов. Шкаф напоминал рог изобилия — Алька рылась и рылась в его недрах, а поток одежды все не

иссякал. Она выбрала себе новые, в упаковке, колготы «Голден леди», юбку взамен разорванной. Юбка оказалась Альке слегка маловата, видимо, у ее хозяйки бедра были уже. Переодевшись, Алька почувствовала себя совсем хорошо и из чисто спортивного интереса продолжила потрошить шкаф. Она уже сделала вывод, что все шмотки, находящиеся в нем, высокого качества, куплены отнюдь не на рынке, а в дорогих бутиках или привезены из Европы. В конце концов полки опустели — Алька более или менее аккуратно переложила вещи в другую секцию. Она так увлеклась этим чисто женским занятием, что даже не подумала о том, как может квалифицироваться ее копанье в чужих шкафах в запертом доме. Когда же такая мысль все же пришла ей в голову, Альке стало не по себе. «Надо линять отсюда, пока не поздно», — подумала она и сгребла остатки выложенных на кровать вещей, чтобы засунуть их на место. Она уже поднесла цветастую грудку к полке, как вдруг замерла. Одна вещь показалась Альке чересчур знакомой. Нет, она просто никак не могла очутиться здесь, эта вещь, настолько Алька хорошо ее знала и много раз видела. Это был воздушный кружевной пеньюарчик нежно-абрикосового цвета, с шелковым воротником и тоненьким витым поясом. Такой же точно пеньюар висел дома у Альки, а покупали их, два совершенно одинаковых, они с Ленкой, на гастролях в Марселе на сезонной распродаже. Сначала обе, и Алька, и Ленка, таскали неожиданно дешево доставшуюся шикарную тряпку с собой на все гастроли. До тех пор пока в саратовской гостинице не попался утюг с неисправным регулятором и Ленка не спалила часть воротничка. Тогда девчонки решили отказаться от форсу, тем более что ни Славка Зубец, ни Алик Копчевский, ни другие ребята из оркестра, с кем иногда подружки развлекались во время поездок, не оценили пеньюары по достоинству. Им больше всего хотелось быстроты и простоты, а изящные французские навороты не трогали веселые и пьяные оркестрантские натуры.

Алька поднесла поближе к глазам розоватую пену кружев — справа на блестящем воротничке отчетливо виднелось прожженное пятно. Она опустилась на кровать. Как же это? Ленка была здесь, у Кретова, это ее, неведомые Альке вещи лежат битком в огромном шкафу. На ее канифоль только что наступила Алька. Незнакомка Инга — всегда в тонированных очках, молодая и таинственная, молчаливая и высокая — неужели это Ленка, ее Ленка, веселая, уютная, надежная и безотказная, которую за год знакомства Алька изучила как свои пять пальцев? Значит, плохо изучила. Черные волосы — это, конечно, парик. Подслеповатая Кретова видит перед собой не дальше чем на два шага. Изящные руки с длинными, как у музыканта, пальцами, — ха, так она и есть музыкант. И юбка, которая сейчас плотно, слишком плотно обхватывает Алькины бедра, будет в самый раз тоненькой, стройной, как тростинка, Ленке.

Вот почему во время разговора с Кретовой она помалкивала, вот отчего крикнула Альке «Осторожно!», перед тем как та шагнула на отсутствующую ступеньку — знала давно про нее, может, сама падала. Получается, Ленка обманула Альку, вернее, рассказала ей не все про свои отношения с Кретовым.

Яснее ясного, что Ленка до последнего времени была его любовницей! Алька вспомнила, какое белое лицо было у нее в тот момент, когда она узнала о смерти дирижера. Точно у покойника — для нее это был удар. Но почему же она скрыла все от Альки, своей лучшей подруги? Отговаривала ее ехать на дачу, намекала, что не в Инге дело.

Алька отыскала в шкафу пакет, сунула туда пеньюар, быстро оглядела спальню, ища еще каких-нибудь Ленкиных следов, ничего не нашла и выбежала из комнаты. Спустилась вниз, застегнула куртку, повесила на плечо скрипку, заперла дверь на замок. Осторожно

просунула голову в отверстие в заборе. На соседнем дворе снова завывала пила, никого из ее недавних обидчиков видно не было. Кому же ей отдать ключи? Хозяину? Опять придется плести историю о том, как ее прислала Вертухова и как она потеряла сумочку.

— Тарас! Эй, Тарас! — вполголоса позвала Алька, высунувшись за ограду. — Ты где там?

Ей никто не отвечал. Алька вздохнула, повесила ключи на гвоздь, торчавший из забора, и с грустью подумала, что сейчас ей придется в третий раз за сегодняшний день рисковать колготками, перелезая через забор обратно на улицу.

— Ага, попалась! — Ястребиный нос появился из дыры, прыгнул навстречу Альке, но не тронул. Встал, прислонившись к забору, оглядел ее. — Ну вот видишь, все путем, — одобрительно проговорил он, кивая на Алькину обновку. — Даже лучше прежней. Долго ты больно наряжалась — никак выбрать не могла, что ль? — Он захохотал, слегка сдерживая голос, и обернулся назад, на участок, вероятно опасаясь хозяина.

— Ключи вон висят, — указала Алька на гвоздь. — А мне идти нужно. У тебя от калитки нет ключей?

— Нет. А ты сюда-то как забралась?

— «Как», «как»! Через забор!

— Ну и обратно так же полезай, — укатывался парень.

Алька молча развернулась и зашагала к ограде. Сзади затопал Ястребиный нос, догнал, ухватил за руку:

— Да погоди, не серчай! Выведу я тебя, пойдем. Не бойся, не трону. Никто и не заметит. Чего ты, пошутить нельзя?

— Шутник, — презрительно хмыкнула Алька, но все же пошла следом за парнем. Тот провел ее краем участка, еще более огромного, чем кретовский, до самой калитки.

— Беги давай. — Он вышел за забор вместе с Алькой, прикрыл калитку и, понизив голос, зашептал: — А то, хошь, оставайся! У меня в бытовке тепло, обогреватель есть, мужики уйдут. Колян, тот из деревни, у него есть где ночевать, а Петро в сарае ляжет. Оставайся, а? Чего на ночь глядя?

— Как-нибудь потом, — засмеялась Алька. — Будь здоров, Тарас.

— Я ждать буду. — Он подмигнул Альке и скрылся за оградой.

Ленка сидела на диване, откинувшись на спинку, вытянув туго перебинтованную ногу перед собой. Лицо у нее было растерянным и виноватым. Мимо нее по комнатке взад-вперед ходила, как тигр в клетке, мрачная Алька.

— Ты совсем дура, да? Ты мне что, сказать не могла? Смотрит, как я надрываюсь, ищу-свищу эту Ингу, ходит со мной и молчит! Да как ты могла?!

Алька на секунду остановилась и тут же продолжила свой марш от стены до окошка и обратно.

— Я тебя убить готова! Стала бы я ездить на эту дачу! Вруша несчастная!

— погоди. — Ленка попыталась поймать Альку за руку, но та яростно вырвалась и отскочила. Глаза ее совсем почернели и метали молнии.

— Знаешь, что со мной могло из-за тебя быть? Я и так еле ноги унесла, а если бы меня в ментовку сдали? Тогда что?

— Но, Аль, я ж не думала, что ты полезешь на запертый участок, — робко вставила Лена.

— Не думала! А что я должна была делать, если вокруг ни души, кроме этих придурков строителей? Потратить столько времени — и обратно ехать ни с чем?

Алька наконец выпустила пар и села. Ее начал разбирать нервный смех. Нечего сказать, сыщица — искала, искала и нашла. Правда, не совсем то, что ожидала.

— И давно возобновились ваши отношения? — спросила она.

— Давно. — Ленка тяжело вздохнула. — Когда Кретов ушел от нас с мамой, мы ничего о нем не знали. Долго, много лет. Он ведь прожил с нами год всего. Ни общих знакомых, никого, кто бы связывал нас с ним. Я училась — сначала в училище, потом в Гнесинской академии. На последнем курсе пришла играть конкурс в Московский муниципальный, даже не зная фамилии дирижера. Зашла в зал и увидела его.

— Он тебя узнал? — поинтересовалась Алька.

— Сначала не узнал. Или сделал вид, что не узнал. Потом... Как-то после репетиции он попросил меня остаться. Сказал, что хочет попробовать дать мне сольную партию в одном из концертов Вивальди. Все уши. Мы были с ним вдвоем в пустом зале. Он действительно поставил передо мной ноты. Партия была несложная, я сыграла ее без труда. Он пришел в восторг, не скупился на комплименты и говорил, что гордится мною. Что было дальше, ты, наверное, понимаешь... — Ленка усмехнулась, быстрым движением поправила волосы. — Мы поехали прямо к нему домой. Я была на седьмом небе от счастья. Мне казалось, что, с тех пор как он ушел, я только и ждала этого момента. Даже не знаю, как прожила без него все эти годы...

Ленка поглядела на Альку подозрительно блестящими глазами. Всегда бледное лицо ее порозовело.

— Все стало так же, как и в юности. Я ничего не могла против него, понимаешь, ничего! Да где тебе! — Ленка поспешно смахнула с глаз слезы. — Ты привыкла напирать, как бык, послушание не твоя стихия. А я не могла! Он врал мне, обещал, что женится, что мы уедем вдвоем, клял себя за то, что исковеркал мою юность. Я верила, как полная дура. Мне ничего не нужно было, ни его извинений, ни женитьбы, ни поездок в райские страны. Только быть рядом с ним. Что-то такое в нем чувствовалось, не могу тебе объяснить. Что-то

необыкновенно властное, заставляющее полностью подчиниться. И делающее счастливой.

Ленка опустила руки, выпрямилась на диване и вся вытянулась в струнку, будто готовясь улететь вверх.

— Он не относился ко мне серьезно. Я, как и мать в свое время, была для него лишь забавной игрушкой, в которую иногда можно поиграть. Думаешь, я весь этот маскарад затеяла — с париками, очками, одеждой? Ничуть. Все он. Упаси бог, кто-нибудь в оркестре узнает, что я с ним. Шмотки, правда, покупал и деньги давал, денег у него куры не клевали.

— Это я уже поняла, — задумчиво кивнула Алька.

— Я и про переложения его первый раз от Вертуховой услышала, честное слово. Так что ты ничего не потеряла, свидетель из меня никакой.

— Могла хоть сказать, чтоб я не искала эту бабу! — Несмотря на жалость к подруге, Алька почувствовала, как в ней снова закипает гнев.

— Это я-то не говорила? Ты что-нибудь вообще слышишь? Я и сейчас тебя прошу: оставь это дело. Я правда боюсь. Они ведь не станут разбираться, знала я о Пашином архиве или нет. Когда выяснят, будет уже поздно. Слава богу, что никто про меня не знает, пусть себе ищут Ингу, только меня не трогают. Если честно, мы все под топором ходим: и я, и Вертухова, и блаженная Софья Тимофеевна. Все.

Ленка говорила негромко, серьезно, и Алька ощутила, как по спине ползет холодок.

— Никто не знает, — постаралась успокоить она Ленку. — Тебя не станут искать. Может быть, они вообще уже нашли то, что им было нужно, и больше ничего не будет.

— Может быть, — согласилась Ленка. — Но лучше не суетиться, не злить.

— Тебе больше записок не присылали?

— Нет. Но мы же ничего и не делали. До сегодняшнего дня.

— Верно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Алька замолчала, погрузившись в свои думы. Единственная ниточка, за которую можно было бы уцепиться, оборвана. Она сама виновата. Почему она решила, что смерть Кретова обязательно связана с его молодой любовницей? Потому что больше никаких версий не было. И что теперь? Теперь по крайней мере она знает, из-за чего убили Кретова — из-за его работ. Ленке, как предполагаемой свидетельнице, действительно грозит опасность. Валерка так и будет сидеть в тюрьме, а сама Алька уже сегодня вечером или завтра может получить очередную записку с угрозой. Очень милая картинка.

— Может, он гений был, твой Кретов? — угрюмо проговорила она. — Создал нечто, а мы просто не в силах это оценить? А кто-то умный это просек, убрал Крета и теперь воспользуется его творчеством?

— Может, все и так, — устало сказала Ленка, пошевелила ногой и поморщилась. — Да только следов наемного убийцы нам никогда не найти, понимаешь?

— Понимаю, — упавшим голосом произнесла Алька. — Что с ногой-то оказалось?

— Растяжение. В травмопункте больничный дали. Завтра одна будешь отдуваться и послезавтра.

— Ничего себе!

У самой Альки после железной хватки «дяди Коли» ныли плечи и руки. Она вспомнила Тараса с ястребиным носом и невольно усмехнулась — как еще повезло, что вернулся владелец соседней дачи.

— Оставайся у меня, — предложила Ленка. — Уже двенадцать. И скрипка у тебя с

собой. А юбку я тебе другую дам, она тебе будет как раз.

Алька почувствовала, как от Ленкиных слов ее сразу потянуло в сон. В самом деле, пусть завершится этот нескончаемый, ужасный день, за который с ней столько всего приключилось.

— О'кей. — Она согласно кивнула и побрела в маленькую Ленкину ванную. Закрылась на задвижку, включила кран, села на край ванны, все еще не в состоянии уложить в голове сегодняшние события. Она была потрясена Ленкиным враньем и не менее потрясена Ленкиным рассказом о ее любви к Кретову. В душе у Альки нарастало отвращение к дирижеру. Старый хрыч! Хоть о покойниках плохо не говорят, но ведь совесть надо иметь! Совратить подростка, почти ребенка! Мало того, и спустя годы не оставить ее в покое, терзать человеку душу, быть к нему равнодушным и пользоваться как дешевой, легкодоступной вещью! Бедная Ленка! Вот откуда эта ее всегдашняя грусть в глазах, из-за которой даже самая теплая Ленкина улыбка кажется немного печальной! Удивительно, сколько женщин сохло по этому мерзавцу! Что они в нем нашли — Вертухова, Ленка, тетя Шура? Ведь Ленка говорила, что ее мать тоже была влюблена в Кретова. Нет, ей, Альке этого не понять. Она бы на Ленкином месте, наверное, ненавидела Кретова, всей душой ненавидела.

Алька внезапно ощутила холодок под ложечкой. Вода из крана все текла, с шумом ударяясь о потрескавшееся дно ванны. В висках тоже противно зашумело, руки стали мокрыми. Может ли так быть, что Ленка и теперь, во второй раз, рассказала ей не все? Утаила какую-то малую, но очень значительную часть? Вдруг настоящая причина того, что она все время обманывала Альку, вовсе не в том, что ей тяжело обсуждать с кем бы то ни было свою несчастную любовь? Вдруг она, эта причина, в другом? Может ли Ленка ненавидеть Кретова? А если да, то... Господи, что она несет?! Как ей в голову такое могло прийти?! Но... если это все-таки Ленка, то... значит, это ее бесшумные шаги слышала Алька у кретовского номера?

Алька сердито мотнула головой и выключила воду. Этак можно до чего угодно досочиняться! С чего Ленке опять говорить неправду? Может, она действительно так сильно любила Кретова и все ему простила?

Хватит об этом! Алька начала стягивать с себя одежду и вдруг почувствовала, как к горлу подступают слезы. Она сделала глубокий вдох, пробуя сдержать их, но уже защемило в глазах, противно захлюпало в носу.

Остановиться Алька долго не могла, хоть предпринимала разные, ранее испытанные и хорошо помогавшие меры и даже пыталась показать сама себе в зеркале язык. Ленка деликатно не стучалась, терпеливо дожидаясь, пока Алька успокоится. А может, ее просто сбил с толку шум льющейся воды, которую Алька с остервенением снова включила на полную мощность.

С утра Альке полегчало. То ли на нее подействовал яркий солнечный день, то ли вчера ночью она выплакала все имеющиеся в наличии слезы, но по дороге на работу настроение у нее резко поднялось. Она еще не знала, что предпримет дальше, но почему-то была уверена, что правильное решение придет само собой. Надо только перестать кукситься и все хорошенько обмозговать.

После вчерашнего концерта Горгадзе не очень свирепствовал и отпустил оркестр немного раньше срока. Алька вышла на улицу, с наслаждением потянулась, так что расправились все косточки, утомленные долгой игрой, и пошла к метро. По дороге она заглянула в газетно-книжный киоск, намереваясь купить себе что-нибудь почитать дорогой. Она взяла «Лизу» и сборник кроссвордов, за которыми поездка в метро проходила совершенно незаметно. Внезапно ее внимание привлекла маленькая игрушечная пожарная машинка, стоявшая в уголке витрины среди всяких сопутствующих товаров: брелков, заколок, резинок, куколок. Алька подумала, выгащала из одолженных ей Ленкой сегодня утром денег двадцатку и приобрела машинку. Положила ее в полиэтиленовый пакет и тут увидела Чегодаева. Тот стоял в пяти шагах от Альки, наблюдая за ее действиями.

— Ты чего? — смутилась Алька, подходя к нему.

— Я ничего. Просто смотрю на тебя. Куда умотала после репетиции? Я и оглянуться не успел, ее уже нет. А вчера весь день где была? Раз пять звонил, ни ответа ни привета.

— По делам ездила, — коротко ответила Алька.

— Пошли. — Васька повел ее ко входу в метро. — Я без колес сегодня. В сервис отогнал, пусть посмотрят, что там с двигателем.

— Вась, я, пожалуй, пойду домой. — Алька нерешительно попыталась освободить руку.

— Чего это? — удивился Васька. — Концерт вроде прошел, претензий к тебе никто не предъявлял. Или заниматься понравилось?

— Просто хочу побыть дома. Пусти.

— А дома что будешь делать? В машинку играть? — Васька выпустил Алькину ладонь и смотрел на нее в упор.

— Отцепись. Стирать буду, убираться. Я неделю туда только ночевать прихожу.

— Когда это ты стала такой хозяйственной? — усмехнулся Васька, но отстал.

Они вместе доехали до «Театральной» и разошлись каждый на свою ветку. От разговора с Чегодаевым у Альки остался неприятный осадок. Дернуло же его подглядывать за ней. Еще, чего доброго, догадается, кому она купила игрушку.

Хотя нет, конечно, вряд ли, откуда ему знать? Он небось про Рыбакова и думать забыл — сидит тот, и ладно. А вот Альку он достал за последнее время, никуда от него не скроешься.

Взять бы да спросить у Васьки, что заставило его исписать страницы записной книжки фамилиями Саврасенкова и Омелевского! Но как спросишь? Тогда надо признаться, что рылась у него в записях. Этого он ей не простит, никогда не простит.

Впрочем, теперь Алька была почти убеждена, что никакой связи между Кретовым и ушедшими из оркестра ребятами не существует. Павла Тимофеевича убили из-за партитур, это ясно. А Васька мог несколько раз написать фамилии машинально, просто потому что обдумывал кандидатуры Петьки и Ивана для какой-нибудь очередной халтуры. Или, что еще

вероятней, собирался лишить их премии за какое-нибудь нарушение.

С этими мыслями Алька вошла к себе в квартиру, где не была со вчерашнего утра. Предварительно она внимательно обследовала дверь, но никаких писем не обнаружила. Это Альку очень обрадовало, и она, уйдя в свою комнату, принялась вести подсчеты своим вчерашним потерям. Во-первых, сумочка. Действительно жаль, Алька приобрела ее в Финляндии, во время самых первых своих гастролей. Теперь, чтобы купить что-нибудь подобное, придется выкинуть тысячи две, не меньше. Дальше — то, что было в сумке: кошелек, косметика на довольно приличную сумму. Паспорт, слава богу, Алька случайно выложила накануне, а ключи по дурацкой привычке носила в кармане. Ну еще филармоническое удостоверение, проездной, пачка сигарет, лекарства на всякий пожарный, комплект запасных струн, которые она в субботу купила у Алика Копчевского и не успела переложить в футляр. В общем, не так и мало, учитывая, что в кошельке лежало около пятисот рублей. Попадись ей эти пацаны, она бы им уши поотрывала. Алька достала свои сбережения, отделила часть для восполнения утрат и собралась идти на кухню варить кофе. В это время зазвонил телефон.

«Ленка», — подумала Алька, снова на мгновение почувствовала злость и обиду, но справилась с собой. Она подняла трубку.

— Бажнина Алина Николаевна? — Далекий мужской голос был совершенно ей незнаком.

— Да, — подтвердила Алька, напрягая слух, потому что тут же в трубке что-то зашипело, зачавкало, и ей показалось, связь оборвалась.

— Вы писали заявление на разрешение зарегистрировать брак с подследственным Рыбаковым? — Она скорее не услышала, а разгадала обращенный к ней вопрос.

— Да. — Алька изо всей силы тряхнула трубку. — Только я вас очень плохо слышу.

— Завтра вам предоставляется свидание длительностью полчаса. В шестнадцать часов. При себе иметь паспорт. — В трубке тут же загудел отбой.

Приехали. Значит, Валерка не отказался от свидания и ничего не сказал по поводу того, что никакая она ему не невеста. Хотя в этом ей повезло. Жаль только, что порадовать его будет нечем. Конопатый убедил Альку, что свидание скоро не дадут, даже если речь идет о заключении брака, и она надеялась, что к тому моменту ей что-нибудь удастся разузнать. Но по крайней мере она сможет сказать Валере, что верит в его невиновность. Она ведь этого и хотела, сочиняя вранье о предстоящей свадьбе.

«Все же вытащила я тебя на свидание, — мысленно обратилась Аля к Валерке и прибавила с горечью: — Надо было для этого в СИЗО попасть!»

Она прикинула: к четверем репетиция может не закончиться, стало быть, придется снова отпрашиваться у Сухаревской. Но та должна ее отпустить: концерты Алька ей отыграла, вторая неделя идет без выходных. Она же не негр им все-таки!

— Да, Евгений Михайлович, я поняла. — Ленка кивнула в трубку: — Хорошо. Я все поняла. Это будет последний шанс. — Она на минутку прикрыла глаза.

Славка сидел на диване и внимательно наблюдал за Ленкой, терпеливо ведущей телефонные переговоры. Голос ее оставался ровным и вежливым, и только возле губ резче обозначились две складки, которые обычно были едва заметны.

— Хорошо, — повторила Ленка. — Да. В больницу. Я позвоню через пару дней. До свиданья, спасибо вам.

Она повесила трубку и бессильно уронила руки на колени.

— Ошибки быть не может? — неуверенно произнес Славка, понимая, что говорит глупость.

Ленка медленно покачала головой.

— Что вообще он сказал?

— Что никогда ничего нельзя знать наверняка. Что в больнице сделают курс инъекций, и это ее последний шанс.

— Вот видишь! — Славка поднялся с дивана, подошел к Ленке, обнял ее за плечи. — Может, станет лучше. И нечего сопли распускать. Нашу соседку с таким же диагнозом, как у твоей матери, прекрасно вылечили. Сейчас жива-здорова и не кашляет.

— И ведь удивительно, — негромко и как бы себе самой проговорила Ленка, — она себя неплохо чувствует. Ее периодически отпускают домой из больницы, так она здесь и готовит, и в магазин сама ходит. Я ее остановить не могу!

— Тем более. — Славка напряг весь свой интеллект, но больше слов, чтобы утешить Ленку, не находилось.

Она встала, аккуратно освободилась от Славкиных рук, неловко прихрамывая, подошла к бару. Достала оттуда начатую бутылку коньяка, а из горки рядом — две стопки, отнесла все это на журнальный столик у дивана.

— Слав, давай выпьем. Наливай.

Зубец разлил по рюмкам коричневую жидкость, плюхнулся на диван, притянул к себе Ленку. Она послушно уселась рядом, опустила голову ему на плечо. Они выпили по рюмке и долго сидели молча. Славка тихонько гладил Ленкины длинные, мягкие волосы.

— А хочешь, на Майские рванем в Крым? Отпросимся у Горгадзе и слетаем. Дней на пять. — Самому Славке идея показалась интересной и вполне выполнимой. — Давай? Наверняка к праздникам выходные приплюсуются. Если мама будет хорошо себя чувствовать. А?

— Какой Крым? — вяло возразила Ленка. — Кто тебя отпустит?

— Но если отпустят, поедем?

— Ты серьезно? — Она приподняла голову и глядела на Славку слегка прищурившись.

И снова, как и всякий раз, когда она вот так смотрела, Зубцу показалось, что Ленка старше его на добрый десяток лет, хотя на самом деле она была на три года моложе.

Сестра все уши ему прожужжала: женись да женись. Может, и верно стоило жениться? Да только всякий раз, когда Славка думал об этом, представлял себе этот Ленкин взгляд. Кто ее знает, что у нее на душе в самом деле? Расспрашивать он не мастак, а Ленка не из разговорчивых. Улыбается, шутит, а сама, видно, где-то далеко, там, где нет никакого

Славки и в помине. Иногда, редко правда, находит на нее: так поцелует, прижмется — у него аж дух захватит. Хочется сказать что-то, а слов нет. Что поделаться, такой уж он с детства косноязычный.

— Не хочешь в Крым, не надо, — проворчал обиженный Славка. — Скажи тогда сама, чего тебе хочется.

— Выпить еще. — Ленка потянулась к бутылке. — Знаешь, я иногда думаю, — она помолчала, устремив глаза в потолок, и совсем тихо продолжила, — о нас двоих.

— Я тоже думаю.

Он словно по случайности нажал какую-то ненужную кнопку. Ленка вдруг резко, коротко рассмеялась, налила себе и выпила залпом.

— То, что ты думаешь, меня не интересует.

Вот опять. Играет с ним как кошка с мышью, дразнит. А зачем дразнит, для чего?

— Прости, не сердись. — Ленка снова положила голову на Славкино плечо. — Если бы не ты, с кем бы я сейчас здесь сидела?

Сначала поманит, потом оттолкнет, а после извиняется. Надоело. Взять хотя бы ту же Альку — с ней все просто и ясно. На язык только больно бойкая, но зато изъясняется всегда с предельной четкостью: да, нет, пошел к черту. А с Ленкой одни проблемы, никогда не знаешь, что от нее ждать в следующий момент.

— Сидела бы со своей Бажниной, — огрызнулся Славка.

— С Бажниной я еще успею посидеть, — усмехнулась Ленка. — Хватит дуться. Давай я лучше тебя накормлю, ты ж голодный ходишь с репетиции.

— Да перестань, — удержал ее за руку Славка. — Будешь еще хлопотать тут со своей ногой. Дома поем.

— Еду, друг мой, руками разогревают, — неожиданно ехидно возразила Ленка, — не ногой. Кончай ломаться, я люблю тебя кормить, мне это доставляет удовольствие.

Зубец нехотя разжал руку, и Ленка, ошутимо прихрамывая, заковыляла на кухню. Вскоре оттуда послышался приглушенный звон посуды. От двух полных рюмок коньяка Славку слегка разморило. Он сидел на диване, вольготно откинувшись на спинку, слушал уютные, домашние звуки, доносившиеся с кухни, и гадал, стоит ли ему сегодня остаться у Ленки или, пообедав, пойти домой. Пожалуй, лучше удалиться — у нее сегодня не самый лучший день, она подавлена, потрясена свалившимся на нее известием. Наверное, ей нужно побыть одной. Или остаться? Попытаться помочь, разделить ее беду?

Пока он, по своему обыкновению, сомневался и раздумывал, послышался Ленкин голос: — Иди, готово.

Так и не решив ничего окончательно, Славка покинул насиженный диван и приплелся в кухню. На плите кипел суп в небольшой блестящей кастрюльке. Ленка сидела рядом на табуретке, выставив чуть вперед больную ногу, и задумчиво помешивала в сковородке гуляш с макаронами.

— Тарелку доставай, — распорядилась она.

Он вынул из навесной полочки две глубокие тарелки, выставил их на стол, но Ленка замахала руками:

— Нет, я не буду.

— Тогда и я не буду, — запротестовал Славка. — Мне одному скучно.

— Ты ж с работы, — обезоруживающе улыбнулась Ленка, — а я целый день дома просидела, нахваталась всякой всячины. Да и вообще, мне сейчас кусок в горло не полезет. А

ты давай, не стесняйся. — Она зачерпнула полный половник ароматной, дымящейся жидкости и налила в Славкину тарелку. Потом села за стол напротив него, подперев ладонью щеку.

«А ведь я люблю ее, — подумал Славка, рассеянно орудуя ложкой. — И она меня любит. Наверное, любит, раз держит возле себя, кормит, смотрит вот так, как сейчас». Идиллия, одно слово. Сколько людей именно так и живут и считают, что жизнь удалась — вместе спят, вместе едят, растят детей. Почему они с Ленкой не могут так? Что им мешает?

Он незаметно бросил на нее взгляд. В какой-то момент ему показалось — нет, он был просто уверен в том, что она чего-то ждет от него. Зеленовато-серые, чуть прищуренные глаза смотрели на Славку без обычной добродушной насмешки, серьезно и даже напряженно. Он уже открыл было рот, чтобы произнести наконец вечно ускользающие от него, но такие нужные слова, но в это время звякнул дверной звонок.

— Это, наверное, мама. Отпустили до вечернего обхода. — Ленка встрепенулась, сморгнула и, поднявшись, тяжело двинулась в прихожую.

Зубец почувствовал, что подходящий момент потерян. В следующее мгновение он уже не был уверен в необходимости что-либо говорить или предпринимать. Из коридора до него доносились тихие, едва различимые голоса. Он невольно попытался вслушаться в разговор, но вдруг понял, что вслушиваться ему не надо, раз говорят так тихо. Славка с досадой воткнул вилку в мягкое, нарезанное тонкими кусочками мясо. Тихо скрипнула дверь комнаты, послышались медленные, неровные шаги, и Ленка вновь заглянула в кухню.

— Компоту налить? Вишневого? — Выражение ее лица стало вновь привычным, в уголках рта пряталась легкая усмешка. Славка окончательно успокоился: незачем лезть в чужую душу и выяснять отношения. Пусть все остается как есть — и так им неплохо, от добра добра не ищут.

Он согласно кивнул, выпил холодного кисловатого компота и встал из-за стола.

— Наелся? Иди тогда. — Ленка собрала тарелки, составила их в мойку. — Иди. Мне нужно с мамой поговорить. Я завтра позвоню.

Уже в коридоре, натягивая куртку, он внезапно подумал: «А жаль, что она не хочет в Крым. Увезти бы ее на недельку отсюда, оторвать от повседневного быта, оркестра, их общей компании, мамы — может быть, удалось бы стряхнуть с нее это насмешливое равнодушие, докопаться до сути, выяснить, чего она хочет от него, откуда этот недавний напряженный, встревоженный взгляд».

— Пока, — сказал он и поцеловал ее в щеку. — Не раскисай. Все образуется.

— Пока. — Ленка помахала кончиками пальцев и прикрыла дверь.

Алька зря распаяла себя по отношению к Сухаревской. Едва она заикнулась с просьбой отпустить ее пораньше, как Ирка, весело улыбаясь, откликнулась:

— Да о чем речь? Иди, конечно. Ты вообще могла бы сегодня не приходить, в счет концертов.

«Что ж ты мне это вчера не сказала?» — зло подумала Алька, окидывая Сухаревскую пристальным взглядом. Что-то в ней изменилось, это факт. Прическу, что ли, новую сделала? И смотрит по-другому, не исподлобья, а прямо, доброжелательно. Алька вспомнила вдруг, что после субботнего концерта Ирка уехала в машине Глотова. Тогда она решила, что он просто подвозит концертмейстера. Но, похоже все гораздо интереснее.

На подходе к Матросской Тишине к Альке привязалась какая-то тетка, шедшая в находящуюся по соседству Русаковскую больницу, где у нее лежал ребенок. В обеих руках у тетки было по огромному пакету, лицо от ходьбы побагровело, и всю дорогу она не закрывала рта, сетуя на больничные порядки. Альке с трудом удалось от нее избавиться. Из-за тетки она не успела сосредоточиться и сидела теперь в комнате для свиданий, ожидая, когда приведут Рыбакова, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. Главное — встретиться, как-то начать, а там — Бог поможет.

За дверью послышались шаги, Алька вздрогнула и выпрямилась на стуле.

— Привет, невеста!

Валерка подождал, пока конвойный выйдет, и сел напротив Альки.

— Здравствуй.

Он нисколько не изменился с того момента, как она видела его в последний раз — в администраторском кабинете владимирской гостиницы. Такое же непроницаемое, холодное лицо, на котором никак не проявлялись беспокойство или паника, слегка прищуренные глаза. Разве что немного осунулся, но это если очень приглядеться.

— Ты не удивляйся, что я так им сказала. — Алька поглядела вслед удалившемуся стражу и на всякий случай понизила голос: — Иначе нам было не увидеться. Свидания дают только близким родственникам.

— Это я знаю. А что, очень нужно было увидеться?

Альку больно резанул сухой и отстраненный Валеркин тон. А, собственно, на что другое она надеялась, когда шла сюда? Он здесь, в следственном изоляторе, по ее милости, и не стоит забывать об этом.

— Я хотела тебе сказать — я знаю, что ты не делал этого... ну я имею в виду Кретова. Его убил не ты.

Она совсем растерялась под его пристальным взглядом и замолчала.

— Не я, — спокойно согласился Валерка. — Ты это им скажи. — Он мотнул головой в сторону двери.

— Я пробовала, — жалобно проговорила Алька. — Они меня не слушают.

— Вот и меня тоже не слушают.

В его голосе Алька уловила усталость и безнадежность и тут же почувствовала комок в горле.

— Послушай, — как можно бодрее и увереннее начала она, — мне удалось кое-что разузнать про Кретова. Похоже, что его убили не случайно — кто-то давно за ним охотился,

вернее, за тем, над чем он работал.

— Откуда ты это взяла?

— Я встречалась с его бывшей женой и сестрой, говорила с ними. Недавно квартиру жены ограбили, вывезли только кретовский архив, а остальное не тронули. И сам Кретов все время чего-то боялся, прятался на даче и...

— Не понял, — резко перебил Валерка. — Я тебя об этом просил? Встречаться, предположения какие-то строить? Просил?

Алька струсила, но как ни в чем не бывало невинно захлопала глазами:

— Я думала, тебе это нужно. Ты же ведь не мог попросить, даже если б захотел.

Валерка мрачно усмехнулся, покачал головой.

— Что еще ты там напридумывала? Давай уж выкладывай начистоту!

— Ничего. На дачу к Крету съездила... позавчера. А дальше... что-нибудь... — Алька говорила все тише и тише и закончила совсем шепотом. Она никогда не видела на лице у Валерки такой злости, даже ярости. Обычно когда он сердился, то бывал убийственно холоден и язвителен. Но не сейчас.

— Так. Теперь послушай меня. — Он с трудом сдерживался, глаза его смотрели в стену мимо Альки. — Ты сейчас же уберешься отсюда, к чертовой бабушке. И никакого больше вранья насчет свадьбы, слышишь? Теперь второе, и главное, — все свои поиски и встречи прекратить! Идиотка, ты даже не соображаешь, во что лезешь!

— Но ведь тебя осудят, — умоляюще пролепетала Алька.

— Ты совсем чумовая, Бажнина? — заорал Валерка. — Думаешь, если ты там трепыхаться будешь, тогда, что ль, меня не осудят?

Дверь приоткрылась, в комнату просунулся конвойный, удивленно поглядел на Альку и Рыбакова, уставившихся в пол, и скрылся.

Повисла тягостная тишина. Алька осторожно подняла глаза. Валерка так и сидел — опустив голову, сжав руки в кулаки.

Внезапно Алька поняла: то, что она принимает в нем за злость, на самом деле не злость, а последняя степень отчаяния. Он просто не верит, что можно что-то изменить, и... боится. За нее боится, за Альку. Чтобы те, кто убил Кретова, не расправились с ней, если она приблизится к разгадке преступления. Оттого и этот холодный, резкий тон. Хорошо еще, что он ничего не знает о записке с угрозой! У Альки защипало глаза.

Этого еще не хватало! Что может быть глупее — устроить весь этот цирк с регистрацией, прорваться-таки сюда и беспомощно хлюпать носом. Алька сердито отвернулась к стенке.

— Перестань, не позорься. — Валерка смягчился, но голос его все равно был суровый. — Сейчас сюда снова мент заглянет, так что кончай.

— Черт меня дернул притащиться тогда, — прошептала Алька, вытирая глаза. — Не пришла бы, и ничего бы не случилось.

— А, ты об этом? — Он уже совсем успокоился. — Да брось, не бери в голову. Я же не из-за тебя к Крету пошел, я бы и сам...

Они молча сидели друг против друга, не зная, что сказать.

— Я сына твоего видела, — наконец произнесла Алька. — Он у тебя классный!

— Ты, я вижу, много чего за это время успела, — улыбнулся Валерка. — Спасибо.

Алька почти физически чувствовала, как пролетают минута за минутой отведенного им времени. Как хорошо они могли бы сейчас разговаривать. Сейчас, когда они впервые

смотрят друг другу в глаза, без страха, без насмешки, с доверием и дружелюбно. Как здорово, когда ты так смотришь и когда на тебя так смотрят.

— Как там... в оркестре? — нерешительно спросил Валерка. — Приехал Горгадзе?

— Приехал. Замучил нас струнными групповыми. А духовики гуляют.

— При Кретове все наоборот было.

— Да...

— Не отменили гастроли в Испанию?

— Нет. Поедем в июне.

— В июне там жара будь здоров.

— Ты был там?

— Был. Года два назад... Послушай... — Валерка отвел взгляд. — А все... так и думают... ну про меня и Кретова?

— Нет! — поспешно соврала Алька, так поспешно, что Валерка все понял.

— Ясно, — совсем тихо сказал он. — Что еще нового?

— Да ничего...

Снова наступило неловкое молчание. Алька лихорадочно думала, о чем бы еще поговорить, чтобы хоть немного ободрить Валерку. До конца свидания оставалось еще десять минут.

— Ладно, Аля. — Валерка встал. — Всё. Иди. Винить себя не надо, а следствие свое прекращай. Иначе это плохо для тебя кончится.

— А для тебя? — прошептала Алька. — Для тебя-то как все кончится?

— Проехали. — Лицо Рыбакова снова стало отчужденным и насмешливым. Он двинулся к двери, не дожидаясь, пока войдет конвойный, на пороге обернулся к Альке: — Прощай, невеста.

Дверь захлопнулась.

Алька вышла на улицу и медленно побрела куда-то наугад, в сторону, совершенно противоположную дому. В голове было пусто, все эмоции будто исчезли. Наступило странное равнодушие. Словно каким-то образом ей передалось Валеркино холодное безразличие ко всему. Бездна надежды. Еще два часа назад ей казалось, что она обязательно что-нибудь придумает, что решение свалится ей на голову само собой. А сейчас Аля с неумолимой ясностью понимала, что надеяться не на что. Она ничего не сможет. Нет ни улик, ни следов, ни доказательств. Это все равно что гоняться за тенью. Несомненно, что хотели симитировать самоубийство — все было сделано виртуозно, с блеском, комар носа не подточит. А Валерка... он просто случайно встрял в мастерски проигранную кем-то ситуацию и идеально туда вписался. Идеально для тех, кто устроил гибель дирижера. И трагически для себя.

Были бы деньги, много денег, можно было бы нанять частного сыщика с целым арсеналом подручных средств, с агентами и скрытыми камерами. Но у Альки нет таких денег. И вообще никаких денег нет, а есть только долги за комнату. А у Рыбаковых того, что есть, хватило лишь на хорошего адвоката. Адвокат может смягчить наказание, но он не станет доказывать невиновность человека, чья вина налицо. Стало быть, придется смириться. Перетерпеть. Мало ли неприятных моментов в жизни она пережила? За те годы, что она стала взрослой, уехала из дома, у Альки выработалось твердое правило: не терзаться из-за невозможного, принимать любые неудачи и поражения спокойно, что бы ни случилось, оставаться веселой, а отношения с мужчинами не принимать близко к сердцу.

Так она всегда и поступала и была собой очень довольна. Но сейчас все получалось иначе. День казался черным, как ночь, совершенно беспросветным, и не было никаких сил бороться с этой навалившейся темнотой. Что такое с ней? Она сама не могла понять, почему все последнее время мысли ее упорно возвращаются к одному и тому же — к Валерке, к его матери, к Денису. Кто они ей, черт возьми, что из-за них она разучилась спокойно жить, получать удовольствие от любимой работы, от романов, от веселых гулянок?!

Алька заметила, что на нее оглядываются прохожие, остановилась, вынула зеркальце и увидела опухшее лицо с черными кругами туши вокруг глаз. Хороша, ничего не скажешь. Она достала платок и аккуратно вытерла разводы. Улыбнулась своему отражению. Улыбка вышла жалкой и дрожащей, но все-таки Алька слегка приободрилась. Она постояла еще немного, машинально рассматривая проходивших мимо людей, потом повернулась и пошла к остановке трамвая.

Она ехала к Ленке. За два прошедших дня Алька так и не позвонила ей, не узнала, как поживает ее нога. Как ни уговаривала себя Алька отнестись с пониманием к Ленкиному вранью, которым она уже дважды ее угостила, как ни сочувствовала искренне подруге, все же за эти дни между ней и Ленкой выросла какая-то невидимая глазу стена. Альке не хотелось видеть Ленку, не было желания поговорить с ней, наверное, впервые за всю их недолгую, но крепкую дружбу. Да еще страшная мысль о возможной причастности Ленки к гибели Кротова время от времени упорно возвращалась в Алькину голову, приводя ее в отчаяние.

И только теперь, посетив Валерку в следственном изоляторе, Алька почувствовала, что они с Ленкой квиты: у нее тоже есть тайна, есть что скрывать от подруги и вообще от всех в оркестре. От этого ей стало немного легче, и встреча с Ленкой перестала так уж пугать Альку. Самое время навестить больную, а заодно и отвлечься от тягостных мыслей о бесперспективности дальнейших поисков.

Ленка уже передвигалась по квартире и дверь Альке открыла сама. Нога ее была все так же плотно обвязана, но Ленка перестала морщиться при каждом шаге и лишь заметно прихрамывала.

— Наконец-то! А я тебе звонила сегодня весь день. — Ленка проковыляла в комнату и плюхнулась в кресло.

Лицо ее было непривычно мрачным, светлые брови сдвинулись, уголки рта опустились. Алька увидела на столике рядом с креслом открытую бутылку бренди и рюмки.

— Приходил кто-то?

— Славка забегал. — Ленка махнула рукой. — Тошно мне было, вот и тяпнули слегка. Теперь еще хуже.

— Нога болит? — сочувственно проговорила Алька.

— При чем здесь нога? — Ленка потянулась к бутылке, налила стопку себе, другую протянула подруге. — Мама. Пункция пришла. — Она кивнула на лежавший на столе пухлый малиновый ежедневник, между страниц которого были засунуты бланки анализов.

— Что?

— То самое. Осталось несколько месяцев, я с врачом говорила по телефону.

Алька понимающе молчала. Значит, все-таки у тети Шуры рак. Она для Ленки самый близкий человек, лучшая подруга. У самой Альки с матерью никогда не было таких доверительных и теплых отношений, да и не видятся они вон уже сколько лет. У мамы есть Ангел, папа, овчарка Глаша, работа, огород, а у тети Шуры нет ничего, кроме Ленки.

Алька одним махом выпила бренди. Ей сразу стало тепло, в висках приятно запульсировала кровь. Ленка сидела, уставившись в одну точку перед собой, держа в руке полную рюмку.

— Почему именно с ней это должно было случиться? — наконец нарушила тишину она. — Я не понимаю, почему с ней. Миллионы людей доживают до глубокой старости, а ей нет сорока пяти.

— Она так рано родила тебя?

— В восемнадцать. Ужас, правда? — Ленка пригубила из рюмки, скривилась, поставила ее обратно на стол.

— А ты когда хочешь родить? — неожиданно для себя спросила Алька.

— Я? Вообще не хочу. Зачем добровольно надевать на себя цепь? Мама меня одна растила, без всяких там бабушек, тетушек. В результате жизни как не бывало. Не успела в себя прийти — и вот, пожалуйста, звенит последний звонок. Финита ля комедия.

На Ленкином лице промелькнуло ожесточение. Алька старалась вникнуть в смысл ее слов. До сих пор она как-то не задумывалась над тем, что такое семья, дети. Все это казалось ей далеким, туманным, когда-нибудь обязательно придущим к ней в самом чудесном виде. Но когда — это ее не беспокоило. И вот Ленка говорит, что ребенок — это цепь, лишаящая свободы, ограничивающая радости жизни. Зачем тогда Валера добровольно посадил себя на эту цепь? Ведь Верка, кажется, была не против забрать сына с собой. Что-то заставило его поступить так. Что-то непонятное Ленке и только-только приоткрывшееся Альке.

— Пойду чайник поставлю. — Ленка вышла из комнаты.

Алька машинально протянула руку, взяла со столика блокнот. Рассеянно перелистала страницы. Вот они, результаты тети-Шуриных анализов, и в них черным по белому смертный приговор. Бедная Ленка... Алька хотела захлопнуть ежедневник, но рука ее нечаянно дрогнула, и блокнот полетел на пол. Веером рассыпались тонкие листки каких-то бесчисленных справок, рецептов, старые квитанции и прочий бумажный мусор, который Ленка почему-то не любила выбрасывать и хранила в записной книжке. Алька нагнулась, собрала содержимое ежедневника обратно. Последней она подняла с пола тоненькую черно-белую фотокарточку, лежащую изображением вниз. Взглянула на нее из любопытства.

Это был тот же снимок, что Алька видела в альбоме Софьи Тимофеевны. Ленка, тетя Шура, Кретов. Только фотография была гораздо меньше форматом. Значит, Ленка разыскала у себя дома такую же карточку. Сидит в одиночестве, смотрит на нее, прячет от чужих глаз в блокнот.

Господи! Неужели Ленка так любила Кретова? А она, Алька, в тот день, после поездки на дачу, такое о ней готова была подумать! Да что в тот день. Не далее чем час назад она терзалась самыми дикими подозрениями в Ленкин адрес! Стыдно вспоминать! Как Ленка могла убить Кретова, если после его смерти не может забыть о нем?

Алька воровато оглянулась и быстро засунула карточку на место. Ей было неловко, точно она распечатала чужое, очень личное письмо.

Алька поудобней откинулась на диванные подушки, постаралась перестроиться, отвлечься от мыслей о Ленке и Кретове. Все равно она бессильна помочь подруге, как никто не в состоянии помочь ей самой. Эх, была бы у Альки Валеркина фотография, может, и она бы иногда смотрела на нее. Все было бы легче!

Послышались тяжелые, шаркающие шаги. Алька поспешно, провела рукой по глазам, хотя они и так были абсолютно сухими. Ленка показалась на пороге комнаты, помахала

Альке рукой:

— Пошли, чайник вскипел.

Алька вдруг почувствовала, что у нее нет никакого желания пить чай с Ленкой. И вообще, хочется уйти, побыть одной, собраться с мыслями, вспомнить, как проходило свидание с Валеркой. Вспомнить все до мелочей.

— Прости, Лен, я пойду. — Алька поднялась. — Я бы посидела еще с тобой, но не могу. Дел полно. Я вечером позвоню, обязательно!

Неожиданно Алька увидела, как в глазах подруги промелькнуло облегчение. Значит, и ей тоже Алька сейчас некстати. Конечно, когда такое горе, поддержка необходима, но иногда все люди, даже близкие, бывают в тягость.

— Позвони. — Ленка подошла к столу, взяла ежедневник. — Я приду на репетицию через несколько дней. Сухаревскую я предупредила.

— Но ты все-таки не расхаживай особенно и на улицу не выходи! — предупредила Алька. — Пусть Славка за продуктами бегает.

— Хорошо. Пока.

— Поправляйся. — Алька чмокнула ее в щеку и пошла к двери.

Дома надрывался телефон. Алька в сердцах схватила трубку.

— Стираешь? — саркастически спросил Васькин голос.

— Стираю!

— Со вчерашнего дня? Или ты поселилась в ванной?

— Ты что, следить теперь за мной будешь? — устало спросила Алька. Ей вдруг захотелось поругаться с ним в пух и прах, с криком, даже с дракой, вцепиться в него, точно кошка, а потом убежать, изо всей силы хлопнув дверью. И чихала она на все последствия. Но, к сожалению, по телефону этого не сделать.

— За тобой не мешало бы последить, — сухо сказал Васька. — Времени нет, а то я бы заехал. Побеседовать не мешало бы.

Никогда Васька Чегодаев не разговаривал с ней так. Где она, с кем, куда пошла, его не интересовало. Он сам частенько возил к себе в Бутово хорошенькую гобоистку Ларису Потапову, и вообще баб у него было и до, и после развода немерено. С чего он вдруг решил, что Алька — его собственность?

— Молчишь?

— А что тебе ответить? — холодно произнесла Алька. — Беседуй. Я тебя слушаю.

— Приезжай.

— Нет.

— Да почему вдруг ты от меня стала бегать? — взорвался Васька. — Я же вижу, ты какая-то смурная ходишь... Слушай, Аль, а мне Сухаревская чего рассказывала! Про то, где ты у нас пропадаешь. Я думал, она треплется, а давеча понял — нет, не врет. Ты чего, Аль, крышу повредила, да?

— Заткнись! — крикнула Алька. — Замолчи, пожалуйста, — уже тише повторила она. — Не надо.

— Не буду, — согласился Васька. — А ты приезжай. Я на часок отъеду по делам, а потом вернусь. Как раз к твоему приходу. И все будет отлично. Годится?

— Не очень. Я не поеду.

— Ну смотри.

Алька кроме угрозы уловила в Васькином тоне растерянность и злорадно улыбнулась. Пусть катится, что он может ей сделать? Никогда она больше не появится у него, не дождется. Хоть бы язык отсох у этой дуры Сухаревской, нашла кому рассказать про Альку. Она сама теперь про Ирку может много интересного выложить, про ее поездки на машине с Витей Гловым, про ее новую прическу и прочие метаморфозы.

Алька свирепо зыркнула па плакающую трубку и с размаху опустила ее на аппарат.

Злость на Чегодаева и на трепуху Ирку внезапно придала ей сил. Плакать больше не хотелось, сидеть и киснуть — тоже. Хотелось действовать, но как? С какой стороны начать теперь, когда все предположения оказались пустыми? Если б можно было посмотреть еще раз кретовские партитуры. Неужели она не вникла бы, что же в них такого золотого, из-за чего можно убить? Все-таки она музыкант, прекрасно знает большинство опер, которые перекладывал Кретов. Весь облом в том, что партитур-то больше нет, свистнули все, подчистую. И нигде не осталось ни одного экземпляра. Разве что на проклятой кретовской даче, откуда она унеслась, позабыв, зачем приехала. Два часа прокопалась в Ленкиных

шмотках, а в другую комнату второго этажа и не заглянула. Вдруг там находился кабинет Кретьова и в нем можно хоть что-то отыскать?

Алька решительно набрала Ленкин номер. Конечно, не совсем красиво приставать к ней сегодня с вопросами, но раз та поневоле навела ее на ложный след...

— Лен, — как можно мягче сказала Алька, услышав отрешенный голос подруги. — Ты прости меня, бога ради. Ответь, на даче у Кретьова был кабинет?

— Что? — рассеянно переспросила Ленка. — Ты о чем?

— Я все о том же. Кретьов работал на даче, сочинял?

— Нет. Я же говорила тебе, что ничего не знала о его работах. На даче он в земле копался.

— А комната рядом со спальней — это что?

— Просто комната, для гостей.

— К нему же никто не приезжал.

— Ну и что? Комната все равно была. На всякий случай.

— Лен, а ключи от дачи у тебя есть?

— Издеваешься? Он жениться на мне не собирался, мне его дача по барабану.

— А у кого они могут быть, у Софьи?

— Откуда я знаю? Аль, ты уймешься когда-нибудь? Тебе мало одной вылазки туда и одной разорванной юбки? Чего ты там не успела увидеть?

— Я хочу найти его черновики или оставшиеся работы.

— Зачем?

— Просто посмотреть.

— Там ничего нет. Он работал только в своей квартире. Все его творчество после смерти переехало к жене и пропало.

— Ладно, прости за беспокойство.

Алька повесила трубку, подошла к окну. Завтра первое апреля. Снег совсем стаял, в прошлые выходные перевели часы, и теперь долго не темнеет. Надо будет на днях съездить отдать Денису машинку. А в субботу она снова отправится на дачу. Найдет там Тараса, авось он даст ей ключи еще раз. Правда, басня про украденную сумочку уже не пройдет, но, наверное, с ним можно будет договориться.

Ночью Альке приснился странный и страшный сон. Будто она в церкви. Стоит за колонной, в темноте, и кругом — тоже темно, только мерцают свечи у алтаря. Ни души, ни звука, лишь впереди, в неясном огне свечей, чья-то белая фигура. Алька напрягает глаза, приглядывается и узнает Ангелину. Да, это Ангелина, в белом подвенечном платье, на голове свадебный венок, в опущенных руках краснеет цветок.

«Значит, я успела на ее свадьбу, — думает Алька. — Странно. Ведь мы должны были уехать в Испанию. Неужели гастроли отменили?» Она медленно движется навстречу сестре, чтобы поздравить ее, пожелать счастья и удачи в браке. А та так же медленно идет к Альке. Вот они подходят ближе, еще ближе, совсем близко. Алька различает кружева на белом шелке, пальцы, сжимающие розу. Только лицо скрыто густой вуалью-фатой.

«Ангел, — шепчет Алька, — какая ты красивая! Я приехала поздравить тебя. А где все? Где Митя, мама, папа, все наши? Ведь это венчание? Почему же ты одна?»

Ангелина молчит, голова ее опущена. Свечи трещат, пламя неровно прыгает со стены на стену. Алька протягивает руку, тихонько отодвигает край фаты, смотрит в лицо Ангелины. Внезапно ей становится жутко. Это не Ангел. Перед Алькой стоит она сама, в свадебном

платье, в фате. Только вместо розы в руке — красная пожарная машинка. Алька в ужасе пятится назад.

«Ангел, где ты, Ангел?» Она зовет, кричит, но никто не отвечает ей. А та, вторая Алька ее двойник, молча и печально глядит на нее, медленно качает головой, хочет что-то сказать.

«Ты Аля?» — одними губами шепчет Алька. Девушка утвердительно кивает.

«А кто же тогда я?» — со страхом спрашивает Алька.

«А тебя нет», — шелестит Алька-двойник.

«Как — нет? — плачет Алька. — Я же здесь. Я живая, я не умерла».

И тут купол с грохотом проседает, раскалывается на куски. Куски эти летят вниз, прямо на девушку в белом. Миг — и никого нет, только груда искореженных железных листов, куски штукатурки, пыль. Алька кричит и не слышит своего крика. Это она погребена под обломками купола? Или не она? Где реальность, а где лишь тень, отражение? Сверху слышится смех, хриплый, страшный, как воронье карканье. Алька поднимает голову и видит в дыре, образовавшейся на месте купола, лицо Кретова. Оно ужасно — красное, со всклокоченными седыми волосами надо лбом, с безумными, сверкающими глазами. Он хохочет и манит Альку к себе длинным, узловатым пальцем. Алька отступает назад и не может оторвать взгляда от этого пальца. Ее словно что-то не пускает, тянет вперед, но все же она упорно пятится и пятится.

«Нет, — мотает головой Алька. — Нет, нет, нет!»

...Она проснулась от своего крика. По спине тек холодный пот, в груди гулко стучало. Алька спрыгнула с тахты, зажгла настольную лампочку. Господи, какой сон! Что он может означать? Несчастье с Ангелиной? Алька покосилась на безмолвно стоящий на тумбочке телефон. Позвонить в Воронеж, узнать, не случилось ли чего? Ночь, на часах два тридцать, все спят. Алька напряглась изо всех сил, вспоминая кошмар, хотя по всем приметам этого делать не полагалось. Нет, в Алькином сне не было Ангелины. Там была она сама. И она должна была погибнуть. Но, кажется, не погибла. Чувствуя озноб, Алька подошла к комоду в углу, на котором стояли иконки. Перекрестилась, прочитала молитву. Ей стало немножко легче, но страх все равно не проходил. Она долго боролась с искушением оставить свет включенным, но потом все-таки справилась с собой, щелкнула выключателем и легла.

Остаток ночи прошел как и тогда, когда она нашла у двери зловещую записку.

В филармонии начался фестиваль хоровой музыки, и поэтому репетиции оркестра перенесли на основную базу, в один из крупных московских Домов культуры. Ехать туда Альке было намного дальше, и утром она, совершенно не выспавшаяся, натыкалась на все стены, посылая проклятия на головы хористов, завладевших прежним помещением.

Первый, кого Алька увидела, войдя в репетиционный зал, был Копчевский. Рыжая его шевелюра пламенела под солнечными лучами, проникавшими сквозь легкие шторы, лицо было недовольным и обиженным.

— Представляешь, Горгадзе отпустил всех, кроме струнников! А мы — три часа по полной программе. Только начнем на час позже, у Сухаревской в училище экзамен.

— Может, он хочет вместо симфонического камерный оркестр сделать? — мрачно пошутила Алька.

— Вот и я про то же. — Копчевский поплелся вслед за ней в артистическую, где хранились инструменты. — Соловьева пришла. Такая хромая, аж жалость берет.

— Вроде она собиралась послезавтра, — удивилась и обрадовалась Алька.

— Значит, соскучилась без родного коллектива, — изрек Алик, пинком открывая перед Алькой дверь комнатенки.

— Спасибо, ты очень любезен, — иронически заметила Алька. — Лучше бы, конечно, рукой, но все равно приятно. Где Ленка?

— В буфете. Со Славиком. Ой, смотри! — вдруг закричал он. — Футляр-то твой! Так и без инструмента остаться можно.

Алька недоуменно оглядела снятый с плеча футляр. Ну, конечно если лазить с ним по заборам, а потом отбиваться от «дяди Коли», то это обязательно должно случиться. Ремень почти оторвался и висел на нескольких нитках. Повезло еще, что он не отлетел совсем прямо в автобусе или метро. Честно говоря, футляр Альке давно пора было менять. Несolidно, играя в таком оркестре, иметь это дешевое старье. То ли дело Ленкин футляр. Она, понятное дело, ездит на гастроли не первый год, как Алька, а четвертый, может себе позволить.

— Буду новый покупать, — сообщила Алька Копчевскому со вздохом, — как у Соловьевой. — Она указала на лежащий на столе новенький Ленкин футляр.

— А ты примерь, — посоветовал Алик, — погляди, как скрипка лежать будет.

— Чего ей не лежать? — удивилась Алька, вынимая скрипку. — Футляр для того и предназначен, чтобы в нем инструменты носить.

— Ну попробуй на всякий случай, — не унимался Копчевский, — а то бывает, что инструменту плохо в футляре. Честное слово, у меня так было. Уже купил почти, да передумал.

— Чушь какая-то, — недоверчиво усмехнулась Алька, но почему-то послушалась и, вытащив из футляра Ленкину скрипку, положила туда свою.

— По-моему, отлично, — насмешливо сказала она.

— Да, подходит, — с видом знатока подтвердил он.

В этот момент в артистическую зашел Глотов. Вид у него был озабоченный.

— Ира не пришла? — спросил он и стал сосредоточенно рыться в шкафу.

— И не придет так быстро. — Алик пожал плечами. — Это же экзамен, ей еще обсудить надо учеников. Могли бы и без нее начать.

— Ноты, — с досадой проговорил Глотов. — У нее ноты скрипичные. Чегодаев ушел, а я ни черта не знаю, где они тут у вас лежат. А может, и не лежат вовсе. Вы, кстати, подойдите к Горгадзе, спросите, что он хотел репетировать. Вдруг ему они и не нужны.

— Давай правда сходим, — предложил Копчевский Альке, — может, он нас вообще отпустит?

— Вряд ли, — не оборачиваясь, бросил Виктор.

Горгадзе что-то просматривал в партитуре, сидя на стуле около окна и делая пометки карандашом.

— Рафаил Нодарович, — обратился к нему Алик, — какие нам нужны сегодня ноты? Те, что у Сухаревской остались?

— Вы про Генделя? — рассеянно спросил Горгадзе. — Нет, думаю, они не понадобятся. Мы займемся Моцартом и Бахом. Там есть что поучить. Минут через пятнадцать начнем, даже если Ирина Александровна не придет. Так что собирайте своих. Они, по-моему, в буфете все.

— Надо Витюше сказать, чтоб не надрывался, — засмеялась Алька, когда они отошли от дирижера, — а то смотреть на него жалко. Он небось и скрипичный ключ не нарисует.

— Пусть ищет, — свирепо сказал Копчевский. — Мне его рожа осточертела.

— А вот Сухаревская думает по-другому, — ехидно проговорила Алька. Сплетничать, конечно, нехорошо, но раз Ирка так ее подставила, не грех и отомстить.

— Ха, — хмыкнул Алик. — Думаешь, я слепой? Видел, видел, ничего парочка!

Навстречу им из артистической вышел Глотов, отчаявшийся, верно, отыскать злополучные ноты, и, не глядя на ухмыляющихся Альку и Алика, трусцой побежал в буфет.

— Ромео, — Копчевский скорчил ему вслед рожу. — Пошли в буфет, хватит им там расслабляться.

Ленка с Зубцом сидели за столиком у окна. Ленка молча курила, а Славка что-то говорил ей, оживленно жестикулируя. На скатерти стояли опустевшие стопки. Славка увидел вошедших и похлопал рукой по свободным стульям.

— Собирайте посуду, — скомандовал Алик, подходя. — Горгадзе велел свистать всех наверх.

— Сухаревская появилась? — Ленка осторожно выдвинула больную ногу из-под стола.

— Нет, но он хочет начать без нее. Так что кончайте бражничать, пошли делами заниматься.

— Чего ты вдруг прискакала? — поинтересовалась Алька у подруги. — Сидела бы, раз больничный дали. Не каждый день так везет.

— Да ну, — отмахнулась Ленка, вставая. — Дома только хуже. Все время о маме думаю. Лучше Моцарта поиграть, отвлечься.

— Пойдем, калека. — Славка подхватил Ленку под руку. — Между прочим, с тебя, Бажнина, штраф за увечье. Кто подбил человека на загородную прогулку?

— Не твое дело, — отрезала Алька. — Мы с Соловьевой сами разберемся, правда, Лен?

— Правда, правда. — Ленка, опираясь на Славкину руку, заковыляла к дверям.

Остальные отправились следом за ней, старательно сдерживая шаг. Перед тем как выйти, Алька мельком оглянулась на Глотова. Тот сидел за столиком абсолютно один, в стороне от всех, рассеянно прихлебывая кофе. Глаза его были устремлены в раскрытую перед ним записную книжку. Алька в недоумении пожала плечами. Господи, ну что могла найти в нем Ирка? Хотя, конечно, он красив. Только красота эта какая-то слащавая,

конфетная, мужика она не украшает. И вообще, весь он вылощенный, вылизанный, тьфу! Никогда с ним не поговоришь по-простому, весь разговор — «спасибо», «пожалуйста», «извините, нет времени». Как робот, честное слово. Однако кто еще на Ирку польстится? Она и сама не лучше — ходит, лишний раз не улыбнется. Что ни говори, а роман с Витюшей ей пошел на пользу. Небось сидит Глотов, скучает без нее, ждет. Вон домой не уходит, когда давно ему здесь делать нечего.

— Кончай на Глотова пялиться, — потянул Альку за рукав Копчевский. — Пошли, а то Горгадзе обозлится.

Буфет постепенно опустел, сидевшие там оркестранты мало-помалу стягивались к залу. Ленка со Славкой ушли вперед.

— Куда вы ездили с Соловьевой? — спросил Алик по дороге наверх.

— Соловьева никуда не ездила, — уточнила Алька. — Она на вокзале еще ногу повредила.

— А ты?

— А я — нет, как видишь.

— Да я не про то, — засмеялся Копчевский. — Ты-то где была?

— Надо точнее формулировать вопросы, — съязвила Алька. — А вообще, много будешь знать, скоро состаришься. Понял?

— Понял, — ничуть не обиделся Алик. — У тебя что с Чегодаевым, облом?

— Ну у тебя и переходы! — удивилась Алька. — Что, так заметно?

— Если приглядеться, то да. Он злой ходит в последнее время, наорал на меня сегодня. Я только заикнулся, чтобы нас отпустили, а он, как про тебя услышал, так озверел, словно бешеный. «Объяснитесь с Горгадзе!» И был таков. Поцапались вы с ним, да?

— Ну тебе-то какое дело?

— Пригласить тебя хотел.

— Куда?

— Куда захочешь.

— Куда захочу, у тебя бабок не хватит.

— Ты серьезно? — оживился Копчевский. — Ты, Аль, скажи только. Нет проблем, я теперь богатый, мне Скворцов хорошую халтурку подбросил, в гостинице играть. Там бар классный, каждый день новая программа. Хочешь, кстати, туда сходим, у меня вход бесплатный?

— Да ладно тебе, я пошутила. Лучше на инструмент приличный купи.

— Не пойдешь? — разочарованно протянул Алик.

— Нет, — твердо ответила Алька, на мгновение поразившись себе самой. Что это? За последние дни она всех отшила, будто хранит верность Валерке. Вот смех, сдалась ему эта ее верность! Он небось и думать про Альку забыл, а она, похоже, не на шутку увлеклась своей виртуальной жизнью. Так увлеклась, что настоящая, со всеми ее маленькими радостями, стала ей совершенно неинтересна.

Аля обогнала Ленку, едва передвигающую свою ногу, зашла в артистическую и вынесла оттуда обе скрипки. Ленка благодарно кивнула, взяла свою и захромала на сцену, где обычно проходили групповые репетиции. Горгадзе отложил ноты, поднялся и подошел к оркестру.

— Начнем без концертмейстера, — объявил он, подождав, пока все рассядутся. — Пожалуйста, играем «Юпитер», с начала до среднего раздела.

Алька отложила стоящие на пульте ненужные ноты Баха в сторону, раскрыла Моцарта,

привычно вскинула скрипку, собираясь настроиться. Повернула колок, и тут же струна, звонко щелкнув, лопнула и повисла корявой спиралью.

— Вот блин, — с досадой выругалась Алька, уныло разглядывая оборванный кусок. — С чего это она? Где я теперь возьму запасную? Мои пропали вместе с сумкой.

Ленка удивленно поглядела на Альку и машинально подергала свои струны.

— У тебя-то всегда порядок, — завистливо пробормотала Алька. — А у меня эти чертовы струны прямо горят.

— Я принесу запасную, — вскочил Алик.

— Не надо, я дам. У меня в футляре целый комплект, а твои — альтовые, ей тяжело будет играть. — Ленка торопливо поднялась под недовольным взглядом Горгадзе.

— Быстрее давайте, — тихонько проговорил Эдик Скворцов.

— Как получится, — так же тихо ответила Алька. — Может, и другую струну придется заменить. А то всю репетицию буду бегать.

— Играем пока без них, — решил Горгадзе.

Девушки ушли в артистическую. Ленка извлекла из футляра запасной комплект, протянула Альке. Та отцепила оборванную проволоку и ловко стала сматывать бракованную струну. За дверью стройно и празднично грянул «Юпитер».

— Что бы я без тебя делала? — сказала Алька, забирая из рук подруги новую струну.

— Взяла бы у Копчевского, — пожала плечами Ленка. — Другие проверь.

Остальные струны держались крепко, и Алька, настроив скрипку, вернулась в зал. Она сделала шаг к своему месту, и тут какая-то неведомая сила вдруг заставила ее поднять глаза вверх. То, что она увидела, на мгновение лишило ее способности двигаться и говорить. Висевший под потолком как раз над их с Ленкой пультом огромный софит постепенно накренился вбок. Словно в кошмаре, Алька безмолвно следила, как медленно, неумолимо смертоносная тяжесть выскальзывает из своего гнезда. Раздался треск, крики, музыка смешалась в высокий, жалобный стон и прервалась. Алька оцепенело смотрела на раздавленные в щепки стулья, на которых пять минут назад сидели они с Ленкой. Чудом не задетый Эдик с трясущимися руками стоял около обломков, растерянно озираясь по сторонам.

Копчевский вскочил и подбежал к софиту, хрустя ботинками по осколкам стекла.

— Ремень перетерся. — Он показал мощный крепежный ремень с неровным обрывом по самой середине. — Ну, Алька, молись на свои струны. Кабы не они, даже и сказать страшно!

Сзади тяжело дышала Ленка. Только сейчас Аля ощутила, как пальцы подруги до боли сжимают ей запястье, но она не помнила момент, когда Ленка схватила ее за руку. Перепуганный Горгадзе, отложив палочку, забрался на сцену и, задрвав голову, глядел вверх, откуда сорвался прожектор.

— Кто отвечает за эту чертовщину? — проговорил он в бешенстве. — Под суд отдам, сволочь! Не видел, гад, что аварийное состояние на репетиционной площадке?!

В это время дверь распахнулась, и на пороге появилась Сухаревская. Она окинула сцену изумленным взглядом, потом стремительно пересекла зал.

Почему-то при виде Ирки к Альке вернулась способность разговаривать и вообще мыслить. «Сон, — яростно стучало у нее в голове. — Да, сон». Сегодня ночью она увидела это — свою гибель, падающий на голову потолок. Она должна была погибнуть вместе с Ленкой. Ее спасло только чудо. Если бы не оборвавшаяся струна, они лежали бы сейчас

среди обломков и осколков с пробитыми головами. Алька почувствовала, что ноги отказываются ей повиноваться, и села прямо на грязный паркетный пол сцены.

— Девчонки, девчонки, все хорошо, — услышала она какой-то очень далекий, хотя и раздавшийся над самым ухом, голос Копчевского. — Все нормально. Никто не погиб. Вставай, Аля. Тебе помочь?

Руки Алика подхватили ее, и она послушно поплелась к свободному стулу.

— Сейчас Славка водички принесет, — Алик усадил рядом молчаливую трясущуюся Ленку, — и все пройдет. Забудется как страшный сон.

Алька усмехнулась. Как точно сказано! Знали бы все они, что она видела все заранее!

— Ты чего, Аль? — испуганно спросил Копчевский. — Чего ты смеешься? Валерьянки тебе дать?

— Ничего. — Алька сделала над собой усилие, заставляя голос не дрожать. — Все в порядке. Только играть я, пожалуй, сегодня уже не смогу.

— Кто сегодня сможет играть? — возмутился Эдик Скворцов. — Надо администрации Дома культуры сообщить. Пусть остальные софиты проверят. А иначе я на сцене репетировать отказываюсь.

Через десять минут Горгадзе отпустил всю группу. В зал пришли рабочие сцены и принялись убирать мусор. Аля и Ленка в сопровождении ребят вышли на улицу. Ленке надо было поймать машину, потому что ехать своим ходом она не могла. Когда перед компанией остановилась зеленая «Волга», Алька внезапно поняла, что меньше всего ей сейчас хочется остаться одной. Она решительно забралась в машину рядом с Ленкой, а за ней следом еще решительнее полезли Славка и Алик. Само собой сладилось поехать не домой, а в тот самый бар, который безуспешно рекламировал Альке Копчевский перед началом репетиции. Теперь Алька была даже рада этому предложению — ей необходимо было расслабиться, чтобы страшные впечатления сегодняшних ночи и дня отпустили ее.

Бар оказался очень уютным местом, рассчитанным на малое количество народа и с приветливым персоналом. Вечерняя программа начиналась позже, а сейчас здесь просто играла тихая, приятная музыка, помимо напитков можно было заказать кофе пяти различных сортов и полакомиться пирожными, чрезвычайно свежими и соблазнительными на вид.

В полумраке зальчика Алька почти совсем успокоилась. Алик и Славка старательно трепались, от души сочувствуя подругам, и, стараясь развеселить их, наперебой рассказывали анекдоты. Алька посмеивалась, а Ленка продолжала молчать, медленно помешивая ложечкой в полной чашке. Она выглядела какой-то замороженной, подавленной, и Альке вдруг стало ужасно ее жаль. В самом деле, пришел человек на работу, чтобы не находиться дома, где в голову лезут только мысли о скорой маминой смерти, а тут тебе сюрприз: софит летит на башку.

— Нет худа без добра, — проговорила Алька. — Теперь, может быть, Горгадзе перестанет нас вызывать на групповые и займется духовиками.

— Точно, — подхватил Копчевский, — поймет, что это знак свыше. Нельзя так истязать бедных скрипачек, а то уже и прожектора не выдерживают!

— Лен, сливки попробуй, — посоветовал Славка, очень любивший сладкое. — Здесь сливки — высший класс.

— Кстати о сливках, — заржал Алик. — Анекдот вспомнился. Значит, раздается телефонный звонок... Зря уши закрываешь, Аль, все цензурно. Так вот: звонит телефон. «Але, это булочная?» — «Нет, это сливочная». — «Что, сливки делаете?» — «Нет, дерьмо

сливаем!»

— Тьфу, — в сердцах плюнул Славка и опустил в вазочку ложку. — Ну ты и урод, каких мало!

— Зато Ленке понравилось, да, Лен? Она улыбалась!

— Поехали по домам, — нарушила свое молчание Ленка. — Что-то у меня голова разболелась.

— Немудрено, — понимающе кивнул Алик.

Спорить никто не стал, ребята расплатились, и компания покинула гостеприимное заведение. Зубец поехал отвозить Ленку, а Алька с Копчевским поймали старую, раздолбанную «пятерку». В машине Алька пожалела, что позволила себя проводить. Руки Алика настойчиво забирались к ней под куртку, он то и дело наклонялся к самому ее лицу и шептал на ухо несусветную похабщину. Она уже было смирилась с тем, что придется выпустить его домой и даже оставить ночевать, — сил воевать с Копчевским у Альки не было, и, кроме того, ее опять начала пугать предстоящая ночь в одиночестве. Пусть уж сегодня будет так: она устала, ей тоскливо, жутко. Однако неожиданно все получилось иначе. На подъезде к Алькиному дому в кармане Копчевского запищал мобильник. Звонила сестра Алика, прибывшая из Казани, откуда тот был родом. Она нагрязнула неожиданно, так сказать сюрпризом, и теперь сидела на вокзале. Копчевский к редким визитам родных относился очень серьезно, тем более что сестра была младшая и любимая. Алик, конечно, повздыхал, но, высадив Альку у ее дома, забрался обратно в машину и поехал на вокзал.

Алька поднялась к себе, достала ключ, вставила его в замочную скважину и тут же почувствовала, как к горлу подкатила тошнота: белый листок бумаги на сей раз был пристроен внизу, у самого порога, прижатый к полу крупным осколком софита. Алька нагнулась и дрожащими руками подняла письмо. Тот же красивый, изысканный шрифт, тот же почти неуловимый запах. Одна-единственная строчка, расположенная аккуратно посередине страницы. «Следующий раз будет последним». Это был удар ниже пояса. Значит, прожектор упал не случайно? Получается, кто-то выкрутил гайки и подрезал ремень. Но кто? Когда? В зале все время находился народ. Тут она вспомнила, что к прожекторам есть доступ с потолка, с третьего этажа. Она как-то видела рабочего, который возился с осветительными приборами под самым потолком, а потом исчез где-то наверху. Значит, это кто-то из рабочих или из обслуживающего персонала Дома культуры. Но почему? Что она, Алька, сделала такого, что ей стали снова угрожать? Не просто угрожать — ее пытались убить, и, если бы не случайность, задуманное удалось бы. Алька привалилась к стене, в который раз тупо перечитывая записку. Так вот почему во сие она видела Кретова — те же, кто расправился с ним, теперь охотятся за Алькой. По-видимому, у них есть везде глаза и уши, и каждый шаг ее им известен. Именно так, как говорила Ленка.

Алька внезапно очнулась. Надо срочно позвонить, узнать, как они со Славкой доехали, не случилось ли чего.

Ленка долго не брала трубку, а когда наконец отозвалась, голос у нее был спокойным и немного сонным.

— А, это ты? — Она явственно сдержала зевок. — А я уже легла. Снотворное выпила. Ты в порядке? Копчевский, конечно, у тебя?

— Нет, — с трудом проговорила Алька. — Он уехал.

— Ну и слава богу, — равнодушно сказала Ленка. Было слышно, что она еле ворочает языком, — видимо, снотворное начинало действовать. — Ложись спать, — посоветовала

Ленка. — Завтрашний вызов никто не отменял.

— Хорошо, — Алька повесила трубку.

По телу разливался мертвенный холод. Хотели убить их обоих. А причина в Альке. Ей ясно дают понять, что причина в ней. Если она не остановится, их с Ленкой уничтожат. Но, боже мой, она же ничего еще не успела сделать. Или это запоздалая реакция на ее поездку в Александров? Это единственное объяснение тому, что случилось. Так или иначе, оставаться одна в квартире Алька сегодня не собирается. К черту гордость, она сейчас же позвонит Ваське и все ему расскажет. Она хочет жить, в конце концов, она вовсе не желает умирать. И трястись всю ночь, прислушиваясь к шорохам в квартире и гадая, не настал ли уже обещанный следующий раз, она не будет. Чегодаев — взрослый умный мужик, он что-нибудь придумает. Алька наверняка нужна ему живая.

Она решительно набрала номер. Трубка уныло и длинно загудела ей в ухо. Где он шляется на ночь глядя? Почему, когда он так необходим ей, именно в этот момент его нет дома? Алька чертыхнулась, нажала на рычаг и вытащила записную книжку с номером чегодаевского сотового — старый она помнила наизусть, но Васька недавно сменил мобильник. Холодный женский голос сообщил: «Абонент временно недоступен или не отвечает».

Значит, связи с Чегодаевым нет. Кому же тогда ей звонить? Ленке? Бесполезно, только напугать ее до смерти. К тому же она приехать не может, Альке самой придется добираться к ней. Поздно, страшно. Мало ли, что ждет ее внизу у подъезда? Позвонить Копчевскому? Пусть бросит свою сестру и двигает сюда? Тогда придется выложить ему все от начала до конца, то-то он удивится. Наплевать на это, дело в другом. Алик не Чегодаев, он мало что соображает, только прикалываться мастер да анекдоты травить. Еще вопрос — кто кого сможет защитить — он Альку или она его. Нет, Копчевского не надо. Значит, остается только один человек. Тот, который всегда выручал ее в трудные минуты и делал это совершенно бескорыстно, не требуя ничего взамен. Тот, к чьей помощи она менее всего хотела бы обращаться, потому что всегда невольно испытывает вину перед ним. Андрей, преданный ей с первого курса консерватории, неизменно краснеющий при встрече с Алькой, странно и смешно робкий и застенчивый при росте метр девяносто и могучем телосложении. Больше ей сейчас не поможет никто. Он что-то надолго исчез, не звонил Альке целый месяц, и это удивительно. Только бы он оказался дома!

Она снова накрутила диск. На этот раз подошли сразу. Незнакомый, веселый, почти детский голосок звонко прокричал: «Але!» Алька опешила: Андрей жил с матерью, и голос той она отлично знала.

— Але, вам кого? — нетерпеливо повторил голосок.

— Андрея, — наконец ответила Алька.

— Сейчас. — Слышно было, как обладательница писклявого голоска зовет откуда-то из недр квартиры Андрея. Несколько секунд было тихо, потом раздался отдаленный шум, и знакомый баритон произнес:

— Я у телефона.

— Это я. — Алька попыталась говорить как можно спокойнее, чтобы сразу не напугать Андрея. — Ты давно не звонил. Все в порядке?

— Да, все хорошо. — Что-то странно непривычное было в его тоне, и Алька начала догадываться.

— Ты не можешь сейчас говорить? — спросила она.

— Почему? — поспешно ответил Андрей. — Могу. Как это, с тобой — да не могу? Только подожди минутку, я сейчас.

Алька терпеливо подождала минутку, которая продлилась все три. Надо же, и тут она не вовремя. Сколько их всех крутится вокруг нее, и, однако ж, когда нужна помощь, оказывается, она абсолютно одна.

— Я тебя слушаю, — снова сказал Андрей.

— Понимаешь, — замялась Алька, — мне нужно, чтобы ты приехал...

— Когда?

— Прямо сейчас. Но я вижу, что тебе это будет неудобно.

Андрей помолчал, раздумывая, потом спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего страшного. — Алька закусила губы, чтоб не разреветься, и повторила совсем весело: — Ничего. Просто хотела увидеться.

— Ночью? Аль, говори честно, что произошло. Ты плачешь, что ли?

Алька поняла, что обмануть Андрюшку не удастся. За многие годы их знакомства он выучил ее характер наизусть, может, даже лучше, чем она сама.

— Меня хотят убить, — тихо произнесла Алька.

— Что?!

— Что слышал. Я боюсь, Андрюш, мне очень страшно.

— Ты одна? Впрочем, глупый вопрос. Хорошо, я приеду, минут через сорок. Продержишься?

— Угу, — всхлипнула Алька.

— Тогда жди. Все будет хорошо.

— А она?

— Она придет со мной. Тебе придется постелить на полу. Кстати, ее зовут Галя. Надеюсь, ты не против?

— Спасибо, — выдохнула в трубку Алька.

Ровно через сорок минут раздался звонок в дверь. На пороге возник огромный и решительный Андрей. За его спиной пряталась остренькая, смешливая мордашка.

— Знакомьтесь. — Андрей вывел девушку вперед. Та едва доставала ему до плеча. На вид ей было не больше восемнадцати. — Это Галя. А это Алина, моя однокурсница, Я тебе про нее рассказывал, помнишь?

— Помню, — пропищала Галя своим тоненьким голоском, который удивительно подходил к ее внешнему виду.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила ребят Алька.

Ей стало ясно, что Андрей исчез не просто так. Нашел наконец замену Альке. И слава богу, что нашел, смог себя перебороть. Однако как при этой девчонке, похожей на мышку, говорить с ним? И понимает ли она, что рискует собой, приехав в этот дом поздно вечером?

— Галя посидит в комнате, позанимается. Ей надо к экзамену готовиться. А мы пойдем на кухню, кофе сварим, — спокойно распорядился Андрей.

Девушка тут же послушно отправилась в комнату. Алька, проводив гостью удивленным взглядом, пошла вслед за Андреем.

— Теперь рассказывай поподробней, — приказал он, удобно усаживаясь на табурет возле окна. — Во что такое ты вляпалась?

Алька выложила все без утайки. Она говорила почти час, начав с того самого момента,

как пришла к Валерке в гостиничный номер. Андрей слушал внимательно, чуть нахмурившись, склонив набок свою белокурую голову, не перебивал, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Наконец Алька закончила сегодняшним падением софита и запиской — и замолчала.

— Это все? — спросил Андрей и поднял на нее глаза.

— Все, — дрожащим голосом произнесла Алька. — Я сумасшедшая, да?

— В какой-то мере, — задумчиво ответил Андрей. — Не больше чем кто-либо другой.

— Ты... сможешь мне? — робко спросила Алька.

— Я попытаюсь. Но ты должна ответить мне честно на один вопрос.

Алька согласно кивнула.

— Скажи, ты так хлопчешь за этого Рыбакова, потому что чувствуешь себя виноватой в случившемся? Ты поступила бы так, если на его месте оказался бы кто-то другой? Кто-то из оркестра или... ну я, например?

Алька молча разглядывала стоящую перед ней сахарницу. В последние дни она много раз задавала себе этот вопрос и никак не решалась на него ответить. Но сейчас, видимо, пришла пора.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет. Я делаю это не потому, что чувствую себя виноватой. Вернее, не только поэтому. И... ради кого-то другого я бы не стала... — Она опустила глаза.

— Хорошо, я понял, — пришел ей на помощь Андрей. — Именно это я и ожидал услышать.

— И... ты не уйдешь сейчас из-за того, что я так сказала?

— Нет, — твердо произнес Андрей. — Напротив, я сделаю все, чтобы этот парень вышел на свободу, если он действительно ни в чем не замешан.

— Но почему? — изумилась Алька. Она действительно не понимала. Только что она призналась Андрею, что спокойно оставила бы его в тюрьме, то есть бросила бы в беде на произвол судьбы. И он не послал ее, не вскочил, не выбежал вон. Это было необъяснимо.

— Ты глупая, Аля, — улыбнулся Андрей. — Я думал, ты умнее. Это очень просто: ты хочешь помогать своему Рыбакову, не ожидая, что он будет носить тебя за это на руках. Так?

— Да.

— А я хочу помогать тебе. И мне взамен тоже ничего не нужно. Ясно?

— А Галя?

— Она поймет. Она очень хорошо меня понимает. Наверное, почти у каждого есть человек, которому бросаешься помогать по первому слову или даже без слов. И не ждешь благодарности.

Теперь Алька понимала. Ей стало отчаянно грустно. Почему, ну почему она не может любить Андрюшку, такого благородного, непохожего на остальных, такого преданного и самоотверженного? Почему ей нужен далекий и чужой человек с недоверчиво-насмешливым взглядом и непонятной Альке, неведомой жизнью?

— Ты чем-то расстроена? — Виктор оторвался от разложенных на столе бумаг и внимательно поглядел на сидящую на диване Иру.

Она сидела так уже с полчаса, не двигаясь и не меняя позы, и это было для нее нехарактерно. Обычно Ирка всегда пребывала в движении и, даже если отдыхала, предпочитала делать это активно: вместо того чтобы валяться с книжкой или перед телевизором, начинала перемывать хрусталь в горке, разбирать шкафы или протирать люстры. Бездельничать она просто не умела.

Но сейчас она находилась в каком-то оцепенении. Это испугало Виктора.

— Что случилось? — Он встал с удобного кожаного кресла, подошел к Ире, сел рядом.

— Ничего. — Она печально улыбнулась. — Не обращай внимания. Тебе нужно работать, так работай.

— У тебя вид какой-то убитый. Я не могу сосредоточиться.

— Никак не забуду про сегодняшнее. Знаешь, Вить, словно чувствовала, неслась с Арбата как угорелая. Меня даже штрафануть хотели. Влетаю в зал и вижу немую сцену. Представляешь, их бы насмерть пришибло! Обоих!

— Осветитель сказал, крепление менять нужно было. Давно. А в смету прожектора не входят.

— А музыканты? — закричала Ирка. — Они в смету входят? Ты-то, ты хотя бы не говори так. Да, знаю я, знаю, что никуда не денешься, по одежке протягивай ножки. Но хоть молчать, делать вид... А! — Она безнадежно махнула рукой. — Не обращай внимания. Нервы ни к черту. Какой-то замкнутый круг — дома, на работе, в училище — везде одно и то же. Наверное, все дело во мне самой, вернее, в восприятии. Оптимистичные люди все принимают спокойно, как есть. А я из всего делаю трагедию.

— Я хочу, чтоб ты выбралась из замкнутого круга, — тихо произнес Виктор. — Мы выберемся из него.

Ира изумленно глядела на него, стараясь сморгнуть навернувшиеся слезы.

— Давай куда-нибудь уедем. Может быть, очень скоро это станет возможным. Поселимся где-нибудь недалеко от Марсея или Тулона. Ты будешь в оркестре играть, а я...

— Очнись, Витя. — Ирка весело, от души расхохоталась. — Откуда такие фантазии?

— Ты не хочешь уехать со мной? — обиженно спросил Виктор и отодвинулся.

— Я хочу. — Ирка обняла его, прижалась щекой к плечу. — Я хоть сейчас. Но, к сожалению, ничего у нас не выйдет.

— Почему?

— Во-первых, потому что через пару месяцев я тебе надоем хуже горькой редьки... Молчи, выслушай сначала. Что нас связывает? Кто мы друг для друга — два очень одиноких человека, по случайности оказавшиеся рядом. Разница в том, что у тебя это состояние временное, оно пройдет. Ты встретишь нормальную молодую девушку, полюбишь ее, а обо мне будешь вспоминать сначала с благодарностью, потом — с недоумением и, наконец, со стыдом.

— Чушь! — возмутился Виктор. — Ты говоришь, точно умудренная опытом старуха, но ты ведь не такая. Сама себе придумала все это, состарила себя на десять лет, читаешь мне лекции!

— Ладно, ладно, не кипятись, — ласково сказала Ирка. — В конце концов, я счастлива, и это главное. А сколько оно продлится, это счастье — месяц, год или больше, не имеет значения.

— Я говорил совершенно серьезно.

— А если серьезно, то куда деть Соню, маму? Куда деть мою профессию? За рубежом в моем возрасте никого не ждут с распростертыми объятиями.

— Таковую скрипачку, как ты, — ждут.

— Брось, откуда тебе знать?

— Соню мы возьмем с собой, а матери оставим деньги. Ей хватит, чтобы нанять человека, который будет о ней заботиться.

— Как у тебя все просто!

— Так и должно быть. Усложняют жизнь трусы или неисправимые мечтатели, которым слабо что-то изменить, предпринять решительные шаги. Вот увидишь, у нас все получится.

— Хорошо. Может, ты и прав.

Ирка откинулась на подушки, увлекая Виктора за собой, чувствуя, как потихоньку отпускает ее беспричинная тревога, которая в последние дни не давала спокойно уснуть.

В камеру осторожно проник косой солнечный луч. Валера с угрюмым недоумением поглядел на желтую полоску, полную искрящейся пыли. Ах да, ведь уже наступил апрель. Значит, зима кончилась. Кстати, и день сегодня знаменательный, третье число. Сегодня ему исполняется тридцать один год. А он чуть не забыл об этом, да вот солнышко подсказало. Сколько Валерка себя помнит, всегда на его день рождения начинало припекать первое весеннее солнце. Смех — где он только не встречал свой день рождения, в разных странах и городах, пару раз даже в самолете. Но никогда не думал отметить его в таком месте. Хотя на самом деле смешного мало, это уж он так, хорохорится просто. Понять пытается, как же это никто из оркестра не усомнился в том, что он убийца. Ладно там — вор или какой-нибудь мошенник, но убийца! За кого же его принимали все эти годы, если ни один из тех, с кем он девять без малого лет отыграл в Московском муниципальном, ничего не сказал следствию в его оправдание! Неужели он, Валерка, настолько всем поперек горла встал? От тюрьмы да от сумы не зарекайся — не зря так говорят. И все же где, когда наступил тот момент, когда дорожка незаметно повернула, тихонько так вбок пошла и привела его прямо сюда? Он знал, что и мать, и многие в оркестре считали, что Вера его до добра не доведет. Неужели они правы?

С Верой Муштаковой они вместе учились в школе имени Гнесиных с шестого класса. Она была арфистка, и неплохая арфистка. Но главное ее достоинство было не в этом. Она была невероятно красива. Золотистые волосы, голубые глаза в пол-лица, умопомрачительной длины ресницы — одним словом, так не бывает. Девчонки тихо и люто завидовали ей, ребята трепетали, робели, боялись подойти: вокруг Муштаковой всегда толпились старшекласники. Валерка тоже побаивался Веру, хотя с остальными одноклассницами чувствовал себя весьма уверенно. Иногда на уроках оборачивался в ее сторону и смотрел на чистое, точно мраморное лицо, как смотрят на картину в музее. Верка рассеянно улыбалась, покусывая кончик карандаша, — она не была зазнайкой. Похоже, общее поклонение не избаловало ее, а, наоборот, обременяло, как и всякая слава и известность.

Стояла весна, замечательная, полнокровная весна, когда до начала каникул остается всего ничего, когда так тянет на улицу из душных, переполненных классов, а над тобой, словно дамоклов меч, висит контрольная по английскому и прочие гадости. И вместо того чтобы ходить и рвать едва распустившуюся сирень или гонять в футбол на школьном дворе, нужно сидеть в кабинете, сначала тупо зубрить английские времена, а потом писать долгую и совершенно невозможную контрольную, зная заранее, что все равно тебе обеспечена твердая тройка.

Как-то так получилось, что по английскому задолжали именно они, Рыбаков и Муштакова. Седая, с рыбьим взглядом Анна Егоровна, отдуваясь от жары, посадила их в пустой класс, отметила задание в учебнике, каждому свое, и ушла в буфет пить кофе. И они вдруг проговорили почти час, не закрывая рта и позабыв о ненаписанной работе. А потом лихорадочно делали сообща оба варианта и насажали столько ошибок, что вернувшаяся Анна Егоровна посмотрела на них с изумлением, смешанным с ужасом.

— Как же так? — горько сказала она, покачивая гладко причесанной головой. — Ведь мы проходили это целый год!

Вместо троек оба, и Валерка, и Вера, получили пары. Но почему-то их это совсем не

расстроило. Из школы они пошли вместе, но домой попали лишь поздно вечером, Вера в одиннадцать, а Валерка соответственно в двенадцать, потому что жили они в разных концах Москвы.

С этого дня все и началось. Валерка с удивлением обнаружил, что обожаемая всеми девочка — обыкновенная, самая простая, готовая весело хохотать над приколами и целоваться в углу школьного двора, за помойным баком. Конечно, Веру пытались у него отбить, не на необитаемом же острове они находились. Но она держалась стойко и, похоже, была всерьез влюблена в Валерку. Об этом говорило все: и сияющий взгляд, которым она встречала его, и упорное нежелание замечать пристальное внимание остальных, и то, с какой легкостью, не ломаясь, приехала она к нему домой, когда Валеркина мать улетела на похороны брата в Петербург, и осталась на ночь, наплетя дома с три короба про заболевшую подругу.

В классе никто не сомневался, что после выпускных они поженятся. Так и получилось. Кончились две серии экзаменов — сначала школьных, затем вступительных в консерваторию, и новоиспеченные студенты сыграли свадьбу. Народу была тьма, все веселились, желали счастья молодым — словом, гуляли от души. Среди общей радости недовольным оставался лишь один человек — Валеркина мать. Ее бы воля, никогда бы не дала сыну жениться в восемнадцать лет. Но кто ее слушал? Отца у Валерки не было, растила она его всю жизнь одна, не проявляя особой строгости. Вот и вырастила, на свою голову. Вера ей не нравилась ужасно. Она сама не могла толком объяснить почему — девочка вроде и приветливая, и ненаглая, и профессию имеет в руках, на хлебницей не будет. А вот нет же, что-то так и свербело внутри.

Вера поселилась у Валерки. Молодая семья вела классический для студентов-молодоженов образ жизни. Всем хозяйствам заправляла Валеркина мать, а ребята заявлялись домой только ночевать, целый день торча в консерватории. Жизнь была веселой, беззаботной, в ней существовал только один недостаток — стесненность в средствах. Оба, и Валерка, и Вера, подрабатывали в разных коллективах, играли на презентациях, заменах и прочих шабашках, но все это в свободное от учебы время. А его было немного. К пятому курсу они наконец созрели: сыграли конкурс в не так давно образовавшийся Московский муниципальный. Перспективы у оркестра были хорошие, он уже довольно много гастролировал, и, в отличие от многих других коллективов, молодежь здесь охотно принимали на работу.

Двадцать два года, красавица жена, на которую оборачиваются на улице, престижная, хорошо оплачиваемая работа, и через год — предложение сесть за первый пульт. У кого от всего этого не начнется головокружение, хотя бы самое легкое? Валерке казалось, что в его жизни нет места никаким проблемам, все получалось, как в детстве, само собой, без усилий. Вера виделась ему неким волшебным талисманом, с которого началась череда его удач во взрослой жизни. Он уже не мыслил себя без нее.

А потом были первые длительные гастроли в Амстердам. И там с Веркой, умницей Веркой, гордо смотрящей на всех, кто пускал по ней слюни, что-то произошло. Ей было абсолютно нельзя пить водку. В студенческой компании они в основном хлестали дешевенькое вино, изредка позволяя себе коньяк. Но в оркестре были другие, гастрольные правила. Вера от двух стопок пьянела, начинала тоненько и визгливо хихикать и вообще становилась неузнаваемой. На следующий день она совершенно ничего не помнила, смотрела невинными широко распахнутыми глазами, с ужасом выслушивая про себя

сногшибательные подробности.

В последний вечер перед отъездом Валерка зашел к себе в номер после концерта, в котором жена участия не принимала, и застал ее в постели с запасным ударником. Все было настолько недвусмысленно, что Валера просто обалдел. Тем более что за пять прожитых лет Верка никогда не давала ему повода для ревности. Тогда, в гостинице, он сдержался, дал Леше несильно в морду и выкинул его из номера. А по прилете домой разразился страшный скандал. Настоящий, с криками, битьем посуды и рукоприкладством. Валерка сам не ожидал от себя такого бешенства. Верка, притихшая, испуганная, сидела, сжавшись на табурете в углу кухни, и, всхлипывая, виновато кивала головой. Говорила, что сама не знает, как это получилось, что любит Валерку и согласна любой ценой искупить свою вину. Они помирились. Недельку Верка ходила в темных очках, скрывая от насмешливых взглядов фингал под глазом, потом все начало забываться. Но Валерка уже опасался следующих гастролей. И, как оказалось, не напрасно. Стоило им улететь, как все обещания, данные Веркой, испарились у нее из головы. Напрасно Валерка старался удержать ее от выпивки, сделать это было практически невозможно, особенно когда находишься постоянно на виду и за тобой наблюдает множество неумолимых и насмешливых глаз. Не успел он на секунду отвлечься, как Верка уже была хороша. На сей раз она спуталась с кларнетистом, бесконечно гуляющим налево от своей зашуганной, тихой жены, работавшей в оркестре скрипачкой. Все произошло как и в прошлый раз. А дальше стало повторяться с устрашающей регулярностью. Гастроли, пьянки, гульба, потом выяснение отношений, Веркины слезы, просьбы о прощении, и снова поездки, и опять все сначала. Они перестали мириться и только ссорились. Он прогонял Верку, та уезжала домой, к родителям, Валеркина мать радовалась, уговаривала подать на развод. Но он почему-то не мог этого сделать, а ехал на другой конец города и привозил жену обратно. Она охотно возвращалась, и так продолжалось бесконечно. Потом и гастроли стали не нужны — Верка гуляла в Москве, исчезала после работы, не приходила ночевать. Конечно, нужно было расстаться, и немедленно. И Валерка был уже готов к этому. Но неожиданно все изменилось.

Оркестр должен был лететь в Иркутск, когда Валерку вдруг свалил грипп — свирепый, с температурой под сорок, слабостью и диким кашлем. Он остался в Москве, а Верка уехала. Вернулась она странная, непривычно трезвая после гастролей, с побледневшим и каким-то величавым лицом. Вечером она сообщила Валерке, что беременна, срок уже более трех месяцев. С абортom, которых Верка сделала за эти годы без счета, она опоздала — в чем-то она просчиталась — и теперь собиралась рожать.

Мать была в ужасе.

— Ты даже не знаешь, чей это ребенок! — кричала она Валерке. — И в каком состоянии он был зачат! Родится урод, тогда посмотришь!

Родился Денис. Он был абсолютно здоровым и крепким и походил на Валерку с первого дня, и чем дальше, тем больше. Вопросы установления отцовства отпали сами собой.

Валерка глядел в осунувшееся, белое, но все равно прекрасное лицо жены, склоненное над малышом, и не верил своим глазам. Неужели все еще можно вернуть? Когда Вера кормила ребенка, глаза ее светились, она перестала курить, а о водке вообще позабыла. Даже мать сначала недоверчиво косилась на невестку, а потом потихоньку начала креститься на икону в углу. В доме воцарился мир.

Никогда жена не была так дорога Валере, как в эти месяцы. Она сидела дома, готовила прикорм для малыша, гуляла с коляской во дворе, и, когда они втроем по выходным ходили в

парк, Валерка, как прежде, ловил на себе завистливо-восхищенные взгляды прохожих — какая красивая пара, какой чудесный ребенок.

Прошло полгода, Верка стала грустнеть на глазах, раздражаться по пустякам и однажды без обиняков заявила, что больше сидеть взаперти не может. Ей нужна работа, люди, иначе она сойдет с ума.

Валерка, подумав, согласился. В конце концов, Вера была музыкантом, а музыкант без своей работы может зачахнуть. Денег им вполне хватит, чтоб нанять хорошую няню, тем более кормить Дениску жена перестала. Мать тут же заявила, что никакая няня не нужна, она сама справится с ребенком, благо может уйти на пенсию хоть сейчас.

Так и поступили. Мать уволилась из школы, Вера вышла на работу. И вскоре все началось сначала. Только теперь дело обстояло значительно хуже: расстаться с Веркой стало означать расстаться и с маленьким Денисом: Верка работала, к суду не привлекалась, и лишит ее родительских прав никто не мог. Мать прекрасно понимала это, и о разводе уже не заикалась. А Валерка устал от всего этого: от пустых надежд, ожиданий по ночам, стыда. Чтобы вышибить клин клином, он тоже стал гулять. В какой-то мере это помогало — отвлекало его от тяжелых мыслей, но на трезвую голову проводить так время не получалось. Приходилось прибегать к Веркиному способу, и вскоре это стало его образом жизни.

Работать у Кретова стало неудобно, Валерка с трудом заставлял себя смотреть в глаза ребятам, ему все время казалось, что они смеются у него за спиной, а кто-то и откровенно в лицо. Из этой ситуации он нашел своеобразный выход: вспомнив, что лучший способ защиты — нападение, он старался каждого задеть первым, подколоть, высмеять, и вскоре с ним перестали связываться, опасаясь острого языка и откровенной грубости. Зато теперь он был уверен, что никто не смеет смеяться ни над ним, ни над Веркой.

Все кончилось неожиданно. Однажды Верка явилась домой под утро, что давно стало нормой, и с порога заявила равнодушно взиравшему на нее мужу:

— Я ухожу.

— Уходи, — спокойно ответил тот. Она теперь уходила каждую неделю, но неизменно возвращалась домой, изрядно потрепанная и без копейки в кармане. Никому надолго не была нужна ни она сама, ни ее красота, слегка потускневшая под влиянием бурного образа жизни.

— Дурак, — сухо проговорила Верка. — Я совсем ухожу. Из оркестра.

— Куда? — удивился Валерка. Арфистки никогда не были нарасхват, поэтому посреди сезона бросать многолетнюю работу — это в высшей степени странно.

— Все равно куда, лишь бы больше не видеть этого говна. Музыку я бросаю.

Валерка не поверил ей, решил, что у нее по пьяни съехала крыша. Однако назавтра Верка действительно пошла в отдел кадров и забрала трудовую книжку. А вечером покидала в чемодан часть вещей и уехала. Через неделю она не вернулась, только исправно звонила каждый вечер и спрашивала, как поживает Денис. Сын поживал хорошо, потому что привык видеть маму крайне редко, и то всегда навеселе, а все основные заботы о нем с самого раннего детства взяла на себя бабушка.

Верка явилась лишь через месяц — дать на подпись мужу заявление о разводе. Теперь Валера не сомневался в серьезности ее намерений — она была совершенно трезвая, неузнаваемая, по-новому одетая — в строгий офисный костюм, какие раньше никогда не носила. Она сообщила Валерке, что познакомилась с человеком, за которого собирается выйти замуж сразу после развода. Он иностранец, бизнесмен, имеет свое дело в Москве и в

Германии, и Верка теперь работает в его фирме рекламным агентом. Вскоре Валера имел честь познакомиться с ее будущим мужем — это был средних лет лысоватый, плотный мужик, приветливо улыбочивый, ловко изъясняющийся на ломаном русском и, казалось, абсолютно не замечающий Веркиной красоты. Он смотрел на нее рассеянно, как сквозь стекло, дружески похлопывал по плечу, а она ловила его взгляд и вся светилась каким-то непривычным покоем и удовлетворенностью.

— Что ты в нем нашла? — полюбопытствовал изумленный Валерка. — Козел какой-то, он же ростом ниже тебя, и брюхо свисает до колен.

— Он меня любит, — холодно объяснила Верка. — А остальное для меня неважно.

— А я тебя не любил? — Валерка вытаращил глаза. — Сколько лет терпел твои фокусы — интересно, чего ради?

— Ты ошибаешься, — спокойно отрезала Верка. — Ты, Валер, любил не меня, а себя рядом со мной. Меня ты и не замечал, только то, как смотрят на меня другие. А Йохан меня спас... от самой себя. Прости, я не смогла быть твоим знаком качества, я хотела стать человеком.

Он ничего не понимал. Выходило, что он же еще и виноват в том, что Верка оказалась блядью. Он был решительно с этим не согласен, что и высказал Верке, не стесняясь в выражениях. Она выслушала молча, вздохнула и пошла к дверям. На ходу обернулась и бросила вскользь:

— Если ты не против, Дениса забирать не буду. Пусть живет с вами, я знаю, что мать из меня никудышная. Только если ты не против.

Конечно, он не будет против, вырастят они Дениску вдвоем с матерью, это лучше для ребенка, чем мотаться между Москвой и Мюнхеном и слушать корявую речь Йохана. Да и долго ли Верка продержится паинькой, тоже вопрос.

Они развелись, Верка уехала окончательно, но регулярно навещала ребенка, приносила подарки, продукты. А у Валерки с ее отъездом словно что-то заклинило внутри. Стало пусто, так пусто, как не было никогда за все эти жуткие годы. Он так привык ругаться с Веркой, ждать ее, презирать ее и прощать, что ему стало совершенно нечем жить. Злость его на окружающих усилилась еще больше, он стал пить с утра, понимая, что давно пора остановиться, но успокаивая себя тем, что он же не алкоголик и в любой момент, когда захочет, тут же бросит. Партии дома не открывал, во время репетиций не мог сосредоточиться и играл невесело. Держался он более или менее лишь на концертах, но и там вскоре стали заметны срывы. Кретов бушевал, Валерка смотрел на дирижера тяжелым и угрюмым взглядом, тот зверел еще больше. Ребята старались не заговаривать с ним первыми, многие молча отворачивались...

И вот теперь он совершенно один, никого нет, ни друзей, ни близкого, преданного человека...

Нет, неправда. Один человек есть. Напрасно Валерка старается даже мысли не допустить об этом. Все равно себя не обманешь. Кого угодно можно надуть, только не себя.

Валерка с ясностью вспомнил тот день, когда Аля в первый раз пришла на репетицию в оркестр. Он лаялся с Чегодаевым из-за очередного своего опоздания, Васька требовал писать объяснительную, Валерка отбрыкивался, потому что объяснять было нечего, он таких записок сто штук накатал за последние месяцы. И в это время подошла она.

— Гляди, это новенькая наша. — Васькины глазки сразу стали масляными. — Бажнина Алина. Алечка. Скрипачка.

Ее взгляд задержался на нем чуть дольше, чем обыкновенно при знакомстве. Совсем чуть-чуть, капельку дольше. Но Валерка это заметил. Оцепенение и вялое равнодушие ко всему, овладевшее им в последнее время, начало рассеиваться.

— А ты ей понравился, — зло и весело пробормотал Васька, когда новенькая отошла на свое место. — Ей-богу, у меня глаз алмаз на такое. Ишь как зыркнула.

Алька в оркестре прижилась быстро, периодически уезжала с репетиций на чегодаевской «десятке», весело болтала с ребятами в курилке, но время от времени Валерка, случайно обернувшись, ловил на себе взгляд ее внимательных, темных глаз. Все он, конечно, видел, не слепой же, в самом деле. Но не до того ему было, пока Верка жила дома и каждый день существовала опасность, что она уйдет и заберет с собой Дениса. А потом просто не осталось у него сил ни на что.

После стычки с Кретовым Валерка почувствовал, что ему абсолютно все равно, что с ним будет дальше. Он готов был уйти из оркестра и вообще завязать с музыкой, пусть все катится к черту, плевать! Не может он больше так. Если бы кто-то поговорил с ним — просто, по-человечески, без дежурной жалости и отстраненного сочувствия...

Тут-то и пришла к нему в номер Алька. Ничего особенного она вроде бы не сказала, никаких таких слов, но почему-то Валерке стало легче. А может, дело было не столько в словах, сколько в самой Альке? Было в ней что-то такое, что притягивало многих, какая-то жизненная сила, искренность, теплота...

Так или иначе, но после ее визита Валерка вдруг ощутил, что жизнь продолжается, что ничего еще не потеряно безвозвратно, можно вернуть и интерес к работе, и уважение к себе, и... И, кто знает, до чего еще бы он дозрел в тот день, получив у Кретова прощение и разрешение остаться в оркестре, если бы все не кончилось так ужасно?

А теперь что? Остается только локти кусать, что был таким дураком, поддался своей слабости, поплыл по течению, не поняв, что проходит мимо чего-то важного, серьезного в своей жизни. Если бы только Валерка знал, что Алька окажется единственной, кто не поверил в его виновность, что она, не задумываясь, пойдет на риск, пытаясь вытащить его отсюда! Если бы только мог предположить, что он так много для нее значит!

Лучше и не думать об этом. Сейчас важно заставить Альку остановиться, любой ценой заставить! Нечего ей мелькать под носом у тех, кто на самом деле угробил Кретова, это смертельный номер. И сюда ей ходить нечего, только душу травить им обоим. Все равно ничего уже не изменить.

Алька открыла глаза. Светло, — значит, ночь прошла. Ничего не случилось, она жива, дом не взорвали, квартиру не подпалили, что еще им там в голову может прийти. На раскладушке тихо посапывала Галя, на полу, завернувшись в одеяло, спал Андрей.

Алька тихо, стараясь не шуметь, слезла с тахты и прошлепала на кухню. Поставила чайник, разбила яйца, добавила молоко, перемешала. На работу сегодня она не пойдет. Будь что будет, потом как-нибудь объяснит Ирке, почему прогуляла перед самым концертом в Большом зале Московской консерватории. После завтрака они с Андреем на первой электричке отправятся в Александров. Андрей вчера сказал так:

— Если они настолько волнуются из-за твоей поездки на дачу, значит, там действительно что-то было важное, чего ты не заметила, отвлекшись на соловьевские вещи. Надо искать труды Кретова, скорее всего, в них разгадка, и очень вероятно, что часть их все же осталась на даче. Эту часть искали, но не нашли и опасаются, что ее обнаружишь ты, поэтому угрожают: не предпринимай, мол, никаких шагов. Звонить никому нельзя, телефон может прослушиваться.

Этот разговор происходил в ванной, под шум льющейся воды, потому что Андрей не исключал наличие тайно установленных в квартире «жучков».

— Ты уж мне поверь, я за время работы у шефа многого навидался, собаку на этом деле съел. — После консерватории Андрей неожиданно для всех стал охранником. «Лучше хороший охранник, чем плохой пианист», — объяснил он свое решение. И если честно, это занятие ему больше подходит.

Скрипнули половицы. На кухню вышла Галя, сладко зевнула, протерла ладонью глаза. На узком, удлинённом личике ее горел яркий румянец, как у детей после сна. От нее веяло спокойствием, уютom, домашней простотой, и на мгновение Аллька ощутила незлую зависть: хорошо, наверное, быть вот такой — всегда довольной, терпеливой, нетребовательной, мягкой и умиротворенной. Почему ей, Алльке, так не удается?

— Доброе утро, — весело проговорила Галя и снова зевнула.

— Привет! — Аллька налила девушке кофе, поставила перед ней тарелку с омлетом. — Прости, что заставила вас вчера тащиться сюда на ночь глядя.

— Ничего, — беспечно отмахнулась Галя. — Даже интересно.

Интересно ей! Вот дуреха. Посмотрела бы Аллька на нее, если бы перед ее носом свалился с потолка остроугольный софит. А впрочем, чего удивляться, ей лет-то сколько.

— Ты где учишься? — спросила она Галлю.

— В медучилище. Кончаю в этом году. — В Галином голосе звучала гордость.

— А с Андреем где познакомилась? — довольно бесцеремонно поинтересовалась Аллька.

— Я ему уколы делать приходила, когда он болел. Недавно совсем. Я в поликлинике на полставки работаю.

— Вот не думала, что от гриппа делают уколы, — удивилась Аллька.

— А у него вовсе и не грипп был, — серьезно ответила Галя.

— А что?

— Воспаление легких, причем двухстороннее.

— Ладно людей пугать, — послышался недовольный голос Андрея, и он появился на

пороге перед девушками. Вид у него был смущенный.

— А почему нельзя сказать правду? — наивно любопытствовала Галя.

— Потому, — сурово отрезал Андрей.

Алька отвернулась к плите, чтобы скрыть улыбку. Ловко девчонка его заложила: это значит, он сюда сразу после воспаления легких прибежал — в последний раз убедиться, что она, Алька, не передумала. Чувствовал, что с Галей может получиться серьезно. То-то лицо у него такое красное было, а говорил — с морозу.

— Завтракайте быстрее, нам с Алей на электричку успеть надо. — Резковатым тоном Андрей пытался скрыть неловкость от своего разоблачения.

— Я поеду с вами, — пискнула Галя.

— Еще чего! Ты домой пойдешь, у тебя девять билетов не готово, провалишься как пить дать.

— Не провалюсь, возьмите меня с собой!

— Сказано тебе, нет, — твердо сказал Андрей. — Это тебе не поход на дискотеку. Развлекаться будем в другом месте.

Галя послушно замолчала, нисколько при этом не обидевшись, — она быстро уплетала омлет, весело блестя большими серыми глазами из-под густой, спадающей на глаза челки.

— Значит, так. Выходим из дому вместе. Ловим машину, только не первую, какая остановится, а вторую или лучше третью. Едем сначала к Гале домой. Оттуда — на вокзал. Заодно поглядим, не будет ли хвоста.

— Как в шпионских фильмах, — со страхом и восторгом проговорила Галя.

Алька только поежилась. Теперь отступать некуда — или дойти до конца, или погибнуть. Дальше придется действовать без Ленки, она не может подвергать подругу смертельному риску, на который идет ради Валерки, а Андрей — ради своей неудавшейся любви к ней.

Они вышли из подъезда, пропустили несколько машин и сели, наконец, в вишневую «девятку». За рулем сидел молодой светловолосый парень в темных очках, Альке он показался подозрительным, но она подчинилась Андрею, велевшему садиться в салон. Всю дорогу парень трепался по мобильнику, держа руль одной рукой. Машина неслась на огромной скорости, на поворотах тормоза взвизгивали, и Галя испуганно хватала Альку за рукав куртки. В конце концов «девятка» лихо подкатила к Галиному дому.

— Посиди, я сейчас. — Андрей вылез из машины, помог выйти побледневшей Гале и повел ее к подъезду, по дороге что-то говоря девушке на ухо.

Алька настороженно смотрела в стриженный затылок водителя. Тот, убрав трубку, спокойно развалился в кресле. В зеркале Альке было видно его лицо, сразу ставшее сонным и туповатым. Челюсти парня медленно и методично двигались, пережевывая жвачку. Он ухватил Алькин тревожный взгляд, обернулся, опираясь рукой о спинку сиденья:

— Что, укачало?

Тон у водилы был не злой, а вполне сочувственный, только внешность напоминала Альке героев боевиков.

— Да нет, ничего, — как можно равнодушной произнесла она.

— А чего такая бледненькая? — засмеялся парень. — Я б и помедленнее мог, это ваш приятель меня попросил жать сто тридцать. Видать, спешит куда.

— Спешит, — Алька отвечала кратко, просто чтоб хоть как-то поддержать разговор и не казаться подозрительной. Мало ли, вдруг этот белобрысый не случайно тормознул около

них?

— Подружка-то твоя, смотрю, совсем в штаны наложила, еле ноги переставляет. — Парень отвернулся, явно недовольный Алькиной немногословностью, закурил, поглядывая на часы.

Из подъезда появился Андрей, подошел к переднему окошку, что-то вполголоса объяснил парню. Слов Алька не расслышала, но белобрысый выкинул недокуренную сигарету, подобрался и крутанул стартер. Андрей сел спереди, хлопнул дверцей, и машина понеслась еще быстрее прежнего. Парень уже не разговаривал по телефону, и обе его руки в зеленых наколках твердо лежали на руле. Через двадцать минут они были на вокзале. Андрей протянул белобрысому три сотенные купюры, парень удовлетворенно кивнул, спрятал их в карман и умчался, оставив щедрых пассажиров у обочины.

Электричка уже стояла на платформе — длинная, невероятно грязная, словно уходила она не из Москвы, а из какой-нибудь Тмутаракани. В отличие от выходного дня, вагоны были полупусты. Андрей и Алька уселись в самом конце вагона. Заметив, что Алька судорожно озирается по сторонам, Андрей улыбнулся:

— Расслабься. Здесь тебе ничто не угрожает — слишком много свидетелей. Те, с кем мы имеем дело, предпочитают несчастные случаи. Поэтому просто держись поближе ко мне.

Рядом с Андреем Алька чувствовала себя гораздо увереннее, страшное видение падающего прожектора, со вчерашнего дня неотступно преследовавшее ее, начало меркнуть. Электричка весело бежала мимо бесконечных огородов и дачных участков, за окном мелькали неразличимые на скорости названия станций, которые поезд проезжал без остановок.

— Как думаешь, удастся нам определить, почему похитили рукописи? — вполголоса спросила Алька Андрея, задумчиво глядящего в окно.

— Сначала нужно их найти, — усмехнулся тот. — И давай-ка не будем обсуждать это в вагоне.

— Сколько Гале лет?

— Восемнадцать. Мы собираемся пожениться — где-нибудь летом.

— На свадьбу пригласите?

— Обязательно.

— Вторая свадьба за будущее лето, — отметила Алька. — Сестра замуж выходит, в Воронеже.

— Я все хотел у тебя узнать. Кто из вас старше? Ну я имею в виду, кто раньше родился?

— А ты как думаешь? — хитро прищурилась Алька.

— Думаю, она.

— Ничего подобного! Я, конечно. За это с меня предки три шкуры драли в детстве. Мол, ты — первая, с тебя и спросу больше. А я старше-то на четыре минуты! Так обидно было!

— Значит, обскакала тебя младшая сестренка, — констатировал Андрей.

— Значит, обскакала.

Алька помрачнела, вспомнив о недавнем свидании с Валеркой. Не зря, выходит, он так разозлился на нее тогда за то, что сунулась в опасное дело, как в воду глядел. Хорошо еще, ему ничего не известно о том, где она сейчас, куда и зачем едет. Ну и пусть злится сколько влезет. Ему, видно, хочется просидеть восемь лет в тюрьме, а она, Алька, такого позволить никак не может.

Через стекло настойчиво стало припекать солнце, и Алька, спавшая ночью всего несколько часов, почувствовала, что ее неодолимо клонит в сон. Глаза закрывались сами собой, вагон то и дело превращался в огромную лодку. Лодка плавно покачивалась на волнах, Алька вздрагивала, поднимала голову, смотрела на Андрея обалдевшим, затуманенным взглядом.

— Поспи, что ты мучаешься. — Он пододвинулся поближе, подставив ей под голову свое плечо. — Ехать еще будь здоров, так что спи себе.

Алькины глаза тут же слиплись окончательно. Все утонуло в темноте, и лишь мерный стук колес слышался словно издали, успокаивая и баюкая...

Она очнулась оттого, что Андрей легонько потряс ее за плечо:

— Аля, приехали. Александров. Давай просыпайся.

Алька устала в окно на заполненный людьми перрон. Спина от двухчасового сидения на жесткой скамье не разгибалась.

Когда они сошли по ступенькам к автовокзалу, был полдень. Им повезло — поселковый автобус, набравший пассажиров, медленно разворачивался на кругу. Андрей и Алька запрыгнули в заднюю дверь и уселись на два единственных свободных места. Публика вокруг была сплошь местная, с мешками, рюкзаками и авоськами. Все переговаривались между собой, и в салоне стоял легкий и ровный гул.

— Ты уверена, что нам удастся раздобыть ключ? — спросил Андрей Альку на ухо.

— Уверена, если только строители с соседнего участка куда-нибудь не ушли.

— А что они там строят?

— Не знаю, кажется, баню.

— Не уйдут, — успокоил Андрей. — Бани так быстро не строят, тем более если за бригадой никто неделю не следит. Они и месяц будут колупаться без надзора. Небось не просыхают?

— Конечно.

— Сколько, говоришь, у Кретова комнат в доме?

— Четыре. Две внизу, две наверху. Еще веранда есть, на нее я не заходила.

— Не так и мало для тщательных поисков. Только бы не оказалось, что нас опередили.

За полторы недели в поселке все неузнаваемо изменилось. Окончательно стаял снег, и под ногами чавкала жирная, разъезженная шинами грязь. Благодаря теплой погоде придорожный ивняк уже выпускал первые овальные почки, маленькие серые трясогузки оживленно рыскали в земле в поисках червяков.

Огромный забор кретовского участка был виден издали, с самого начала улицы. Алька, взглянув на него, почувствовала невольную дрожь: как она ухитрилась перелезть через такое сооружение?

Калитка на соседний участок была закрыта, но не на замок, а на щеколду. Андрей без труда отодвинул ее, и они оказались в необъятном саду, среди многочисленных голых деревьев.

— Ничего себе! — с восторгом воскликнул Андрей. — Какая же здесь красотища в мае, когда все это цветет!

Алька нетерпеливо потянула его вперед, по той самой тропинке, которой вывел ее к калитке Тарас. Вокруг было тихо, но она утешалась тем, что во дворе обязательно кто-то есть — не могут ворота просто так быть не заперты. В крайнем случае придется объясняться с владельцем дачи, просить, чтоб тот пустил их в кретовский дом.

Впереди, за деревьями, показался вагончик, выкрашенный поблекшей зеленой краской. Рядом никого не было. Алька осторожно постучала в обшарпанную, слегка покосившуюся дверь. Ответа не последовало.

— Наверное, выходной себе устроили, — предположил Андрей. — Ушли в деревню.

— Да нет, — возразила Алька, — они тут и живут. Среди них один только деревенский, остальные приезжие. Давай пойдем.

Андрей толкнул дверь, которая тут же жалобно заскрипела. В бытовке царили грязь и беспорядок, прямо на полу валялись окурки, пустые бутылки, какие-то тряпки и обрывки газет. В середине стоял самодельный столик, покрытый обветшалой клеенкой, на нем — горка грязной посуды и тоже бутылки, стульев вокруг стола не оказалось. Угол был отгорожен плотной засаленной занавеской.

— Ну и погуляли! — присвистнул Андрей, рассматривая запущенную и убогую обстановку вагончика. — Спят теперь где-нибудь на участке, пока хозяин в городе бабки зарабатывает.

Из-за занавески вдруг отчетливо послышался храп. Алька прыснула, подошла на цыпочках, откинула край шторы. На некоем подобии топчана, подложив под голову ватник, богатырским сном спал Петро. Лицо его и во сне оставалось таким же мрачным и угрюмым, одна рука свешивалась вниз, почти касаясь пола, другая лежала на груди, как у покойника. Глядя на этого здоровенного, сизого от водки мужика, Алька еще раз мысленно благословила хозяина дачи, явившегося в самый нужный момент. Петро меж тем что-то почувствовал, заворочался, басисто всхрапнул напоследок и открыл осоловевшие глаза. Ни Алька, ни Андрей поначалу не попали в круг его зрения. Он медленно, тяжело вращал зрачками, с трудом соображая, где находится. Потом лицо его прояснилось, он, кряхтя, поднялся, сел на кровати, озираясь по сторонам, и тут наконец заметил непрошенных гостей.

— Кто такие? — просипел мужик сорванным, свистящим голосом. Он явно не узнавал Альку.

— А Тарас где? — спросила та, радуясь, что Петро обнаруживает способность разговаривать.

— Вы насчет крыши, что ли? — догадался Петро.

Алька поспешно кивнула, незаметно дернув Андрея за руку.

— Так и не зрбил, шельмец! — не то спросил, не то подтвердил сам себе Петро и встал окончательно, слегка пошатываясь. — Погодите, щас сам побачу, шо там у вас. Водички только попью.

— Да не надо, — испугалась Алька. — Нам сейчас не к спеху. Вы лучше скажите, где его найти, Тараса. Мы с ним сами все решим.

— А я тебя, девка, кажись, знаю. — Петро пригляделся, сощуривая свои и без того узкие, заплывшие глаза. — Ты на прошлой неделе не приходила до нас?

— Вот насчет крыши и приходила, — не моргнув глазом соврала Алька, хотя внутри у нее все похолодело от ужаса. Не хватало, чтобы Петро с пьяных глаз выложил Андрею все, что тут произошло на прошлой неделе!

— До пруда ходите, — неопределенно махнул рукой Петро, удовлетворившись Алкиным ответом. — Там Тарас. Рыбачить пошел с хлопцами.

— А хозяин ваш дома? — встрял Андрей.

— Не, — ответил Петро, выходя из-за занавески. — В Москве хозяин.

— А пруд где?

— На месте, где ж ему быть? — удивился мужик. — Дорогу перейдете, и как раз.

Больше Алька расспрашивать мужика не решилась, надеясь, что пруд и Тараса они разыщут сами. Кроме него, ключ от дачи Кретьова им никто не даст, это ясно.

Улица, где стоял дом Кретьова, была последней в поселке, за ней дальше не было построек. Алька и Андрей перешли на другую сторону и уткнулись в заросли ивняка.

— По-моему, это не здесь, — пожал плечами Андрей, но тем не менее мужественно шагнул в паутину из упругих прутьев.

Алька, морщась и прикрывая лицо, двигалась за ним. Вскоре ивняк начал постепенно редеть, потянуло сыростью и показался пруд — небольшой, напоминающий скорее болото. На противоположном берегу тлел полупогасший костер. Вокруг него сидело несколько мужиков и две девушки. Компания негромко переговаривалась, девушки изредка пронзительно взвизгивали, после чего слышалось ржание и матерные реплики. В воде лежала пара удочек, упертых в камни.

— Вон он. — Алька указала на расположившегося в центре группы Тараса. Он лежал, вытянув длинные ноги в высоких, болотных сапогах, голова его удобно устроилась на коленях одной из девиц.

— Позвать его? — спросил Андрей.

— Позови.

— Тарас! — крикнул Андрей, сложив ладони рупором.

— А! — гаркнул тот с другого берега.

— Подойди сюда! Дело есть.

— Щас! — Тарас поднялся, стряхнул с рубахи и штанов налипший травяной мусор и зашагал вдоль пруда к Альке с Андреем. Через несколько минут он показался из-за кустов слева, вопросительно взглянул на Андрея, потом перевел глаза на Альку и заулыбался.

— Э! Опять ты? Соскучилась, никак? Кто это с тобой?

— Брат, — отрезала Алька.

— А не похож! — загоготал Тарас.

— Мы от разных матерей, — серьезно проговорил Андрей, слегка надвигаясь на Тараса.

— Понял, понял. — Тот поднял руки и отступил к воде. — Звали чего?

— Дай ключ от дома Павла Тимофеевича, — попросила Алька.

— Зачем? Снова сумочку свистнули? — Тарас перестал улыбаться, глядел на Альку и Андрея прищурившись, сплевывая сквозь зубы шелуху от семечек.

— Нет. — Алька отвернулась в сторону.

— А нет, так и нечего голову дурить, — неожиданно зло проговорил Тарас. — Думаешь, я тебя в тот раз не раскусил? Шли бы вы, а то я ведь хлопцев кликнуть могу.

— Я тоже кое-что могу, — вскипела Алька. — Например, хозяину вашему рассказать...

— Варежку заткни, — грубо бросил Тарас. — Расскажет она! Я сам сначала расскажу, как ты по чужому двору шастала.

— Тихо, тихо, — перебил Андрей. — Ты, Аля, я вижу, мне не все передала. Ему придется объяснить.

— Что?!

— Все или частично все, иначе нам на дачу Кретьова не попасть.

— Я не могу, — угрюмо пробурчала Алька.

— И не надо. Я сам, — спокойно проговорил Андрей.

Тарас, недоверчиво насупившись, непонимающе смотрел то на одного, то на другого.

— Слушай, парень, дело обстоит так. Кретова убили, ты это знаешь.

Тарас нехотя кивнул.

— Кто его убил — неизвестно. Милиция искать особенно не стала, но, разумеется, просто так дело не оставила и арестовала одного человека. Он невиновен, но ему придется сидеть за чье-то преступление, и не один год. Сечешь?

— Ну. — Тарас пристально и ожидающе глядел на Альку, но та уставилась себе под ноги.

— Мы не можем ничего тебе доказать, но говорим правду. Этот парень... В общем, она, — Андрей махнул в Алькину сторону, — очень не хочет, чтобы его осудили. Ты меня понял?

— Дальше что? — спокойно и холодно произнес Тарас.

— Дальше нам нужен ключ. Мы будем искать одну вещь, которая должна изменить ход дела, и, надеюсь, найдем, если ты нам поможешь, конечно, и не станешь поднимать шум.

— Ты за этим приезжала? — поинтересовался Тарас у Альки.

Та кивнула. Осторожно подняла лицо, ожидая встретить в его взгляде наглую усмешку. Но голубые, точно васильки, глаза Тараса смотрели на нее мягко и удивленно. С минуту он что-то взвешивал в уме, пытаясь постигнуть услышанное, и наконец решился:

— Лады. Пошли, только отыщите когда, все поставите как было. Шоб родственники потом не лаялись. — Он, не оборачиваясь, нырнул в ивняк.

Через пять минут Тарас вынес ключи Альке и Андрею, стоящим у порога бытовки, и предупредил еще раз:

— Коли пропадет чего, так меня посадят. — Он усмехнулся: — За меня девка небось не побежит в ментовку!..

Участок Кретова не хранил никаких следов посещения. Алька отперла дом и с облегчением увидела, что с прошлого ее посещения здесь никто не появлялся. Только сейчас она вспомнила, что забыла вырубить пробки — лампочка зажглась сразу, как только она щелкнула выключателем. На полу отчетливо виднелись следы Алькиных ботинок, нещадно вымазанных в грязи. Ничего, что бы свидетельствовало о поисках в доме, обнаружить не удалось.

— Счастлив наш Бог, — пробормотал Андрей, внимательно разглядывая роскошную обстановку дачи. — Сколько ж средств в это вгροхано! Мебель-то антикварная, цены невероятной.

— Так он и зарабатывал, — пояснила Алька.

— Брось, — покачал головой Андрей. — Мой шеф, на что крутой, но и ему такого не потянуть. За это, скорее всего, и пришили твоего Кретова, тут явно криминальные доходы.

— Скажешь тоже, — рассердилась Алька. — Откуда у дирижера криминальные доходы?

— Знал бы — не сидел бы в тюрьме твой Рыбаков, — засмеялся Андрей. — Ну что, давай искать эти чертовы переложения.

— Легко сказать — давай. С чего начинать?

— Вот отсюда и начнем. Выдвигай ящики комода, а я проверю пианино.

Алька вытащила один за другим три тяжелых ящика дубового комода. В них оказался всякий хлам, старые квитанции за электричество, перегоревшие лампочки, гвозди, какое-то тряпье, несколько ложек и вилок из нержавеющей стали. Ничего ценного Кретов в комode не хранил. Андрей тем временем откинул крышку пианино, аккуратно снял верхнюю деку, оглядел фортепьянные внутренности.

— Пусто-пусто. Как в домино, — пошутил он, стараясь ободрить Альку. — Ничего, не переживай, у нас в запасе три комнаты и терраса.

В столовой рукописи тоже не нашли, хотя Алька обшарила все многочисленные посудные горки, надеясь отыскать хоть что-нибудь в недрах полок.

— Когда по будням последняя электричка? — спросил Андрей, присаживаясь к столу.

— Кажется, в пять.

— Плохо. До пяти осталось два часа. А нам еще на автобус попасть нужно.

— В крайнем случае машину возьмем, прямо до Москвы. — Алька вздохнула, представляя, в какую жуткую сумму это выльется. Один бензин от Александрова стоит рублей триста. А сколько возьмет местный водитель, которому потом надо будет вернуться обратно? Не меньше тысячи. Ну да ничего не поделать.

— Отдохнем и рванем в спальню, — решил Андрей.

— В спальне точно нот нет, — возразила Алька. — Я там все шкафы перерыла.

— Есть еще кровать — под ней-то ты не глядела. Ящики могут оказаться там.

— Или чемоданы, — уточнила Алька, вспомнив про чемоданы в квартире Вертуховой.

В спальне они отодвинули тяжелую кровать, проверили тумбочки, но нигде не завалилось ни листика из партитур. С каждой минутой Алькины надежды таяли. Она лихорадочно соображала, за что еще можно уцепиться в деле Кретьова, кроме этих злосчастных переложений, и ничего не могла придумать. Электричка давно ушла, ловить машину до Москвы нужно было с минуты на минуту, иначе из близлежащей деревни никто не согласится ехать на ночь глядя, или, что скорее всего, там не останется никого трезвого. Но Алька и Андрей никак не могли остановиться. Последней они обыскали комнату, находящуюся рядом со спальней, про которую Ленка сказала, что она предназначена для гостей. Там от пола до потолка шли бесконечные стеллажи, забитые оркестровыми партитурами, но все они, увы, оказались подлинниками, а не кретьовскими транскрипциями. Пересмотреть такую кипу нот оказалось делом изнурительным, сил на террасу не оставалось.

— Останемся до утра? — Андрей поглядел на Альку, едва стоящую на ногах от усталости.

— Здесь? — испугалась та.

— Можно и здесь, что такого. Поспим до рассвета, а там со свежими силами будем террасу потрошить.

На лестнице слышались приглушенные шаги. Алька вскочила со стула, прижимаясь к стенке, Андрей бесшумно стал за дверь. Шаги приблизились, и на пороге показался Тарас.

— Не нашли еще? — Он с недоверием оглядел комнату, замусоренную бумажным крошевом, сыпавшимся с ветхих нот.

— Нет, — устало и безнадежно ответила Алька.

— Подмести надо.

Тарас исчез. Потом вернулся, неся веник и совок. Алька протянула было руку, но он вывернул веник в сторону:

— Ладно, сам я, сидай на место. — Он ловко стал мести блестящий паркет вокруг Алькиных ног. От него пахло дымом и немножко прудовой тиной, и почему-то Алька успокоилась. Они переночуют здесь, а завтра с утра обязательно найдут то, что им нужно. Не может быть, чтоб у Кретьова не завалилась хоть пара черновичков в самом любимом его месте обитания.

— Везде побачили? — как бы угадав ее мысли, поинтересовался Тарас.

— Веранда осталась. Но сегодня уже нет сил.

— Еще бы, — хмыкнул Тарас. — Весь день шукаете, я уж крышу настелил у одних там, а вы все роете. Як кроты! Ночевать где думаете? Тут нельзя.

— А мы хотели тут, — растерялся Андрей.

— Не, тут я вас оставить не могу. До нас пойдем, в подсобку.

— Нет уж, спасибо, — фыркнула Алька, вспомнив затхлую, грязную хибару и храпящего Петро. — Лучше на крылечке посидеть.

— Зря ты, — буркнул Тарас, заканчивая подметать. — Я ж там убрал. Петро в ночное рыбачить пошел, у нас еще две раскладушки есть. И повечерять не мешало.

— Пожрать охота, — подтвердил Андрей.

При его словах Алька почувствовала острую резь в желудке. Елки зеленые, это ж они с утра, кроме омлета, ничего не ели. Она-то ладно, а бедный Андрюшка! Алька посмотрела на него с благоговейным трепетом, почти как на святого. Подумать только, на какие жертвы он идет ради нее, да еще совершенно бескорыстно.

— Ладно, — согласилась Алька. — Идем вечерять.

Втроем они спустились вниз, заперли дом и перебрались на соседний участок. Вагончик действительно нельзя было узнать: пол явно вымыт, клеенка на столе начисто протерта, откуда-то появились два колченогих стула. А главное — в бытовке не было Петра, вид которого действовал на Альку устрашающе. На прежде не замеченной Алькой электроплитке у единственного крохотного окна кипела в котелке картошка.

— Сидайте, — пригласил гостей Тарас, сам полез куда-то на полку и вытащил большой кусок сала, обернутый в целлофан, и половину черной буханки.

Алька с наслаждением опустилась на стул, но тот угрожающе качнулся под ней. Андрей, увидев это, остался стоять в нерешительности, опасаясь, как бы другой стул не проломился под его могучей фигурой. Тарас, войдя в его положение, притащил со двора большое стесанное с одного бока полено, а сам пристроился на стуле напротив Альки. С голодухи картошка с салом показалась ей самой вкусной пищей на свете, а сам Тарас — почти лучшим другом. Обстоятельства первой их встречи совсем потускнели в Алькиной памяти, и осталась только благодарность за помощь, стол и ночлег. Поужинав и попив чаю, разошлись каждый в свой угол, Тарас — за занавеску, Андрей с Алькой — на раскладушки.

В бытовке наступили тишина и мрак, только в углу подмигивал красным глазком обогреватель. Алька лежала почти одетая, сняв лишь куртку и ботинки, укрытая не очень свежим, но теплым стеганым одеялом. Она так устала за день, что ее сразу сморил сон.

Проснулась она оттого, что кто-то ходил по комнате взад-вперед мимо нее. Потом послышался звон посуды, визгливо скрипнула дверь. Алька осторожно приоткрыла глаза. В вагончике было еще совсем темно, но крохотное окошко наливалось молочной белизной. Андрей спал, отвернувшись к стенке. Больше в бытовке никого не было. Алька взглянула на часы, с трудом различая деления на циферблате: шесть пятнадцать. Жуткая рань, но спать почему-то не хотелось. Алька поежилась — обогреватель был выключен, и комнатка постепенно остывала. Она потихоньку выбралась из-под одеяла, накинула куртку, зашнуровала ботинки. Нашарила впотьмах пудреницу в сумке, подошла к окну, как могла расчесала спутавшиеся волосы. Неплохо бы еще и умыться. Тут Алька вспомнила про висящий около плитки умывальник. Вода была ледяной и пахла железом, но от нее Алька ощутила невероятный приток бодрости. Она вытащила из сумки сигареты, зажигалку и,

стараясь ступать тихо, чтоб не скрипели половицы, вышла за дверь.

Рассвет только начинался. Небо на востоке постепенно окрашивалось розовым, из чернеющих неясным силуэтом кустов робко свистнула какая-то птичка. Метрах в десяти от бытовки, около недостроенного сруба бани, на таком же полешке, который вчера заменил Андрею стул, только подлиннее, сидел Тарас и курил. Альку, подошедшую к нему, он не заметил и вздрогнул от неожиданности, когда она вынырнула перед ним из полумрака, точно призрак.

— Разбудил? — Он подвинулся на бревне. Алька присела на краешек, чиркнула зажигалкой. — А я не могу долго спать, — то ли похвастался, то ли пожаловался Тарас. — Привык. Мать всегда с рассветом вставала.

— Холодно. — Алька засунула заледеневшую руку в карман, другой продолжая держать сигарету.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Тарас, — а вот в марте да, было дело...

— Вы что, всю зиму в этом вагончике прожили? — удивилась Алька.

— Не, — покачал головой Тарас. — Зимой мы в деревне были, у Коляна. Ходить до дач долго, а в деревне кому мы треба? Сами без грошей все. А с марта сезон на участках начинается... Вот у нас дома — там всегда тепло, хоть в марте, хоть в феврале. — Он мечтательно запрокинул вверх голову и вздохнул.

— А где дом-то?

— Та на Украине, под Мелитополем. Поселок у нас, Дружный называется.

— А сюда чего тебя принесло?

— Так там же как — работы нема никакой, зарплату не платят. У матери кроме меня еще четверо — три сеструхи и братан. Все младшие. Я осенью отслужил, вернулся, а под Рождество мы с Петром до Москвы подались. Только в Москве-то не берут никуда — паспорт иностранный, ерш твою мать! Хорошо, тут никому дела нема до прописки, а шабашки много: построить что, починить или огороды копать кому треба потом будет. Петро — дядька мой, он, почитай, все может зробить, хоть баню, хоть дом.

— Что ж, ты так тут и будешь торчать без документов? — посочувствовала Алька.

— А куда мне? Лето переждем, а там побачим. Да здесь нормально, скучно только. Девки из деревни приходят, правда, но то шалавы одни. — Тарас неожиданно хохотнул.

Алька вопросительно покосилась на него.

— Так, вспомнил. — Он махнул рукой. — Одичали здесь совсем за зиму.

Из вагончика, потягиваясь, вышел Андрей, оглядел двор, увидел Альку и Тараса, направился к ним:

— Мы завтракать будем, курильщики? Мне, в отличие от вас, сигареты пищу не заменяют.

Тарас последний раз затянулся, выкинул окурочок, послушно поднялся и пошел в дом.

— Ему денег потом надо будет дать, — заметила Алька. — Он тут у всех на подхвате, вроде разнорабочего.

— О чем речь? Стольника ему хватит?

— Откуда я знаю? — пожалала плечами Алька и встала. — Судя по его словам, дела у них идут не шибко. Стало быть, хватит, наверное.

Они позавтракали вчерашним хлебом и салом, выпили чай и снова принялись за поиски. Терраса оказалась здоровенной и заброшенной. Она была пристроена к дому явно гораздо позднее и совершенно не обжита. Сюда впопыхах сложили всякий ненужный мусор,

в том числе и строительный, и в помещении было не пройти из-за нагроможденных повсюду тюков и ящиков. Алька и Андрей честно перерыли все это безобразие, но так и не добились успеха. Никаких следов кретовских работ найти им не удалось. Пошатываясь от усталости и разочарования, Алька вышла во двор. Андрей что-то говорил ей, утешая, строил дальнейшие планы, но она плохо слышала его. Последняя надежда угасла, и неизвестно, что ждет ее в Москве, может, смерть. Пока Алька была занята поисками, мысли о собственной участи ее не беспокоили. Но теперь она почувствовала себя совершенно беспомощной, ввязавшейся в неравную борьбу и обреченной. Даже стоящий рядом и улыбающийся Андрей не казался ей больше спасительным и надежным.

Они вернулись к вагончику. Петро и Тарас занимались баней, еще один, незнакомый Альке мужик орудовал бензопилой тут же во дворе. Увидев Альку и Андрея, Тарас спрыгнул с груды бревен:

— Нашли?

Алька грустно покачала головой.

— Та шо вы там шукали? Цацки какие-нибудь, брошки, цепочки?

— Ноты.

— Шо за ноты? Бумажки такие с линейками? Их же там полно, где я вчера подметал.

— Не эти, Тарас. — Алька с трудом произносила каждое слово, но ей не хотелось обижать парня. — У Кретова свои ноты были, те, которые он сам сочинил, написанные от руки. Их нет.

— От руки? — повторил Тарас, раздумывая. — А шо сразу не сказали?

— Чего не сказали?

— У меня цельный ящик его нот, Пал Тимофеича.

— Врешь?!

— Зачем? Он в последний раз приезжал один, без бабы своей, и вынуть его забыл из машины. А когда в Москву опять собрался, бачит — коробка-то стоит под сиденьем. Он мне и дал ее, шоб я в дом занес. А я забыл. Вон под топчаном и стоит. — Тарас указал рукой внутрь вагончика.

— Да с чего ты решил, что там ноты? — крикнула Алька.

— Та видно, — ответил Тарас. — Линеечки и крючочки, шо ж я, не знаю разве?

— А ну показывай. — Андрей решительно шагнул в комнату.

Тарас нагнулся и вытянул из-под топчана картонный ящик.

— Что же ты молчал? — накинулась Алька на Тараса. — Мы весь дом перерыли!

— Я знал? — слегка растерялся под ее напором Тарас.

Андрей уже вытащил из коробки половину исписанных мелким кривоватым почерком широких нотных листов и, разложив их прямо на полу, принялся жадно изучать. Алька занялась оставшейся частью. Явно это были черновики — партитура пестрела зачеркиваниями и исправлениями. Алька откладывала один лист за другим, пытаясь найти разгадку, которую таили в себе эти потрепанные, заляпанные чернилами страницы. На дне ящика лежала пухлая папка, заклеенная скотчем. Алька с трудом отодрала клейкие полоски, раскрыла картонный переплет. Ее глазам предстал титульный лист моцартовского «Дон Жуана». Она нетерпеливо сунула его в руки сидевшего рядом с ней на корточках Тараса, схватила было следующую страницу, но вместо тонких обветшалых листков ее пальцы внезапно нащупали что-то плотное. Алька держала целую кипу голубых бланков. Их предназначение ей было прекрасно известно — это были паспорта на вывоз смычковых

инструментов. Такой же паспорт на ее собственную скрипку лежал у Альки дома, без него при поездке на гастроли нельзя было пройти таможенный контроль. Алька растерянно перелистала бланки. Их было девять, восемь из них — пустые, а один — заполненный на имя Саврасенкова Петра Семеновича и его инструмент — скрипку работы Гваданини. В паспорт были вклеены фотографии инструмента в трех ракурсах: вид спереди, сзади и сбоку. На последней страничке стояли печати таможи о вывозе из России и ввозе в нее.

Господи, и тут Саврасенков! Значит, не зря его фамилия появилась в Васькиной записной книжке прямехонько под телефоном и адресом Кретова. Что-то есть тут, какая-то закономерность, которую Альке никак не удастся ухватить. Чем же Петька Саврасенков так обеспокоил Чегодаева?

Алька еще раз, ничего не понимая, взглянула на паспорт. Чушь какая-то! У Петьки никогда не было Гваданини! Уж ей ли этого не знать — он сидел на четвертом пульте, за Таней Скворцовой, и скрипка у него была работы Ярового, такая же, как у самой Альки.

— Откуда здесь это взялось? — пробормотала сбитая с толку Алька, кивнув на бланк, и тут же вспомнила, как эту же фразу произнесла Вертухова, когда в пачке партитур Ленка обнаружила скрипичную паспортную фотографию. Ерунда какая-то. При чем здесь Гваданини? Что он делает среди нот? Или... или...

Алька вдруг глупо и тоненько хихикнула. Андрей, копающийся в последней стопке, поднял голову и вопросительно взглянул на нее:

— Ты что?

— Ничего. — Алька хихикнула еще раз.

— Сказилась! — заключил Тарас.

— Тихо! — Алька вскочила на ноги, веером раскинула на столе бланки. — Это же так просто! Так невероятно просто!

— Да что — просто? — Андрей отложил бумаги и в недоумении разглядывал паспорта.

— Кретов — никакой не гений! И ничего ценного в его партитурах нет! Ни-че-го!

— А зачем их украли?

— За этим. — Алька потрясла голубым веером перед носом Андрея.

— Не понял.

— Сейчас поймешь. Видишь вот это? — Она ткнула пальцем в заполненный бланк. — Это документ, свидетельствующий о том, что некто вывез за границу скрипку работы итальянского мастера Гваданини. Особо ценную скрипку, все передвижения которой контролируются государством и продажа которой за пределы России карается по статье. — Алька перевела дух и мельком взглянула на Тараса. Тот стоял с таким видом, будто при нем начали говорить по-тарабарски.

— У того человека, чья фамилия записана в формуляре, — продолжила Алька, — никогда не было скрипки Гваданини. Я его хорошо знаю, он работал раньше у нас в оркестре. Что это может значить? Только одно — он для кого-то вывозил эту скрипку. Понимаешь зачем?

— Продать? — неуверенно спросил Андрей.

— Конечно!

— Но ведь он привез ее обратно, вот же штамп. — Андрей постучал пальцем по печати в графе «ввоз».

— Нет, Андрюша, это было бы верхом идиотизма. Кто бы ему дал кататься туда сюда с чужой антикварной скрипкой? Так не бывает у струнников. Он, конечно, продал ее там и

обратно ввез мастерски сделанную копию. А играть потом продолжал на своей, работы нашего мастера, Дениса Ярового. Сечешь?

— Кажется.

— Вопрос в том, что один он проделать такое не мог. Скрипку ему кто-то дал, за границей ждал мастер, с уже готовой подделкой. И Кретов знал об этом. Даже не просто знал, а...

— Он руководил этим? Ты это хочешь сказать?

— Факты говорят сами за себя. — Алька постучала ладонью по стопке паспортов. — По всему видно, дело было поставлено на поток, иначе зачем Кретову хранить у себя столько бланков? Остается гадать, что они не поделили?

— Может, он отказался работать на тех, кто поставлял инструменты для продажи?

— Вполне вероятно. Одно могу сказать точно — те, кто убил Кретова, вовсе не хотели, чтобы после его смерти бывшая жена и сестра отыскивали в партитурах, которые выеденного яйца не стоят, документы, указывающие на то, чем он занимался на самом деле.

— Поэтому они обчистили квартиру жены?

— Именно. Им откуда-то было известно, что паспорта хранятся среди партитур. Но, видимо, сколько их точно, хозяева Крета не знали. Унесли все, что было у Вертуховой, а про то, что Крет увез свои черновики на дачу, они и не догадывались. А уж про то, что Тарасик поленился поставить ящик куда его просили, тем более!

Изумленный Тарас перевел взгляд с Альки на Андрея и обратно.

— Ну ты и чешешь! — проговорил он восхищенно. — Ничего не понять! Освободят теперь вашего приятеля?

— Вот этого я не знаю, — сказала Алька упавшим голосом. — По идее, должны бы если не освободить, то хотя бы начать рассматривать это убийство под другим углом. Доказательства кое-какие есть. — Она с нежностью погладила бланки, лежащие перед ней.

— Пожалуй, я понимаю, почему они уронили на твою голову софит, — покачал головой Андрей. — Надо срочно делать отсюда ноги, пока они не спохватились и не кинулись разыскивать и тебя, и оставшиеся партитуры. Ведь им в голову могло прийти, что они оплошали и уничтожили не все.

— Надо к Чегодаеву, — убежденно проговорила Алька. — Он, по-видимому, догадывался о том, что происходит, подозревал Саврасенкова, несколько раз написал его фамилию в своей записной книжке. Еще там была фамилия Омелевский. Значит, он тоже вывозил скрипки. А я-то себе голову сломала, что значат странные Васькины записи на страничке рядом с телефоном Кретова. Мы с Чегодаевым пойдем к следователю и все расскажем... Мы успеваем на электричку?

— Вполне. — Андрей вынул из кармана бумажник, достал сто рублей, потом подумал и прибавил к ним еще сто. — Держи. — Он протянул деньги Тарасу. — Век тебя не забудем, спасибо тебе огромное.

На лице Тараса возникло знакомое нагло-злое выражение, он с силой пнул пустой ящик ногой, загоняя его под топчан.

— Ты чего? — удивился Андрей. — Мало?

— Думаешь, купил меня? — сквозь зубы процедил Тарас. — Я их в чужой дом... собственной шкурой рисковал... а они мне бумажки! Да пошли вы!

Алька с изумлением заметила, что рассвирепевший Тарас неожиданно заговорил на чистом русском языке, перестав примешивать к нему малороссийские слова.

— Да не обижайся ты, — попросила она. — Это я виновата. Я решила, что вам мало тут платят, ну и...

— Позаботилась! — презрительно бросил Тарас.

— Разве это плохо? Ты же о нас заботился?

Тарас, ничего не ответив, развернулся и вышел из вагончика. Алька пожалала плечами.

— Пошли, — поторопил ее Андрей. — Машину поймаем до станции. — Он положил сторублевки на стол, прижав их грязной миской.

— Забери, зачем его обижать!

— Ага, обижать! Пусть лежат, — засмеялся Андрей. — Сейчас увидишь.

Алька сгребла со стола бланки, засунула их в сумочку и торопливо вышла во двор. Тарас уже стучал топором по невысокой стене сруба.

— Пока, — прокричала Алька и помахала ему рукой, но он только кивнул, не оборачиваясь.

Алька с Андреем отошли на приличное расстояние, и тут Андрей ткнул ее в бок.

— Теперь смотри, — весело сказал он вполголоса.

Алька обернулась, невидимая строителям из-за деревьев. Тарас и Петро, оставив топоры, шустро двигались к бытовке. Через минуту в дверях показался довольный Петро с зажатыми в кулаке деньгами и чрезвычайно довольным лицом и стал поспешно застегивать ватник.

— Куда это он? — удивилась Алька.

— В ближайшую палатку, конечно. Пойдем, — Андрей потянул ее за руку, — а то он сейчас нас догонит.

— А я-то думала... — разочарованно протянула Алька, семена за Андреем.

— Бессребреников в наш век мало, — усмехнулся Андрей. — Это Тарас перед тобой выпендривался. Я его хорошо понял.

Им удалось поймать машину до Александрова, и через пятнадцать минут они уже стояли на платформе, к которой медленно подползала пустая и длинная, как змея, электричка.

— Вот теперь поговорим, — сказал Андрей, оглядывая вагон, где кроме них с Алькой находилось всего человек пять. — Что ты дальше собираешься делать?

— Я же сказала, пойду к Чегодаеву и вместе с ним — к следователю.

— Ты понимаешь, как рискуешь?

— Понимаю, конечно, но что остается?

— Пойти с тобой к твоему Чегодаеву?

— Ни в коем случае! Ты и так мне вон как помог! Без тебя я ни черта бы не сделала. Не хватает еще вас с Галей впутывать в эту историю.

Андрей замолчал, лицо его помрачнело. Видно было, как он колеблется, прежде чем принять окончательное решение.

— Я не хочу оставлять тебя одну, — наконец проговорил он.

— А что ты можешь — поселить меня у себя? Пойми, от меня сейчас лучше держаться подальше. Особенно тем, у кого летом свадьба.

— Дура, — коротко бросил Андрей.

— Это я уже слышала, — ласково сказала Алька. — Не будем повторяться.

— Ладно, не будем. Но если твой Чегодаев окажется не на высоте, ты позвонишь! Обязательно, поняла?

— Позвоню, — легко пообещала Алька. Она точно знала, что не позвонит. Ни за что не позвонит. Надо быть последней сволочью, чтобы подвергать смертельной опасности таких людей, как Андрей и Галя. Сегодня она, Алька, побыла такой сволочью, но это в последний раз. Дело касается их оркестра, и разбираться надо со своими.

Электричка плелась до Москвы со всеми остановками, окончательно лишив Альку терпения. Едва выскочив на перрон, она помчалась к ближайшему телефону-автомату.

Дома Васьки не оказалось, но по мобильнику он откликнулся.

— Так, — тут же заорал он, услышав Алькин голос, — и где ты, прости за выражение, шляешься? Будешь писать объяснительную за два прогула. Завтра Большой зал, Сухаревская на ушах стоит, Горгадзе тоже. Совсем обнаглела!

Алька терпеливо выслушала Васькину брань и, нащупав паузу в его монологе, затараторила:

— Вась, я все тебе объясню. Ты можешь приехать за мной, прямо сейчас?

— Куда это?

— На Ярославский вокзал.

— Что ты там забыла, дубина? — Васькин голос стал опять набирать высоту. — Мне и дел только, как за тобой таскаться по вокзалам!

— Приедешь? — повторила Алька радостно, увидев, что Андрей настроженно прислушивается к неясному шуму, доносящемуся из трубки.

— Нет, — отрезал Васька. — И объяснительную не забудь написать.

— Тогда я сама к тебе приеду, — разозлилась Алька, думая, как ей теперь отвязаться от Андрея, который конечно же захочет довести ее до самого Васькиного дома.

— Куда ты приедешь? — язвительно поинтересовался Васька. — Я не дома.

— А где? — Алька растерялась. Похоже, она действительно рассердила Чегодаева серьезно.

— Да ну тебя! — Васька внезапно смягчился. — Что я говорю из собственной квартиры по сотовому? Совсем свихнулась?

— Ага, — жалобно проговорила Алька, вспомнив, что пять минут назад не дозвонилась Ваське домой.

— Подходи к стоянке. Минут через пятнадцать буду, — хмуро заявил Васька и, не успев Алька раскрыть в ответ рот, отключился.

— Ну вот, — она обернулась к Андрею, испытывающе глядевшему на нее, — он подъедет через пятнадцать минут. Ты проводи меня до стоянки и иди.

— Я уж подожду, — сурово возразил Андрей, — а то, сдастся мне, он тебе не больно рад, ваш инспектор.

— Да нет, просто у него характер неважный.

— Мог бы попридержать свой характер, — буркнул Андрей.

Со времени первого их знакомства Алька успела сменить приличное количество парней. Андрей был единственным в ее жизни мужчиной, который никогда, ни разу не потребовал от нее постельных отношений. Как-то давно она сама, расчувствовавшись, предложила ему быть посмелее. Но не тут-то было — Андрей упрямо мотнул головой и заявил, что ему нужно либо все, либо ничего. Алька все дать не могла, и с тех пор этой темы они не касались, словно ее не существовало. Алька знала, что у Андрея были девчонки, но его отношение к Альке — это было нечто другое. Конечно, по телефонному разговору Альки с Чегодаевым Андрей прекрасно понял, что Васька для нее не просто инспектор оркестра.

Понимал и злился — ему, как всегда, казалось, что Альку недостаточно ценят, относятся к ней как к непритязательной и легкодоступной девице.

— Да наплевать на него, — бодро ответила Алька, — лишь бы помог. А он обязан помочь!

Все же Андрей дождался, пока чегодаевская машина затормозила перед Алькой. Та поспешно влезла на переднее сиденье, щелкнула ремнем и махнула Андрею на прощанье рукой.

Васькино лицо было точно отлитым из бронзы — на нем не шевелился ни один мускул. Он даже не взглянул на Альку, полностью выжал газ, и машина понеслась вперед. Алька кашлянула, пытаясь начать разговор.

— Ты мне тут не кашляй! — тут же отреагировал Чегодаев. — Раз сидишь здесь, давай выкладывай все как на духу. Что значат все твои фокусы последний месяц?

— Хорошо, я все скажу. — Алька устроилась поудобнее в кресле. — Я расследую обстоятельства гибели Крета.

— Что?! — Васька резко обернулся.

— Его убил не Рыбак. И я знаю, за что его убрали.

Машину резко дернуло влево — рука Чегодаева неловко скользнула по рулю.

— И за что? — тихо спросил он, выравнивая автомобиль.

— Я нашла на кретовской даче поддельный паспорт на скрипку Гваданини и кучу пустых бланков, которые можно заполнять по мере надобности. Петька Саврасенков под руководством Крета занимался вывозом раритетных скрипок. Я была у жены Крета. Ее ограбили, чтобы уничтожить такие же бланки и заполненные паспорта, уже после того, как Кретов погиб. Они заматают следы. Вась, ты ведь... знал об этом? Догадывался?

— Я? Догадывался? — театрально изумился Чегодаев. — Бог с тобой!

— А зачем тогда ты писал фамилию Саврасенкова в записной книжке? И вопросительный знак поставил рядом. А на другой странице...

— Ты что, лазила в мои записные книжки? — Васькин голос звучал спокойно и даже ласково.

— Да, — призналась Алька. — Я хотела разыскать адрес Крета.

— Ты знаешь, что я тебе на это скажу? — так же спокойно проговорил Васька, отвернувшись от Альки и преувеличенно внимательно следя за дорогой. — Ты покойница. На сто процентов. Зря улыбаешься! Ничего смешного в моих словах нет. Я сейчас высажу тебя, и завтра, ну, может, послезавтра менты найдут твой труп. Все равно где — дома, по дороге на работу, в Доме культуры. Сечешь, о чем я говорю?

Альке стало холодно, так холодно, как не было сегодня утром в неотопливаемой бытовке. Она машинально повыше застегнула куртку и продолжала молчать.

— А я-то, дурак! — горько посетовал Васька самому себе. — Как я не понял сразу, где ты пропадаешь и чем занимаешься! Ты хоть понимаешь, что сделала? Думаешь, я побегу с тобой выручать из тюрьмы этого придурка?

— Но ведь он не виноват, — прошептала Алька, чувствуя, как к горлу подступают слезы.

— Наплевать мне, виноват он или нет! — рявкнул Чегодаев. — Ему там самое место. Из-за него я жмуриком становиться не собираюсь! А ты — пожалуйста, на здоровье.

Он резко затормозил, распахнул дверцу перед Алькой:

— Вылезай! И убирайся!

Алька смотрела на темную, безлюдную улицу. Вот все и кончилось. Никому, кроме Андрея, она не нужна. Сейчас она выйдет из машины, и те, кто следит за ней все это время, сделают свое дело. Ноги и руки похолодели еще больше, зубы выбивали дробь.

— Что смотришь? Вылезай! — повторил Васька.

Алька смотрела на него полными слез глазами и не двигалась с места.

— Дай сюда что ты там нашла! С собой у тебя эти паспорта?

— Да, — пробормотала Алька, расстегивая сумочку.

Васька нетерпеливо вырвал из ее рук голубые бланки, просмотрел.

— Ладно. — Он спрятал паспорта в карман своей кожаной куртки. — Закрывай дверцу. Треснуть бы тебя, ей-богу!

Машина снова тронулась. Алька стала угадывать в темноте окрестности Северного Бутова. Сам Чегодаев молчал, глубоко задумавшись и сдвинув брови. Альку продолжала бить холодная дрожь. Они подкатили к подъезду чегодаевского дома, Васька так же безмолвно вышел, подождал, пока Алька выкарабкается со своего сиденья, захлопнул машину, включил сигнализацию. Не говоря ни слова, поднялся в квартиру, щелкнул выключателем, и объемная и пустая прихожая ярко осветилась. Тут только Чегодаев обернулся к Альке, робко стоящей у порога и не решавшейся перешагнуть его.

— Хочешь умнее всех быть? — Он ногой пододвинул ей тапочки. — Не стой бревном, пощи, решать будем, что с тобой делать дальше.

Алька поспешно разделась, последовала за Васькой на кухню, села за стол. Без куртки ее стало трясти еще больше, хотя квартира была теплой и везде были установлены двойные батареи. Васька заметил это, включил чайник, принес из комнаты цветастый плед, накинул его ей на плечи, сел рядом.

— Испугалась? — мягко спросил он. В глазах появился знакомый Альке блеск.

Она кивнула.

— Ну ладно, успокойся. Впредь не станешь делать глупостей, правда?

— Правда, — еле слышно прошептала Алька.

— Глупышка. — Васька, казалось, окончательно успокоился и обнял Альку за плечи. Плед сполз на пол. — Не трясись, не брошу я тебя в беде.

— А Валерку?

— И его тоже. — Васькин голос становился хриплым, он уже тянул Альку к себе, руки его нетерпеливо отыскивали пуговицы на ее блузке.

— Вась, не надо, — безнадежно попросила Алька, чувствуя, как ею овладевает тоскливое безразличие. — Не сейчас. Нам же нужно решить...

— Потом решим, — горячо проговорил ей в лицо Васька. — Все решим, я тебе обещаю. Разберемся, что к чему. Малышка моя, бедненькая! — Ловкие Васькины пальцы были везде, он что-то лихорадочно и бессвязно шептал Альке на ухо, так что она не разбирала слов.

— Только обязательно! — Она из последних сил попыталась напрячь волю, перед тем как провалиться в бездумный ватный туман. — Ты обещаешь мне? Обязательно...

Васька задумчиво посмотрел на спящую на огромной постели Альку. Поправил одеяло. Встал, взял с тумбочки трубку радиотелефона и тихонько вышел, плотно прикрыв дверь.

Нечего сказать, вот это номер. Никаким боком не ожидал Васька такого удара. Что теперь делать? Дуреха, открыла ему Америку через форточку! Да он давно, почти четыре года назад, чудом не влип в историю! Счастливый случай помог и Васькины природные хитрость и выдержка.

Тот день, Восьмое марта, он и сейчас помнил до мельчайших подробностей. Собрались теплой компанией на квартире Кретова, все свои, те, кто работал в оркестре с первых лет. Сначала чествовали женщин, потом просто гудели, расслаблялись после встречи со спонсорами — напряжение за последние предпраздничные дни было чудовищным, но зато и контракт подписали мировой, дающий Московскому муниципальному огромные возможности. Васька, никогда не злоупотреблявший алкоголем и хмелевший с трудом, вскоре остался самым трезвым из сидящих за столом. Он и проводил самых поздних гостей из кретовского дома, а сам остался — у дирижера прихватило сердце. Васька прилежно искал в аптечке валидол и нитроглицерин, отпаивал Павла Тимофеевича минералкой. Наконец Кретову полегчало. Развалившись на диване, он стал слабым голосом благодарить Ваську, петь ему дифирамбы — какой тот незаменимый для оркестра человек, надежный, умный, тактичный и так далее.

— Кстати, — пьяно улыбнулся Кретов. — Есть одно дело, без твоей помощи не обойтись.

— Что за помощь, Пал Тимофеевич? — услужливо осведомился Васька. — Говорите, я все сделаю.

— Ты сделаешь, Васенька, — ласково пробормотал Кретов. — Я знаю, что ты сделаешь. Надо найти среди скрипачей нескольких человек, которые бы согласились... ну, скажем так, заработать сами и дать заработать другим, в том числе и мне.

Васька, грешным делом, решил, что речь идет о халтурах в каких-нибудь закрытых клубах, где за одну ночь игры платят столько, сколько в оркестре за месяц. Он кивнул, прикидывая, кому можно подбросить выгодное дело и что потом просить взамен.

— Найдешь? — обрадовался Кретов. — Я ведь струнников так близко не знаю, как ты.

Кретов в прошлом был фаготистом, и это еще усиливало его симпатию к Чегодаеву, как духовика к духовику.

— Нужно вывезти из России один инструмент, а ввезти другой. — Кретов сказал это так просто, будто речь шла об обмене неудачной покупки в магазине.

Васька похолодел. Он сразу понял, что имеет в виду дирижер и кто за этим стоит, — несомненно, кто-то из новых спонсоров. На принятие решения у Васьки были считанные секунды. Кретов смотрел на него выжидательно, и Ваське казалось, что тот не так уж и пьян. Что было делать? Отказаться? Это означало — стать ненужным и опасным свидетелем. Как поступают с такими, Чегодаеву было хорошо известно. Стало быть, отказываться нельзя. Согласиться? Значит, впутаться в криминал, завязнуть в нем по горло, с тем же риском, что и в первом случае. И так, и так — результат один. Васька призвал на помощь всю свою смекалку и понял одно: Кретов сейчас, несомненно, пьян, завтра он может пожалеть о том, что сегодня сболтнул Чегодаеву. Лучше будет, если в памяти у него останется, что Васька

помог ему. Тогда можно будет сделать вид, что он, Чегодаев, не воспринял слова дирижера всерьез, списал их на его нетрезвое состояние. Воспользуется или нет Кретов Васькиной подсказкой — дело десятое. Его, Ваську, это не касается. Он поможет Павлу Тимофеевичу, а тот за это забудет о его помощи.

Васька без запинки выдал Кретову две фамилии. Он точно знал, что эти двое не погнушаются никаким незаконным делом ради дополнительных — и немалых! — доходов. Уж кем-кем, а психологом Чегодаев был отменным. Кретов удовлетворенно наклонил голову, и разговор на этом завершился.

Всю ночь Васька не мог уснуть. Сидел, думал, а рука машинально выводила в книжке фамилии предполагаемых курьеров.

На следующий день он с трудом заставил себя выйти на работу. Кретов был спокойным, и ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он увидел Чегодаева. Прошла неделя, вторая, ничего не происходило. В скрипках Васька ничего не понимал, на духовые инструменты закон о вывозе не распространялся, и он никак не мог выяснить, воспользовался ли Кретов его услугой или просто действительно был в тот день мертвецки пьян.

Он не знал об этом четыре года. Все это время он жил в постоянном страхе, что когда-нибудь, если вывоз инструментов все-таки имеет место, Кретов напомнит ему о том разговоре, потребует что-нибудь еще или просто захочет избавиться от него. Но, похоже, опасения его были напрасны, и в последний год Васька совсем расслабился, жил в полное удовольствие, ни о чем не беспокоясь. И вот теперь он узнал все наверняка.

Чегодаев вынул из кармана куртки паспорт с таможенными печатями. Петька Саврасенков был одним из тех двоих, кого Васька порекомендовал Кретову. Другим был Ваня Омелевский. Оба они уволились из оркестра, один полгода назад, другой — чуть позже. Тогда Чегодаева это не насторожило. Но теперь он достал записную книжку и разыскал телефон Саврасенкова, моля Бога, чтобы его подозрения оказались ложными. В трубке включился автоответчик. Голос на пленке женский, наверняка — жена. Куда-нибудь уехали, в гости или в театр. У Васьки немного отлегло от сердца. Значит, с Петькой все путем. Надо будет позвонить попозже, около двенадцати. Он собрался с духом и набрал другой номер.

— Але, — сказал детский голосок. — Але! Вам кого?

— Позови, пожалуйста, Ивана Михайловича, — попросил Чегодаев и невольное улыбнулся. Дочка небось. Ишь какая важная, прямо как секретарь.

В трубке воцарилось молчание. Васька почувствовал, как мгновенно пополз по спине холодный пот.

— Папу позови, — мягко повторил он, уже зная, что услышит в ответ.

— Папы нет, — серьезно ответила девочка. — Он погиб три месяца назад. В машине отказали тормоза.

— Прости, ради бога, — хрипло проговорил Васька. — Прости, я не знал. Я работал с твоим отцом. Прими мои соболезнования и маме передай...

— Мама тоже погибла, — бесцветным голосом сообщила девочка. — Они ехали вместе. До свиданья.

Она положила трубку. Чегодаев дрожащими руками взял со стола скрипичный паспорт, вышел в прихожую, вытащил из куртки остальные бланки. Принес их на кухню, долго рвал на мелкие кусочки, потом сложил в пепельницу и поджег. Бумага выгорела моментально, а плотная фотография долго тлела, не желая исчезать, рассеиваться в оранжевых языках

пламени.

В кармане у Васьки грянул телефон, так громко и неожиданно, что Чегодаев дернулся, и трубка упала на пол. Он поднял ее, нажал кнопку.

— Вася, это Ирина. — Резкий, деловой голос Сухаревской ударил ему в самое ухо. — Не отвлекла?

— Да нет. — Васька откашлялся.

— Я тебя спросить хочу, ты случайно не в курсе, куда делась Бажнина? На репетиции ее два дня нет, дома тоже. Она тебе ничего не говорила? Где вообще ее искать? Мне ее на концерт ждать или нет?

— Тут твоя Бажнина. — Васька внезапно почувствовал новый прилив злобы на Альку, в два раза сильнее прежнего, — ничего с ней не сделается!

— Она у тебя? — слегка удивилась Ирка. — Ну прости, что помешала. Передай ей, что завтра ее ждут большие неприятности.

— Нас всех ждут неприятности. — Васькины нервы сдали, он сорвался на крик: — Знаешь, куда она таскалась? На дачу к Кретову!

— Зачем?

— А ты не понимаешь? Она же помешалась на своем Рыбакове, хочет его из тюрьмы вытащить, любой ценой! В результате ей много удалось!

— Чего удалось? — не поняла Ирка. — И потише, пожалуйста, она же все слышит.

— Ни черта она не слышит! Спит она. Разворошила осиное гнездо и спит, как младенец!

— Да прекрати орать, — сухо потребовала Ирка. — Давай поподробней насчет гнезда.

— Что тебе поподробней? Под кретовским руководством Саврасенков, Омелевский, а может, и еще кто-то вывозили на продажу за бугор скрипки, а ввозили подделки. Она на даче паспорта нашла на Гваданини, которого у Петьки в помине не было. Омелевский — уже труп, я ему только что звонил. Саврасенков тоже, думаю, на этом свете не задержался. Крета, теперь это понятно, не Рыбак пришил, хотя, моя б воля, я б ему пожизненное припаял, до того он меня достал. Дальше на очереди твоя ненаглядная Бажнина, а за ней...

Васька спохватился. Что это он делает? Разве можно было рассказывать все Ирке? Эх его ревность-то одолела! Своими бы руками взял да придушил Валерку. Надо же, из-за него...

Ирка молчала и, казалось, даже не дышала на том конце провода. Ваське показалось, что связь прервалась.

— Ты меня слышишь? — спросил он спокойнее.

— Слышу, — ответила Сухаревская каким-то странным голосом. — Прости, я сейчас не могу больше говорить.

Васька с облегчением положил трубку. Что ж, он сам себе отрезал пути к отступлению. Может, это и к лучшему, так бы он колебался, раздумывал, а теперь все ясно. В Москве оставаться нельзя. Ни недели, ни дня. Завтра он исчезнет, благо у него есть куда. Под Курском находится деревушка, которой нет ни на одной крупной карте. Хорошая деревушка, там когда-то жила Васькина бабушка. Дом ее в целости и сохранности, прошлым летом Чегодаев навещался туда на две недели. Никто его там не достанет на первых порах. Пока разберутся, что он причастен к кретовским махинациям, он оформит документы в Канаду через надежных людей, которые многим ему обязаны. Бог с ним, с Московским муниципальным, и со всем остальным. За эти годы Васька хорошо заработал, на первое время ему хватит в Канаде. А там устроится в ансамбль, куда его давно зовет один милый

импресарио, выходец из Санкт-Петербурга. Васька давненько об этом подумывал, да все никак не решался. Видно, пришла пора.

Он еще раз набрал Петькин номер, просто потому, что любил все доводить до конца. На этот раз к телефону подошла женщина.

— Мне нужно поговорить с Петром Семеновичем, — осторожно проговорил Васька.

— Петр Семенович скончался. Давно, еще в январе. — Голос был равнодушный и холодный.

— А вы его жена? — спросил Васька.

— Я теща.

— Отчего он умер?

— От сердечной недостаточности. Приехала «скорая», сделали не тот укол.

— Извините.

— Ничего, — вяло ответила женщина.

Теперь сомнений не оставалось. Чегодаев тихонько отворил дверь спальни. Алька лежала, слегка откинув одеяло, склонив голову на голое плечо. Волосы ее разметались по подушке, лицо во сне было страдальческим и одновременно решительным. И невероятно прекрасным. Васька даже зубами скрипнул. Жалко ее, ах как жалко! Сколько женщин было у Чегодаева, и красивых, и страстных, всяких, но ни одна так не заводила его, как эта черноволосая девчонка. Надо было бы, по идее, забрать ее с собой, средств у него вполне хватит на двоих. Но таскать с собой Альку — это теперь все равно что носить в кармане гранату без чеки. Наверняка за ней следят, и софит, без всякого сомнения, должен был именно ей на голову упасть, случайно пронесло. Не станет Васька так рисковать. Сама виновата. Кому его предпочла — этому дураку Рыбакову! Пустому месту! Это ждохлый номер, отработанный материал, Васька таких немало на своем веку повидал, знает, чем они кончают. И все-таки обидно до чертиков: ну что она в нем могла найти, в Валерке, из-за чего поставила под угрозу свою жизнь? А его, Ваську, Алька не любит, видно же, что не любит, пересиливает себя, надеется на его помощь! Тьфу!

Распалив себя не на шутку, Чегодаев покинул спальню и пошел собирать необходимые вещи и документы.

Ирка сидела в своей крошечной, в пять метров, кухне за столом. Рядом лежала телефонная трубка. Из нее гнусаво и настойчиво неслись короткие гудки, но Ирка их не слышала. Как не слышала все усиливающихся криков за прикрытой дверью — в комнате бушевала очередная ссора Игоря и матери. Ей казалось, что жизнь разделилась на три части, как простая репризная форма музыкального произведения. Первой частью, написанной в глубоком миноре с хроматизмами, было ее существование до Виктора. Именно существование, потому что на настоящую, полную, яркую жизнь оно не тянуло. Второй частью, как водится, была контрастная середина — мажорная, светлая, радостная, полная стремительных пассажей и сладкозвучных гармоний. Третья представляла собой репризу, еще более мрачную и минорную, чем начало, сходную с похоронным маршем. Не зря композиторы, чье творчество дожило до наших дней, считаются гениями: музыка — это и есть жизнь.

Третья часть началась внезапно, без подготовки, с резкого модулирующего аккорда. Им оказался разговор с Чегодаевым, который состоялся полчаса назад.

Старая дура! Купилась на внимание, на ласковый голос, на красивые глаза. Женщиной, видите ли, захотела себя почувствовать! Ну получила? Да кому ты такая нужна, выдра бесхвостая? Двадцативосьмилетнему, богатому и красивому? Так только в сказках бывает, напридуманных как раз для таких идиоток, как ты. Васька, сам того не ведая, доходчиво объяснил Ирке, для чего она понадобилась Вите Глотову. Сразу вспомнился тот разговор о скрипках, как бы невзначай заведенный Глотовым тогда, во время их романтического завтрака у него дома. И еще более давний эпизод, когда Ирка и Копчевский, пьяные и до глубины души задеты обвинением, что не могут заработать на приличный инструмент, ополчились на Виктора. Значит, вот чем занимались они с Кретовым! Контрабандой инструментов. Потом, видимо, Пал Тимофеич подустал и решил слинять по-тихому. Да и перевозчики его слабинку дали, решили концы в воду спрятать и завязать. Ан не тут-то было: такие дела так просто не прекращаются. Дирижера убрали, хорошо заработавших скрипачей — тоже, и Витюше понадобились новые курьеры. Он попытался прощупать струнников, но с оркестром-то Глотов на «вы», людей толком не знает. Это ж пить с народом надо да в гостиничных номерах ночами сидеть. Это ж надо бок о бок пахать по пять часов на репетициях, до белых глаз чистить интонацию на групповых, а потом еще в курилке, где от дыма ничего не видать, обсуждать, почему навалили первые скрипки и как классно прозвучало соло вторых. А Глотов — один, сам по себе, и, хоть трусом его никак не назовешь, судя по делам, которыми он ворочал, музыкантов он боится. Вот и решил пойти другим путем, кстати вполне традиционным. Обработал ее, Ирку, как соплячку, а сам медленно, но верно подводил к мысли о вывозе скрипок. И подвел бы! Она ради него уже на все была готова — бросить работу, маму, забрать Соню и вперед! Если бы не Чегодаев, ей бы и в голову не пришло, что все заранее было спланировано. Точно пелена с глаз упала, ясно стало, что первично, а что вторично в их отношениях с Витей.

Ирке вдруг показалось, что она окаменела и не может двинуть ни ногой, ни рукой. Она в страхе пошевелилась. Нет, вроде все в порядке — жива, здорова, и даже есть хочется. А вот жить абсолютно не хочется, нисколечко.

Странно, она не испытывала по отношению к Виктору ни злобы, ни отвращения, ни

страха. Он не стал ей противен, хотя она отдавала себе полный отчет в том, что он преступник, хладнокровный, циничный и, видимо, очень опасный преступник, явно приложивший руку к устранению Кретьова. Она по-прежнему думала о нем с нежностью, и это было ужасней всего.

Дверь приоткрылась, в кухню просунулось круглое Сонино личико, обиженное и наивное. Голоса в комнате сразу зазвучали на форте.

— А я говорю, нечего курить в квартире, на это балкон есть!

— Пошли вы со своим балконом! Там черт ногу сломит, его сначала разобрать надо!

— Вот и займись! Ты мужик, так и разбирай, чем лежать вверх брюхом!

Сонечка поспешно прикрыла дверь, страдальчески зажала уши ладонями:

— Мам, я не могу. Достали они меня своими воплями!

— Сейчас. — Ирка сделала над собой чудовищное усилие, очнулась от оцепенения, встала, погладила дочку по голове: — Сейчас, Сонечка, я их уйму. Не расстраивайся. Хочешь, пирог испечем?

— С вишней? — оживилась Соня. — У нас есть в морозилке. Бабушка вчера покупала.

— Хорошо, хочешь с вишней, — значит, с вишней.

Ирка полезла в духовку за противнем. Сейчас она ничего не может сделать, завтра в пять концерт, на который Горгадзе пригласил новых спонсоров. Она должна отыграть его любой ценой. А вот потом ей предстоит решить трудную задачу: спасти Алю и Валерку, не погубив при этом Виктора. Ирка еще не знала, как она сделает это, но впереди на раздумья была целая ночь.

— Эй, лучшая скрипачка оркестра, вставай! — Васькин голос звучал словно из глубокого колодца, одновременно гулко и отдаленно. Алька с трудом разлепила веки и непонимающе огляделась вокруг.

— Проснись. — Чегодаев сидел на постели и говорил в самое ее ухо: — У тебя концерт сегодня, забыла?

— Я же оглохну, — поморщилась Алька, отстраняясь от Васьки.

— Так я тебя уже десять минут бужу — никакого толку.

Голова у Альки гудела, точно с перепоя, глаза закрывались. Две ночи, проведенные без сна, и полтора дня на свежем воздухе сделали свое дело — навалилась жуткая сонливость.

— Сколько времени? — Алька пошарила под подушкой в поисках часов.

— Десять.

— Ничего себе!

Она быстро вскочила. Васька продолжал спокойно сидеть все в той же позе, наблюдая, как Алька одевается.

— Мне ехать самой или ты меня отвезешь? — Его молчание и странный, отстраненный взгляд начинали ее пугать.

Он не пытался, по своему обыкновению, ни обнять ее, ни поцеловать и, казалось, ждал, когда она наконец соберется.

— Езжай сама, у меня еще много дел. — Чегодаев встал, подошел к Альке, слегка дотронулся до ее лица и тут же убрал руку.

— Ты помнишь, что мы собирались делать сегодня? — спросила Алька.

— Помню. После концерта все и обсудим. Поедем в одно очень милое место и там все решим. А сейчас беги. Машину возьми. У тебя деньги есть?

— Есть.

— На еще. На всякий случай. — Васька вынул из кармана будто заранее приготовленный столик и протянул Альке. Она молча положила его в сумочку и пошла в прихожую. На пороге обернулась:

— Паспорт Саврасенкова забрать у тебя?

— Зачем? Пусть остается у меня. Для чего тебе лишний раз рисковать?

— А тебе?

— Я по следам Крета не таскался, про меня никто не знает. Во всяком случае, пока.

— Хорошо, спасибо тебе.

Алька застегнула куртку, откинула назад волосы, посмотрела на Чегодаева в нерешительности:

— Вась!

— Да.

— Я хотела сказать...

— Иди, а то не успеешь собраться.

— Подожди. — Она неловко ковырнула ботинком коврик у двери. — Ты... прости, ладно?

— О чем ты? — пожал плечами Васька, но к Альке не подошел, остался стоять в дверях комнаты. — Нет проблем.

— Пока. — Алька захлопнула дверь и, не дожидаясь лифта, побежала с третьего этажа...

Домой она попала в половине двенадцатого — на окружной, между Варшавкой и Рязанским проспектом, машины стояли в сплошной пробке. Она приняла душ, выпила кофе с бутербродом, достала скрипку. Проиграла несколько раз свое соло, взглянула на часы. До явки в Большой зал консерватории четыре часа. Она слегка поколебалась, потом сложила инструмент, аккуратно засунула в пакет концертное платье, лодочки, сделала макияж. Потом, подумав, вытащила из тумбочки оба послания с предупреждением и, заложив их в записную книжку, сунула в сумку. Вечером она покажет их Чегодаеву, в конце концов, это тоже вещественное доказательство, и еще какое.

Трамвай подошел быстро и ехал всего минут пятнадцать. Алька скорым шагом миновала знакомый уже путь до административного корпуса Матросской Тишины, мысленно заклиная судьбу, чтобы повезло и тот, кто нужно, оказался на месте.

В кабинете сидел все тот же конопатый капитан, которого бросила жена. Он равнодушно и устало взглянул на Альку, не узнавая ее.

— Я была у вас месяц назад, — напомнила она ему.

— И что?

— Просила свидание с подследственным Рыбаковым, потому что являюсь его невестой.

— А, — кивнул веснушчатый. — Помню. Вам же дали свидание.

— Да.

— Чего же вы хотите?

— Я хочу узнать, когда его можно будет увидеть еще раз. Хоть на чуть-чуть.

— Никогда, — с видимым удовольствием проговорил веснушчатый.

— Почему? — испугалась Алька. Ей сразу представилось, что Валерка что-нибудь натворил в заключении, нарушил режим и теперь его лишат свиданий или, еще хуже, переведут куда-нибудь.

— Да потому, что подследственный Рыбаков отказался от свиданий с вами, равно как и от регистрации брака. И я его полностью одобряю, весьма разумный и благородный поступок. Он же на сто процентов будет осужден, вы что, станете его ждать восемь-девять лет? — Он насмешливо смотрел на Альку, светлые глаза его оживились.

— Вы меня обманываете, — недоверчиво сказала Алька. — Я вам не верю.

— Показать вам его отказ? — Капитан поднялся и направился к стеллажам с картотекой. Ему явно было не лень отыскать для Альки нужную бумажку. Теперь, на его взгляд, все происходило по порядку, так, как и должно было быть: любят хороших, тех, что на свободе, а плохих любить нечего, они должны сидеть в тюрьме.

— Не надо. — Алька встала и, не попрощавшись, вышла за дверь.

Почему? Она не могла понять, почему Валерка так поступил. Ведь понимает же он, черт возьми, что не собирается она за него замуж, когда он ее туда и не приглашает! Что это просто предлог, чтобы попасть к нему в следственный изолятор. К нему же никто не ходит, кроме матери, и никто ему не пишет. А она хотела обнадежить его, сказать, что, может быть, скоро все прояснится, делом Кретьова займутся более серьезно. Ну за что он с ней так?

Альке стало так горько и обидно, что даже дышать стало тяжело. Сколько всего она сделала ради него, еще неизвестно, останется ли жива, а он от нее точно от чумы...

— Ну и сиди, — зло шептала Алька, стремительно пересекая двор. — Сиди, сиди! Мечтай о своей шляхе Верке, фотографию ее себе в камере повесь! Больно ты мне нужен,

придурок несчастный! А я за Ваську замуж выйду! Да, выйду! — На футляр капнула слеза. Алька сердито провела рукавом по лицу, прибавила еще шагу. — И будешь жалеть. Ох, как жалеть будешь, козел, болван, кто ты там еще... — Она остановилась как вкопанная. По другой стороне улицы навстречу Альке шла Рыбакова. Она была одна, без Дениса, все в том же длинном черном пальто.

Алька резко развернулась и рванула в противоположную сторону, надеясь, что Рыбакова не узнает ее со спины, войдет во двор СИЗО, а она, Алька, не замеченная ею, вернется назад. Но не тут-то было. Тотчас за спиной у нее раздался негромкий голос:

— Аля!

Она обернулась, не зная, куда деваться, медленно перешла улицу, остановилась, дожидаясь, пока Валеркина мать приблизится.

— Ты что здесь делала? — слегка удивленно спросила та, поравнявшись с ней. — Передать что-нибудь хотела?

Алька угрюмо кивнула.

— Так у тебя же не возьмут. Позвонила бы или занесла мне. Я как раз передачу несую.

Алька мялась с ноги на ногу, не зная, что сказать.

— Ты с инструментом? — не то спросила, не то констатировала женщина.

— У нас концерт сегодня, через три часа. — Алька обрадовалась, что появился предлог улизнуть.

— Ну иди тогда. Что передать-то хотела? Давай мне. Записку?

— Нет, не надо. Я передумала. — Оттого что ее застали врасплох, голос Альки прозвучал резко и даже грубо. Рыбакова снова бросила на нее удивленный взгляд. Альке стало стыдно. Сама навязалась. Мать-то его ничем не виновата, она и не догадывается ни о чем. — Как решилось с Дениской? — спросила она, чтобы загладить неловкость.

— Плохо. На следующей неделе его заберут. Я только-только из опекунского совета иду. Ничего там слушать не стали, говорят: есть живая мать, родительских прав не лишена, хочет она, — значит, ребенок будет жить с ней. Он у нас, то есть у Валеры, остался по их с Верой взаимному согласию. А теперь какое согласие?

— Вы Валере теперь напишете? — расстроено пролепетала Алька.

— Теперь уж напишу. Что же делать?

Алька всмотрелась в лицо Рыбаковой, ожидая увидеть слезы, но глаза той были абсолютно сухи. И голос, как всегда, был тихим, но ровным и спокойным.

«Какая-то бесчувственная она», — поразила Алька, представляя, как бы повела себя она сама в такой ситуации. Наверное, скандалила бы, плакала, угрожала... А впрочем, откуда ей знать, каково это? Ведь у нее нет ребенка.

Она отступила на шаг назад:

— Я пойду. Вы не обижайтесь на меня.

— Я и не обижаюсь.

— Я... игрушку Денису... давно еще купила, все никак не передам. Потом как-нибудь... Хорошо?

— Хорошо, только ты чего так кричишь? — Рыбакова тихонько дотронулась Альке до плеча, и та сразу заметила, как дрожит ее рука — не просто дрожит, ходуном ходит. Ах, дура она, дура!

— Я ничего, — проговорила она осевшим голосом. — Я потом вам объясню. Честное слово! — Алька повернулась и, не оглядываясь, побежала вперед по улице.

Алька молча, ни на кого не глядя, проскочила в артистическую. Народу собралось немного, до официальной явки оставалось чуть меньше часа. Она натянула черное платье, с удивлением обнаружив, что оно странно висит на животе. Впрочем, что странного: с таким образом жизни, какой сложился у нее в последнее время, немудрено похудеть. Алька одернула черный трикотаж, переобула туфли, расчесала перед зеркалом волосы, стянула их блестящей резинкой, чтоб не мешали во время игры. Теперь надо бы позаниматься, а то руки трясутся, не хуже чем у Рыбаковой.

В противоположном углу комнаты, деликатно отвернувшись от Альки к окну, тихонько наигрывал соло Владик Кудряшов. Алька настроилась и вступила дуэтом с ним. Владик обернулся, на его некрасивом, обезьяньем лице появилась добродушная улыбка.

— Давай еще раз, сначала, — предложил он.

— Давай.

Они заиграли кусок сначала, Владик вел тему, Алька вплетала в нее подголоски. На концерте к ним должны будут присоединиться Сухаревская с Соловьевой. У Ирки та же тема, что и у Владика, а у Ленки в партии выписаны «картошки», то есть длинные ноты, которые тянутся весь такт.

Алька и Владик доиграли весь сольный эпизод. Владик опустил скрипку, приблизился к Альке:

— Молодец, здорово играешь.

Алька немного успокоилась. Похвала Кудряшова чего-нибудь да значила. Он сам сильнейший скрипач и музыкант опытнейший, помимо игры в оркестре выступает квартетом, преподает в консерватории. Владик давно бы мог подвинуть Сухаревскую с концертмейстерства, да не хочет: он в оркестре совместитель.

— Может, повторить? — спросила Алька.

— Давай повторим, — усмехнулся Владик, — но тебе бояться нечего. Вот только в двадцать восьмой цифре штрих замени. Ты играешь саттие, а я бы делал спикатто. Сможешь поменять?

— Наверное. — Алька пожала плечами и снова подняла скрипку.

На этот раз получилось еще лучше — во многом благодаря совету Владика.

— Порядок. — Кудряшов положил скрипку в футляр. — Пойду покурю. Ты еще будешь заниматься?

— Да нет, пожалуй. — Алька вытащила сигареты и отправилась вслед за Владиком в коридор к мужскому туалету.

Там уже стояли Скворцовы, Копчевский и Славка Зубец, о чем-то оживленно беседуя. Увидев подошедшую Альку, все разом замолчали. Она удивленно покосилась на ребят, достала из пачки сигарету, наклонилась к Копчевскому. Тот, ни слова не говоря, чиркнул зажигалкой. Разговор возродился, но тянулся как-то вяло, и Альке показалось, что тема его изменилась с ее приходом. Она с нетерпением поглядывала на лестницу, где должен был с минуты на минуту появиться Чегодаев. Хотя Валерка и поступил как последний дурак, все же дело надо довести до конца. Пусть выйдет на свободу и катится от нее подальше! Однако Чегодаев не шел, зато на второй этаж поднялась Ленка. Повязки на ноге у нее уже не было, но ступала она тяжело, останавливаясь на каждой третьей ступеньке.

— О! — обрадовалась она, заметив Альку. — Что случилось? Мы все тебя потеряли.

— Болела, — уклончиво объяснила Алька.

— А твоя соседка отвечала, что тебя нет дома. — Ленка пристроилась к компании, положила футляр на подоконник.

— Я ее попросила.

— А что с тобой было-то?

— Отравилась.

— Понятно, — сочувственно протянула Ленка. — Ты играть-то можешь? Надо было, наверное, больничный взять.

— Не надо, все в порядке. — Алька еще раз покосилась за спины курящих в поисках Васьки. Странно, все уже почти в сборе, а его нет. Правда, он говорил ей о каких-то делах. Ладно, наверняка сейчас прибежит.

Докурив, они с Ленкой отправились обратно в артистическую, уже битком набитую переодевающимися оркестрантами. Никто никого не стеснялся, каждый, отвернувшись, занимался своим гардеробом. Ленка неторопливо облачилась в обтягивающее ее тонкую фигуру шелковое платье, высоко подколола волосы. В это время в дверях появилась Сухаревская — губы плотно сжаты, лицо каменное. Колючие глаза быстро обшарили огромную комнату и остановились на Альке.

«Сейчас начнется», — подумала та, внутренне собираясь, словно перед прыжком в холодную воду, прикидывая, как получше наврать по поводу своего двухдневного прогула. Но Ирка повела себя неожиданно. Она ни словом не обмолвилась об Алькиных прегрешениях, только коротко поинтересовалась:

— Партию смотрела? Соло выходит?

Алька растерянно наклонила голову.

— Сейчас будет прогон, я послушаю, — сказала Ирка и куда-то исчезла.

В артистическую заглянул Горгадзе, сделал пригласительный жест рукой. Оркестранты потянулись на сцену, переговариваясь и пересмеиваясь. В пустом зале сидели несколько облаченных в костюмы мужчин и две полные пожилые женщины, одетые подчеркнуто строго и просто, но с бриллиантами в ушах и на шее.

— Спонсоры, — шепнула Ленка.

— Откуда такие?

— Французы. Тебя вчера не было, а Горгадзе что-то вроде собрания устроил. Старые спонсоры выдохлись — им оркестр вроде как и ни к чему. Крет это в секрете держал, всем и невдомек было. А Горгадзе новых нашел, у него с ними по Парижу связь осталась. Пугал вчера: мол, если что, останемся на бобах и разлетится весь наш хваленый коллектив, к чертовой матери.

— Господи! — Алька поежилась. — Что ж он раньше молчал, партизан?

— Не дрейфь, — успокоила Ленка. — Сыграем.

Горгадзе, прямой и напряженный, как натянутая струна, стал за дирижерский пульт. Алька сделала глубокий вдох и кинула последний мгновенный взгляд на духовиков. Васьки так и не было. «К концерту придет», — успокоила себя она и взмахнула смычком. Оркестр играл слаженно и точно, пожалуй, лучше, чем при Кретове, несмотря на то что Горгадзе почти не повышал голос. Сказывались многочасовые, кропотливые групповые репетиции. Отыграли виолончели, кларнетист блестяще сыграл свою каденцию. Секунду на сцене стояла мертвая тишина, затем Горгадзе показал ауфтакт солирующему скрипичному

квартиру. Ирка и Владик вступили одновременно, затем к ним присоединила свои тягучие басы Ленка. Алька уверенно варьировала мелодию первого пюльта, с облегчением и радостью слыша, как легко и красиво поет инструмент. Пролетело место на спикатто, рельефно оттеняя глубокую, напевную тему. Ленка взяла последний, густой бас и на полную мощь врубился весь оркестр тутти. «Красивое все же произведение», — удовлетворенно подумала Алька. Они совсем мало репетировали именно эту одночастную симфонию, написанную молодым и очень одаренным российским композитором, но сейчас она звучала здорово, являясь козырной картой всего концерта, необычная по форме, страстно-героическая по содержанию, дающая возможность продемонстрировать себя почти всем оркестровым группам. А ведь когда месяц назад Горгадзе раздал им ноты, все плевались: мы, дескать, такого никогда не играли и играть не будем.

Оркестр закончил на бравурной высокой ноте. Горгадзе вытер платком взмокший лоб, довольный, обернулся к немногочисленным слушателям. Женщины в бриллиантах зааплодировали, одна из них послала дирижеру воздушный поцелуй.

— Шарман, — проговорил моложавый мужчина с бакенбардами, сидевший рядом с толстухой.

— Я рад, что вам понравилось, — с достоинством сказал Горгадзе по-русски, и другой мужчина, средних лет, светловолосый, с чуть асимметричным лицом, быстро заговорил на ухо толстухе.

— Кто они? — шепотом спросила Алька у Ленки.

— Кажется, президенты какого-то фонда международной поддержки одаренной молодежи. Миллионеры — муж, жена и сестра жены. А тот, что болтает, — переводчик.

— Это-то понятно, — фыркнула Алька. — Вот не думала, что у нас молодежный оркестр.

— Горгадзе вчера говорил, что делает ставку только на молодежь. Так что не теряйся.

Спереди обернулась Ирка, ободряюще кивнула:

— Неплохо, только не болтайте на сцене. Из зала все видно и слышно.

— Сейчас пройдем Генделя и Моцарта, буквально понемногу, и все, — мягко сказал Горгадзе, видя, что оркестр расслабился.

Музыканты проиграли опасные места во всей программе и ушли отдыхать. До начала концерта оставалось десять минут, и Алька начала трусить не на шутку — Чегодаев не объявился. Она поймала Алика Копчевского, подтягивавшего струны на альте, и спросила:

— Не знаешь, куда мог запропасться Чегодаев?

Алик как-то странно посмотрел на Альку, от чего той сразу стало не по себе.

— А ты не в курсе? — Он отложил инструмент.

— О чем я должна быть в курсе? Я болела.

— Да это сегодня только выяснилось.

— Что?! — Алька схватила Копчевского за плечо и потрясла: — Ты по-человечески объяснить не можешь?

— Эй, — запротестовал Алик, — хочешь обниматься, делай это нежно. А так ты мне концертную рубашку порвешь.

— Сама порву, сама зашью. — Алька ощутила вчерашний мертвенный холод. Что могло случиться с Васькой? Во всяком случае, ничего страшного, иначе бы Алик не хохмил.

— Ответь мне, пожалуйста, что с Чегодаевым. Он мне очень нужен, — вежливо попросила она Копчевского.

— Да ты что, Аль, правда не знаешь? Уволился он из оркестра. Сегодня утром. Он Горгадзе позвонил, что ему нужно срочно уехать на неопределенное время. И был таков. Так что мы теперь без инспектора и без трубы.

Алька молча во все глаза смотрела на Копчевского.

— Да брось, ты чего? Мы думали, ты в первую очередь знаешь, в чем дело. А он тебе что, ничего не сказал? Вот гад!

— Дай телефон. — Алька нетерпеливо протянула руку.

— На. — Копчевский вынул из кармана сотовый.

Алька, путаясь и сбиваясь, набрала номер Чегодаева. К телефону никто не подходил. По мобильному ей ответили, что номер заблокирован. Алька вернула трубку Копчевскому и отошла в сторону.

Значит, Васька сбежал. Обманул ее и исчез. А она, идиотка, еще извиняться перед ним вздумала сегодня утром. Вообразила, что он, как Андрей, будет ей помогать за красивые глазки! Она еще у него в квартире должна была понять, что происходит. Этот отстраненный тон, эта холодная жалость в глазах — будто она обречена умереть от тяжелой болезни, а он врач, который ничего не может поделать. Потому и подходить не стал на прощанье, отрезал ее, вычеркивал из своей жизни. Теперь понятно, что Васька был в курсе всех криминальных дел, творящихся в оркестре, иначе бы не стал так поспешно линять. И паспорта у него остались. Что он с ними сделал? Наверняка уничтожил! Единственное доказательство того, что Валерка может быть не виноват! Зачем ему понадобилось забирать у нее паспорта? Ну да, как же она сразу не догадалась — ведь он ненавидит Валерку, он с самого начала знал о его невинности, однако все сделал, чтобы тот оказался за решеткой. А она на Васькину порядочность рассчитывала! Сумасшедшая, право слово.

— Прошу оркестр на сцену, — распорядилась ведущая концерта.

Алька машинально двинулась вслед за чьей-то спиной, видя перед глазами только черноту. Все напрасно. Весь этот безумный месяц, все ее поездки, два дня поисков в огромном доме, отчаянное вранье, унижения, страх.

Она уселась за пульт, уставилась невидящим взглядом в ноты, стоящие на пюпитре. Что это? Она никак не могла включиться в бесконечную сеть мелких черных значков. Они сливались перед ней в сплошное месиво, и Альке показалось, что она никогда не училась музыке, не знала нот и очутилась здесь по ошибке. Шумели аплодисменты, Горгадзе стоял уже на своем дирижерском месте, как капитан на капитанском мостике, стройный, элегантный, подтянутый. В руке его уже была зажата палочка.

«Я не могу играть!» — со всей силы крикнула про себя Алька, но никто не услышал этого крика. Она не может, она не знает, как это делается, она все позабыла: для чего эта палка, которую называют смычком, как ею водить по туго натянутым, зловеще поблескивающим струнам? Надо сказать Ирке, надо незаметно уйти, выскочить позади оркестра, пробраться по краю сцены за кулисы! Иначе она испортит весь концерт, спонсоры откажутся от них, и не будет больше Московского муниципального. Надо позвать Ирку — вон она сидит впереди, ее спина прямо перед носом у Альки.

Горгадзе взмахнул палочкой. Все, теперь все. Она не успела. Теперь нужно играть, как угодно, но играть, иначе будет кошмар, позор, что-то ужасное.

Алька осторожно повела смычок и тут же услышала свой дрожащий, прерывающийся звук. Рука дергалась, смычок прыгал, извлекая из инструмента жалкую, непотребную фальшь. Алька отчетливо различала ее в мощном гудении оркестра. Кажется, и Ленка что-то

уловила, покосилась мельком, поморщилась. Надо играть тише, совсем тихо, тогда, может быть, никто из зала ничего и не разберет. Алька похолодела. А соло? Как она сыграет соло такими дрожащими руками? Там не за кого будет спрятаться, играют всего два пульта, четыре скрипки, у каждой — своя партия. Не прозвучит Алькина партия — вся музыка исказится, тем более французские миллионеры только что слышали ее в оригинале!

Где же выход? Ведь должен быть какой-то выход? Упасть в обморок на сцене? Сказать, что заболело сердце? Она как-то раз наблюдала подобное на чужом концерте. Отвратительное впечатление! Алька увидела, как впереди напряглась Иркина спина. Конечно, она прекрасно слышит мерзкую Алькину игру и предчувствует ее провал через три минуты. После него Альке останется только одно — уйти из оркестра, ни с кем не попрощавшись. И Ирку она подведет под монастырь — надо было думать, кому соло давать.

Алька обреченно взглянула в ноты, стиснула зубы, попыталась унять дрожь в руках, но у нее ничего не вышло. Кларнет доигрывал каденцию, оркестр негромко аккомпанировал ему, постепенно стихая. Наступила люфт-пауза. Горгадзе повернул лицо к струнному квартету, ободряюще кивнул, поднимая руку. В этот момент Ирка на долю секунды обернулась к Альке, губы ее зашевелились, почти беззвучно, так что Алька скорее не услышала, а угадала сказанное ею:

— Над струной!

Мгновение Иркины спокойные глаза смотрели прямо в огромные, расширенные от ужаса Алькины. Потом, словно дождавшись Алькиной безмолвной ответной реакции. Сухаревская отвернулась и начала тему.

Алька перестала давать вес на смычок и просто водила им по воздуху, имитируя игру. Она напряженно вслушивалась в музыку, которая должна была лишиться четвертого голоса. Ленка, не успевая обернуться на Альку, решительно всадила свою длинную ноту. И сразу Алька услышала свою партию, как ни в чем не бывало воздушно окутывавшую песенную тему. «Откуда?» — пронеслось у нее в голове, и в следующий момент она все поняла: Ирка играла два голоса одновременно, слегка сокращая Алькины подголоски, уверенно и невероятно чисто выстраивая двойные ноты. Соло звучало ярко и наполненно, не вызывая и тени сомнения, что вместо четырех человек играют трое. Алька слушала, боясь вздохнуть, ожидая каждую секунду, что Ирка собьется и потеряет ее партию. Но Сухаревская играла и играла, будто все свободное время она только и делала, что тренировалась играть оба голоса вместе. Наконец соло закончилось. Оркестр отыграл коду. Зал будто взорвался. Овации продолжались несколько минут, ничего не заметивший Горгадзе жал Ирке руку, жестом поднимал оркестрантов на поклон.

С трудом дождавшись, когда стихнут аплодисменты, Алька выскочила со сцены. Потопталась в коридоре, затравленно озираясь вокруг, — везде были люди: огромный, почти в сто человек, оркестр вываливался из зала в артистическую, в курилку, в туалеты, нигде нельзя было скрыться. Алька, прижимая к себе скрипку, устремилась к служебному входу. Сзади послышались шаги.

— Аля, что с тобой? — Ленка обняла ее за плечи. — Тебе плохо? Тошнит? Я так испугалась за тебя!

Алька продолжала быстро спускаться по лестнице. Только там, внизу, можно было исчезнуть, раствориться на все пятнадцать минут перерыва, побыть одной, постараться взять себя в руки. Ленка, едва заметно прихрамывая, спешила за ней, на ходу приговаривая что-то ласковое и утешительное. Алька изо всех сил сдерживалась, чтобы не зареветь. Сверху

раздался стук каблучков, и девчонок догнала Сухаревская, бледная, с ледяным взглядом и со скрипкой в руках.

— Она болела. — Ленка загородила Альку спиной, точно опасаясь, что Ирка нападет на подругу. — Она и сейчас себя плохо чувствует, ей не надо было приходиться на концерт.

— Уйди-ка отсюда, — тоном, не терпящим возражений, приказала Сухаревская Ленке.

— Но она не виновата, — упрямо сказала та, не двигаясь с места.

— Уйди, я прошу! Мы сами разберемся.

— Хорошо. — Ленка послушно вышла обратно в коридор, ободряюще кивнув Альке.

Теперь Ирка и Алька стояли друг против друга, и обе тяжело дышали от быстрой ходьбы.

— Иди домой, — наконец проговорила Ирка.

— А концерт?

— Плевать, без тебя сыграем.

— Мне нужно найти Чегодаева, — неожиданно для себя заявила Алька.

— Ты его не найдешь, — твердо ответила Ирка.

Алька села на нижнюю ступеньку, уткнулась в скрипку лицом. Пусть они все оставят ее в покое. Все равно она здесь работать больше не будет, наверняка, после того что сейчас случилось, ее уволят. Или переведут на последний пульт, а это еще хуже.

— Послушай, — раздался над ее головой Иркин голос, — я знаю, где ты вчера была. Я все знаю.

Алька недоверчиво подняла глаза. Что значит «все»? Что она может знать про нее, что она вообще понимает, эта Ирка? Разве она чувствует хоть капельку той боли и отчаяния, которые сейчас душат Альку? Не нуждается она в Иркиной долбаной жалости и сочувствии! На кой Альке эта жалость, если никто не вернет ей синие бланки!

— Иди домой, — повторила Ирка совсем мягко. — Все будет хорошо. Я очень на это надеюсь.

Алька нехотя поднялась со ступеньки и поплелась в артистическую. Там уже было пусто, начиналось второе отделение. Ирка стояла в дверях, спокойно наблюдая, как Алька застегивает футляр, переодевает платье, складывает вещи в пакет.

— Без тебя начнут, — предупредила ее Алька, раскрывая сумку, чтобы положить туда заколку. Рука дернулась, сумка выскользнула на пол, теряя свое содержимое.

— Не начнут. — Ирка хладнокровно дождалась, пока Алька, ползая по полу, собрала свои вещи, натянула куртку и вышла, кивнув на прощание. Потом быстро проверила строй скрипки, подошла к зеркалу, мельком взглянула в него, привычно задвинула ногой под стул валявшуюся на полу бумажку и зашагала к выходу, но, не дойдя, остановилась, вернулась, подняла сложенный вдвое листок. «Следующий раз будет последним». Она задумчиво повертела записку в руках. Бумага все еще хранила слабый, но настойчивый аромат.

Ирка хорошо знала этот запах — это был запах туалетной воды Виктора Глотова.

Аля стояла на главной лестнице Большого зала. Вокруг было пустынно и тихо. Внизу на стульчике читала книгу суровая седая билетерша. Сухаревская велела Альке идти домой, но ей туда не хотелось. Сверху до нее доносились слабые звуки Генделя, и она спустилась в холл, чтобы не слышать их. Напиться, что ли? Пожалуй, это единственное, что можно сделать, находясь в Алькином положении. Жаль, она хорошо переносит выпивку, и так надраться, чтобы обо всем забыть, ей будет нелегко. А забыть необходимо.

Алька медленно подошла к буфетной стойке. Буфетчица отвлеклась от пересчета денег и вопросительно вскинула брови.

— Что вы хотели?

— Ничего.

Алька села за столик, спиной к приветливой буфетчице, положила снятый футляр рядом, на стул, прикрыла глаза.

— Эй, спишь, что ли?

Она обернулась на голос, бывший хриплым, грубым, но смутно знакомым.

— Не спишь. Это хорошо. — Рядом с ее столиком стоял, слегка покачиваясь, среднего роста, худой, обросший мужик. Лицо его Алька явно откуда-то знала, но откуда, припомнить не могла.

— А ты из оркестра. — Мужик улыбнулся, обнажив редкие, темные зубы, и уселся рядом. — Чего смотришь, не признала?

Алька покачала головой и тут же поняла, кто перед ней. Это был рабочий сцены, прикомандированный к Дому культуры, но всегда выезжавший с оркестром на концерты. В его обязанность входило расставить и собрать пулты и стулья, помогать перетаскивать арфу и контрабасы и просто быть на подхвате. Имени его Алька не помнила.

— Ну так-то лучше, — сказал мужик, видя в Алькиных глазах осмысленность. — Чего здесь сидишь, когда ваши все на сцене?

— Болею, — вяло проговорила Алька.

— Болеть — дело плохое, — посочувствовал мужик и встал.

Алька снова зажмурилась. На столе что-то звякнуло.

— Выпьешь со мной? — Мужик, не дожидаясь Алькиного согласия, уже разливал поллитровку по стаканам. — Самое милое дело по болезни. У тебя что болит-то?

— Душа, — уронила Алька.

— Тогда тем более, — нисколько не удивился мужик, пододвигая к ней наполненный до краев стакан. — Ну за что пьем?

— Не знаю. — Алька взяла стакан в руку. Он был приятно прохладным.

— Давай за Пал Тимофеича, царствие ему небесное. За упокой не чокаются, — предупредил мужик и залпом опрокинул стакан. Алька сделала короткий вдох и последовала его примеру. Перехватило горло, на глазах выступили слезы, но через несколько секунд по телу прошло блаженное тепло.

— На вот закуси. — Мужик вынул из кармана шоколадку, отломил кусок, протянул Альке. Та послушно сунула его в рот. Мужик снова наполнил стаканы.

— Хороший человек был Паша, — прочувствованно произнес он. — Не скучаешь за ним?

— Скучаю, — согласилась Алька и так же, залпом, осушила второй стакан.

— Хорошо пьешь, молодец, — похвалил ее собутыльник. — И я скучаю. Простой был, без гонору. Сидели мы с ним часто, вот как сейчас с тобой, чин чинарем, говорили обо всем... Еще налить?

Алька подставила стакан. Рабочий разлил остатки водки, с сожалением взглянул на пустую бутылку.

— Жизнь у него непростая была. — Он помахал пальцем перед Алькиным носом. — Тяжелая, говорю тебе, жизнь. Врагу не пожелаешь! А он все терпел! Такой человек был стойкий, значит. — Его лицо приблизилось к Алькиному, он перешел на громкий полусшепот, запинаясь и пьяно растягивая слова: — Т-такое расскажу, н-не поверишь!.. Давай еще по маленькой?

— Давай, — лихо махнула рукой Алька.

— Тогда за твой счет, — развел руками мужик. — У меня з-затруднения, не обессудь.

Алька порылась в сумке, достала кошелек, вынула полтинник и отдала собутыльнику.

— Я м-мигом. — Тот нетвердой походкой направился к буфету.

Женщина, очевидно хорошо знавшая его, покачала укоризненно головой:

— Гриша, пора тебе остановиться. Помнишь, в прошлый раз какие неприятности были?

— Все путем! — Мужик выставил вперед ладонь. — В-видишь, мы Пал Тимыча поминаем. Она, между прочим, не п-просто так, а с-скрипачка! Я в этом деле много п-понимаю, не хуже с-самого дирижера!

Буфетчица строго взглянула на Альку и протянула мужику бутылку:

— Смотри, Гриш, это последняя.

— Учту, — пробормотал Гриша и вернулся за столик.

Они выпили еще пару стаканов. Альке стало совсем хорошо, тепло, язык ее отяжелел и ворочался с усилием, из рук ушла дрожь, но зато они, казалось, налились свинцом и с трудом поднимались. Концерт, Сухаревская, Васька — все уплыло, растворилось, превратилось в бесцветные, лишённые объема картинки, которые перестали тревожить Алькино воображение. И только одна тоскливая мысль о Валерке, о том, что она не нужна ему, настойчиво, острой иглой сидела в мозгу, не исчезая, а с каждым стаканом становясь все более отчетливой.

Гриша бормотал что-то неразборчивое, и Алька, остатками разума, встревожилась, что они сидят здесь, по-видимому, давно и скоро кончится второе отделение.

— Я пойду, — сказала она и встала.

— Счастливо оставаться, — помахал рукой мужик.

Алька сделала шаг, и тотчас пол под ней накренился, как доска на детских качелях, когда кто-то садится с противоположной стороны. Она поспешно уцепилась за столешницу. Вокруг все качалось и кружилось, точно она ехала по скользкому льду. Алька стояла, уцепившись за край стола, не решаясь больше пошевелиться.

— Э-э, да ты, девка, пьяная! — засмеялся мужик. — Не доедешь до дому. Пойдем ко мне, что ли, пересидишь с часок.

— Пошли. — Алька с опаской покосилась вверх, откуда вот-вот должны были появиться оркестранты.

Рабочий вылез из-за стола и, подхватив Альку под руку, неожиданно ловко потащил ее в подсобку.

— Отдыхай. — Он повел головой на стоявший в крошечной каморке низенький

диванчик. Вокруг были бесконечные полки с нотами, в углу притулился пыльный чехол от контрабаса, на полу валялись ломаные смычки без волоса.

Алька села на продавленные подушки, потом осторожно прилегла. Головокружение сразу стало проходить, и, по мере того как хмель рассеивался, на нее неумолимо с новой силой надвигалось все, что она так хотела забыть.

Мужик спокойно курил в уголке, на каком-то подобии кресла. Для него такое состояние, вероятно, было обычным и вполне рабочим. Он кинул окурок в стоявшее рядом железное ведерко, удобно вытянул ноги.

— Ну как, полегчало? — Речь его зазвучала более связно.

Алька кивнула. Она трезвела с каждой минутой, и с каждой минутой наваливалась тоска, от которой хотелось завывать.

— Красивая, — оценил мужик, бесцеремонно разглядывая Альку. — Парень есть у тебя?

— Сто шгук, — брякнула Алька, растягивая губы в резиновой улыбке.

— Ух ты! — усмехнулся мужик. — Ну ты сиди пока, а я пойду пульта соберу. Кончился, поди, концерт-то.

Он вышел, слегка пошатываясь, и плотно прикрыл за собой дверь.

Как избавиться от этой настойчивой памяти? Никому она не нужна! Васька предал ее, да черт с ним, с Васькой! Если бы Валерка оказался человеком, понял бы ее, не отталкивал...

Алька вдруг ясно увидела перед собой строгое и красивое лицо Ангелины, так похожее на ее собственное и такое другое. «Почему я не могу быть такой, как ты? — шептала про себя Алька сквозь закипающие слезы. — У меня все получается не так. Ты была права, не нужно было уезжать. Здесь все чужие, безжалостные, холодные, и я стала такой же. И мне все равно... все равно...»

Ей казалось, что все это происходит с кем-то другим, а она лишь наблюдает со стороны. Кто-то, а не она находится здесь, в этой низенькой, убогой комнатенке, не она только что распила почти две бутылки водки с этим омерзительным алкашом, не она слушала его пьяные, корявые слова сочувствия.

Алька сидела на диванчике, оцепенело уставясь взглядом в огромный контрабасовый футляр. В его полированной поверхности смутно отражалась и она сама, и комната, захлавленная и грязная.

Так прошло минут двадцать. Алька протрезвела окончательно. За дверью послышался грохот, и в комнату ввалился взъерошенный, помятый Гриша, волоча за собою здоровенный контрабас.

— Тяжелый, зараза. — Гриша подтащил многострадальный инструмент к футляру и попытался запихнуть его туда. Это ему не очень удавалось: контрабас перевешивал, Гришу качало, и справился он со своей задачей лишь с третьей попытки.

Выглядело это столь забавно, что Алька невольно улыбнулась.

— По последней, на посошок? — Гриша стряхнул пыль со штанов и жестом фокусника вытащил из-за пазухи недопитую бутылку.

«Что он там болтал про Кретова?» — вяло мелькнуло в голове у Альки.

— Давай по последней. Еще раз за Павла Тимофеевича и его трудную жизнь, — решила она.

— Я ж тебе рассказать хотел, — оживился мужик, суетливо разыскивая немые стопки

среди хлама, сваленного на столике. — Не поверишь! Ведь он знал, Тимофеич, что его убьют. — Он понизил голос до шепота, выплескивая остатки поллитровки: — Ей-богу!

— Откуда знал? — Алька выпрямилась на диване, с удовлетворением отметив, что ни пол, ни потолок больше не вертятся.

— Оттуда, — подмигнул Гриша. — Он мужик не промах был, стряпал кое-какие делишки. Никто не знал, а я знал! Потому как уважал он меня шибко, уясняешь? Пей давай!

Алька кивнула, но так и продолжала держать стопку в руке.

— Потом устал он, Паша. Так и говорил: «Утомился я, Гришаня, бросил бы все к фене — и оркестр, и прочее. Сочинял бы...» Сечешь? Это ж сила была, Тимофеич, ум какой!

— Что ж он на пенсию не шел? — осторожно спросила Алька. — Сидел бы дома и сочинял.

— Разлетелась! — Гриша потряс пустой бутылкой, покосился на Алькину сумочку и вздохнул: — Кто б ему дал уйти! Наказали сидеть и не рыпаться.

— Кто наказал?

— Кто надо. Пришел Тимофеич ко мне, сам серый, аж глядеть жутко. «Гриш, — говорит, — не спрятаться мне. Под землей найдут». Был один у него свой человек, среди тех, — работяга опасливо мотнул головой в сторону двери, словно за ней притаились неведомые убийцы, — передал, что готовится ему несчастный случай.

— Как это?

— Дура совсем? Не понимаешь, как это делается? Это когда помираешь, как бы по случайности, а на самом деле нет... Не будешь пить, мне давай тогда! — Он забрал у Альки нетронутую стопку. — Вот потому жизнь тяжелая была у Паши. Смерть свою подстерегал, да не знал, с какой стороны она прискочит. Тот-то... ну который предупредил его, ничего более сказать не мог, велел только опасаться в оркестре человека по кличке Флейта.

— Как ты сказал? — Алька соскочила с дивана, задев Гришину руку со стопкой. Та глухо звякнула об пол.

— Что ж ты делаешь! — недовольно проворчал мужик, нагибаясь к плавающим в лужице осколкам.

— Повтори, что ты сейчас говорил про флейту!

— А ты глухая? — рассердился Гриша. — Убить его должен был кто-то с прозвищем Флейта.

— Именно с прозвищем, а не просто флейтист?

— Отстань! — Гриша собрал битое стекло, бросил его в ведро, с явным сожалением вытер лужу.

— Так что ж ты молчишь все это время? — Альку охватили одновременно торжество и ярость. Никто не подумал встретиться и поговорить с этим забуддыгой, никому дела нет, что он все знает об убийстве Кретова. Как кричал Кретов перед смертью? «Флейта, проклятая флейта, убийца!» Эти слова были главной уликой против Валерки, их нельзя было объяснить ничем другим, кроме как тем, что Кретов видел своего убийцу, и убийцей являлся флейтист. Именно поэтому с самого начала Алька считала, что никакого крика не было, не могло быть.

Но, оказывается, слова дирижера значили совсем другое — он наконец узнал, кто его палач, скрывающийся под кличкой Флейта. Потому и кричал «Флейта!», а не «Флейтист», имея в виду совсем не Рыбакова. И злился на Валерку, цеплялся к нему на репетициях из-за того, что тот невольно все время напоминал ему о притаившейся где-то страшной, невидимой смерти!

— Ты пойдешь со мной к следователю и повторишь ему все, что сейчас рассказал мне. Прямо сейчас! — Алька потянула мужика за рукав к двери.

— Чего? — Он и не думал двигаться с места, глаза его смотрели на нее удивленно и насмешливо. — Какая шустрая! Я еще пожить хочу! Ишь ты, к следователю!

Он грубо оттолкнул Альку, освобождаясь из ее цепких пальцев.

— Но ведь человек в тюрьме сидит, невиновный человек! Ты же можешь его спасти своими показаниями!

Альке стало страшно. Она готова была умолять этого козла, даже встать перед ним на колени, только не допустить, чтобы он окончательно обозлился. Может быть, если действовать по-хорошему, то удастся его уговорить?

— Мне-то что? — ухмыльнулся Гриша. — Мне лишь бы моя голова была цела. Я в этом деле человек десятый.

— Я все равно расскажу, сама расскажу. Тебя привлекут за сокрытие!

Мужик откровенно захохотал:

— Кому чего ты расскажешь? Кто тебе, шлюхе, поверит? Небось так с каждым пьешь, кто тебе предложит? Может, и еще кое-что? Топай отсюда, угрожать мне она еще будет!

Он замахнулся, но движения его были сильно замедлены водкой.

— Сволочь! — Алька увернулась в сторону, подняла с пола тяжелый контрабасовый смычок. — Я еще вернусь к тебе, ты меня вспомнишь!

Она изо всех сил ударила Гришу смычком по шее и кинулась за дверь. Пробежала несколько метров, упала, вспомнила про забытую на диване скрипку. Задыхаясь, влетела обратно в подсобку. Мужик, склонившийся было над ее футляром, быстро отпрянул к окну. Ни слова не говоря, Алька схватила инструмент и унеслась прочь.

Где, где искать эту Флейту? Кто это может быть? Обязательно духовик? Или прозвище дано совсем по другому поводу? А вдруг это вовсе и не музыкант, а кто-то из администрации оркестровой базы? Там ведь целый штат работников, кто-то из них ездил с оркестром во Владимир. Может, это тот самый человек, который умело и профессионально подрезал ремень на софите?

Догадывался ли Кретов, кто скрывается под этим красивым прозвищем? Видимо, нет. Он узнал об этом в самый последний момент своей жизни. Очевидно, прежде чем вставить вилку кипятильника в розетку, палач раскрылся обреченному дирижеру. И еще очевиднее, что убийца не предполагал кретовской осведомленности о кличке Флейта. Иначе бы он не допустил, чтобы тот орал об этом на всю гостиницу. Произошла накладка — готовился несчастный случай, но Крет своим криком поставил это под сомнение. Зато, на радость киллеру, под руку подвернулся Рыбаков, да еще и оказался именно флейтистом. Невероятное, трагическое совпадение, на которое шансов было один из тысячи. И тем не менее оно произошло.

Теперь Алька знает почти все. Но что толку? Кто ей поверит, без свидетелей, без бланков, оставшихся у Васьки? Сочтут, что вся история — плод ее больного воображения. Надо найти палача, найти Флейту. У этого человека не должно быть алиби на момент убийства.

Подошел троллейбус, из него вывалилась веселая, разноцветная толпа школьников, едущих откуда-то целым классом. Алька вошла в опустевший салон. Предстояло решить, к кому направиться. О соображениях Кретова насчет Флейты можно было узнать лишь у двух человек: Вертуховой и Софьи Тимофеевны. Ленка явно ничего такого от своего любовника не слышала, иначе бы давно догадалась, что Рыбаков тут ни при чем. С Кретовой говорить, скорее всего, бесполезно: она совершенно очевидно не в себе, несет какую-то чушь. Лучше бы нагряться к Вертуховой, но это слишком далеко для сегодняшнего дня. Завтра Алька поедет в Химки, а сейчас на всякий случай все-таки посетит Кретову. Вдруг покойный дирижер делился с ней своими опасениями и страхами?

Около метро неожиданно вошел контролер и оштрафовал Альку, у которой проездной был только на трамвай. Билет купить она, конечно, позабыла и заплатила десятку двухметровому парню с бульдожьей челюстью. В другой раз она бы поломалась и попробовала бы отвертеться, но сейчас не хотела рисковать. И так в последнее время она попадает в сплошные переделки.

Алька вдруг вспомнила про записку. Да, нечего сказать, с той первой «прогулки» в Александров она успела многое натворить. Наверняка «следующий раз», о котором говорилось в письме, давно уже ей засчитан. Странно, но она не ощутила страха, а ведь еще сегодня утром он давил на нее, сжимал горло, леденил кончики пальцев. Может, Алька просто перешла некий предел, за которым все воспринимается по-другому, устала бояться, волноваться, страдать? Осталась лишь способность холодно и отстраненно мыслить, просчитывать, анализировать. Одна ее школьная подружка, выучившаяся на операционную медсестру, как-то рассказывала, что во время операции по-другому ощущаешь время и себя в нем. Минуты растягиваются и становятся длиннее часов, а все мысли о себе уходят. Существуют только операционное поле, сосуды, аорты, вены, защелкнутые зажимами, и твои руки, держащие края раны, пытающиеся остановить кровь. Все прочее неважно — любят ли тебя, любишь ли ты, счастлив ли, сыт, богат. Один на один — ты и смерть, схватка идет часами, но кажется, что прошло лишь несколько мгновений.

Вот так и Алька — она сейчас словно очутилась в операционной и оставила за ее белыми стенами боль, обиду, ревность и собственный страх. Она никто, просто спасатель, для которого все потерпевшие в равном положении. Она не станет думать о том, что Валера ее не любит и никогда не полюбит. Она просто спасет человека, как спасают врачи, толком не вглядываясь в лица, не зная, где, чем и как будут жить их пациенты. Пусть живет дальше как знает.

Дом старушки Кретовой Алька помнила, а за номером квартиры полезла в записную книжку. Не обнаружив там второй угрожающей записки, долго думала, куда она могла деться, пока не вспомнила, как выронила из рук сумочку в артистической. Наверняка кто-то уже подобрал ее и прочел, но Альку теперь это тоже не волновало. Осторожно перешагнув через отсутствующую ступеньку, она зашагала по лестнице.

Как и в прошлый раз, Кретова долго не открывала, но Алька давила на кнопку не переставая, уверенная в том, что старушка дома. Наконец щелкнул замок, Софья Тимофеевна выглянула на площадку, тревожно всматриваясь в Альку.

— Вы меня помните? Мы приходили к вам по поводу статьи о Павле Тимофеевиче.

Кретьова молча отрицательно покачала головой.

— Вы помните, — принялась уговаривать ее Аля, — мы еще обсуждали с вами пропажу его сочинений и женщину, с которой он ездил на дачу. Я Аля, а тогда со мной была еще Лена.

— Что-то я забыла, — смущенно пробормотала Кретьова, опасливо покосилась на Алю, но цепочку все-таки сняла. Аля зашла в квартиру.

В комнате приглушенно работал старенький пузатый радиоприемник, на диване лежала большая, замысловато связанная шаль, на столе — стопка фотоальбомов и очки.

— Так вы журналистка? — переспросила Кретьова, усаживаясь за стол.

— Да. Вы нам в прошлый раз очень помогли, рассказали столько интересного.

— Ах, деточка, — Софья Тимофеевна всхлипнула, достала из кармана халата платок, вытерла слезящиеся глаза, — за каким печальным делом вы меня застали! Вот подбираю фотографию на памятник Павлу Тимофеевичу. Никогда не думала, что я это буду делать для него, всегда — что он для меня. Это было бы по справедливости. — Старушка тихо плакала, перебирая длинными сморщенными пальцами фотографии.

Глядя на нее, несчастную, одинокую, убитую горем, Аля невольно поразила тем, каким подчас можно быть слепым и недалеким. Прожить всю жизнь в одиночестве, отречься от самой себя, обожествлять брата, посвятить ему все свое существование — и совершенно его не знать, не ведать, что тот, кого она считала добрейшим и талантливым человеком, на самом деле грубый, мелочный и алчный старик, сластолюбец, покупавший себе на склоне лет любовь за деньги, запутавшийся, завравшийся, не нуждающийся ни в чем преклонении. Для Софьи Тимофеевны он по-прежнему остался святым, любимым младшим братом, гениально одаренным, не понятым, больным и одиноким. Что ж, может, она и права по-своему — смотря под каким ракурсом разглядывать одни и те же вещи.

— Софья Тимофеевна, — Аля подошла к столу, — я должна поговорить с вами на одну не совсем приятную тему.

Кретьова на секунду оторвалась от фотографий, непонимающе посмотрела на Алю и снова углубилась в просмотр.

— Софья Тимофеевна, — повторила Аля тверже, — вы знали, чем занимался ваш брат помимо оркестровых переложений?

— Я не понимаю, деточка, о чем вы? Он был великолепный дирижер, кому, как не вам, это знать?

— Вы не удивлялись, откуда у Павла Тимофеевича были такие огромные средства? Вы же знали приблизительно, во сколько ему обошлось строительство дачи, разве он никогда не говорил вам?

— Господь с вами! Я никогда не была у него на даче, и потом, Павел имел хорошие гонорары за выступления. Оркестр давно пользуется популярностью в Европе.

— Никаких гонораров не хватит, чтобы за каких-нибудь три-четыре года обставить дом антиквариатом и содержать молодую любовницу по высокому разряду. На это нужны дополнительные средства.

— Что вы имеете в виду? — Глаза Кретьовой, и без того увеличенные выпуклыми очками, округлились.

— Павел Тимофеевич погиб не случайно, его убили.

— Зачем лишний раз напоминать о том, что я, к несчастью, хорошо знаю? — с укором произнесла Кретьова, вытирая бегущие по щекам слезы. — Я не понимаю, чего вы

добиваетесь!

— Вам ничего не известно, Софья Тимофеевна! Вы знаете только то, что вам сказали в милиции. Но это неправда — вашего брата убил совершенно другой человек. И сделал он это не потому, что был пьян и оскорблен, а потому, что ему велели убить дирижера Кретова.

Алька тут же пожалела о своих словах, потому что старушка вдруг широко хлебнула ртом воздух и стала сползать со стула на пол. Аллька испугалась, что она потеряет сознание или ее хватит инфаркт вместе с инсультом. Она подхватила Кретову под руки, осторожно усадила ее обратно, сбегала на кухню, отыскала в шкафу корвалол, накапала в чашку.

Однако Софья Тимофеевна умирать не собиралась, хотя выглядела потрясенной и совсем больной.

— Вы должны мне объяснить ваши слова, — она твердо отодвинула поставленную перед ней чашку, — иначе я стану думать, что вы странная журналистка, заинтересованная вовсе не в том, чтобы написать правдивую и искреннюю статью о Павле, а собирающаяся опорочить моего брата.

— Вы правы, — Аллька пододвинула стул, уселась рядом, — я не журналистка. Я скрипачка, просто скрипачка из оркестра Павла Тимофеевича. И я знаю: ему угрожали смертью за то, что он решил свернуть нелегальный бизнес, которым занимался последние годы.

— Это ложь, — неожиданно хладнокровно и спокойно произнесла Кретова. — Как вы можете утверждать такое?

— Софья Тимофеевна, послушайте меня! Да, у меня нет никаких доказательств тому, что я сейчас сказала, но, поверьте, все это правда! Ваш брат боялся человека по прозвищу Флейта. Именно этот человек и вставил в розетку кипятильник. Я прошу вас помочь — вспомните, говорил ли Павел Тимофеевич о своих страхах, делился ли с вами подозрениями, кто может скрываться за этой кличкой? Подумайте хорошенько, может быть, тогда нам удастся разоблачить настоящего убийцу вашего брата и вытащить того, кто в этом не виноват!

Алька перевела дух. Кретова медленно и молча качала головой, на губах ее играла гордая и презрительная улыбка. Она не верила ни одному Аллькиному слову, не желала верить в то, что ее брат был мошенником, а не гением.

«Бесполезно, — отстукивало у Алльки в голове. — Бесполезно! Все равно что бороться с ветряными мельницами. Неужели можно вот так говорить, кричать, вопить что есть силы — и тебя никто не услышит?»

— Ладно, — она поднялась со стула, — не хотите, как хотите. Я поеду к Зинаиде Ильиничне. Может, она окажется более благоразумной и милосердной.

— Зачем же вы приходили ко мне, позвольте спросить? — надменно поинтересовалась Кретова. — Ведь статью, как я понимаю, вы писать не собираетесь.

— За этим и приходила. — Аллька рассеянно поглядела Кретовой через плечо. Альбом был раскрыт как раз в том месте, где была фотография Ленки, ее матери и Кретова. Именно та, что случайно приоткрыла Алльке Ленкину тайну, которую та тщательно оберегала от всех.

Алька невольно задержала взгляд на снимке, и Софья Тимофеевна, заметив это, проговорила с неожиданной теплотой:

— Это было хорошее время в жизни Павлика. Он тогда развелся с первой женой, Настей, немного пожил у меня. А потом познакомился с ней. — Старушка указала на снимок. — Шурочка была очень славная женщина, непритязательная, ласковая. Из его

женщин она мне нравилась больше всех. Кажется, и любила она его по-настоящему, но Павлик так и не расписался с ней.

Алька молча кивнула и пошла из комнаты.

— А это Лялечка, Шурочкина дочка, — настиг ее у двери голос Кретовой. — Ей здесь, наверное, лет тринадцать. Невероятно способный был ребенок, кончала музыкальную школу сразу по двум специальностям. Позже, кажется, она выбрала скрипку и даже стала музыкантом. Но настоящая ее страсть в детстве была флейта.

Что-то произошло с Алькиной головой. Нечто очень странное. В ней, как в видеоплеере, включенном на длительную перемотку, замелькали быстрые, сменяющие друг друга кадры. В ушах все звучал голос Кретовой, но слова, сказанные ею, имели какой-то другой порядок и повторялись, без конца повторялись...

«...Лялечка... талантливый ребенок... по двум специальностям... ее душой была флейта... Лялечка... флейта...»

То, что давно уже было угадано Алькой, пусть смутно, несмело, но угадано, и то, что она с таким яростным упорством гнала из головы, теперь наступало на нее, безжалостно высвечивая в памяти события прошедшего месяца.

Заспанное, обалдевшее лицо Славки в номере владимирской гостиницы. «А где мы были с полдевятого до полдесятого?»... Ленка, тихо проскальзывающая в номер. «Если не возражаешь, я в ванную на минуточку»... Славка, голый по пояс, в синих штанах, только что проснувшийся, рассказывает им о том, что произошло с Кретовым... Белое от ужаса лицо Ленки, когда она узнаёт, что Рыбаков зашел в номер к дирижеру...

И снова, и опять: «...Лялечка... флейта...»

Не может быть! Не может быть!!

Но уже услужливо прокручиваются новые кадры. Квартира Вертуховой... Ленка, перебирающая кретовские рукописи... Фотография скрипки. «И сколько у него таких папок?» Поняла, конечно, поняла, что есть опасность обнаружить среди рукописей паспорта! Не уследила за Кретом, и тот привез их на дачу...

Сколько раз Ленка обманула ее, Альку? Один? Два? А может, и больше? А Алька ругала себя, кляла, что осмелилась подозревать лучшую подругу! Нет, не может быть!

Не может быть? А записки, появляющиеся сразу после их походов? Никто за ними не следил! Зачем следить, если каждый Алькин шаг известен! «Пожалуйста, Лен, поедем с тобой!» Ради бога! Нет проблем!

И все-таки не может быть! Ведь софит должен был упасть на них обеих! Не может быть, это просто бред, горячка больного воображения! Почему лопнула струна? Ведь она была совершенно новая, только что натянутая. Алька отлично знает, отчего могут внезапно лопнуть струны. Струны лопаются, если их подрезать! Откуда же пришла Альке помощь в последний момент? Кто подрезал ей струну, чтобы она ушла со своего места и софит пролетел мимо? Ленка? Нет, Алька точно помнит, что та перед репетицией все время сидела в буфете. Тогда кто же? Кто?

Стоп! А почему она решила, что хотели спасти ее? В чем футляре лежала Алькина скрипка? В Ленкином! И удалить с репетиции хотели Ленку! Это на Ленкиной скрипке резали струну, приняв ее по ошибке за Алькину. Знал бы Копчевский, что он случайно спас Альке жизнь, заставив ее положить инструмент в чужой футляр!

А Ленка? Неужели, она знала о том, что грозит Альке? Услужливо побежала предлагать запасные струны, видя, что произошла осечка! Конечно, как не побегать, когда через

несколько минут на их стулья должен был свалиться смертоносный прожектор!

Не может быть!!! Как она могла? Она же хорошая, Ленка, она же добрая. Любит ее, Альку. Они же год не разлей вода!

Почему, Ленка, почему?

И снова, словно мертвый, компьютерный голос телефона с определителем номера: «Лялечка... флейта...»

У Ленки нет алиби. Это они с Копчевским и Зубцом сами сделали ей алиби, Ленка не была со Славкой, вернее, была с ним только сначала, а потом... Теперь все сходится. Все до мелочей. Она должна была давно догадаться, давно, еще во время первой поездки на дачу. Естественно, у Ленки есть сообщники в оркестре, но Крета убила именно она. Она сама Вытурила Алика, напоила Славку, дождалась, когда тот заснет, и явилась к Крету. Наверняка тот ждал ее, не запирает дверь. Это она ходила перед номером Павла Тимофеевича, когда Алька шла от Рыбакова. Конечно, Ленка знала прекрасно все привычки своего любовника, знала, что он станет подогревать ванну кипятильником при отсутствии горячей воды. Все должно было получиться виртуозно, никто бы ничего не заподозрил. Классический несчастный случай. Могла ли Ленка предполагать, что Алька тайком побывала у Валеры и уговорила его извиниться перед дирижером?

Алька почувствовала боль в кончиках пальцев и поняла, что изо всей силы сжимает деревянную спинку стула Кретовой. Так сжимает, что побелели кистевые суставы. Сколько времени она стоит здесь, посреди этой старомодно обставленной комнаты, полностью погрузившись в себя, без слов, без движений? Пора уходить. Теперь, когда все самые худшие опасения подтвердились, ей необходимо подумать, хорошенько подумать. Господи, в какой же ужасный переплет она попала и как ей выпутаться из всего этого?

Очередной резкий порыв внезапно поднявшегося ветра снова в который раз погасил пламя зажигалки, которую Алька держала в руках. Она чертыхнулась, швырнула сломавшуюся сигарету в высокую переполненную урну, вытащила из пачки новую. Повернулась к ветру спиной, зажгла огонь, стараясь унять дрожь в руках, закурила, жадно затягиваясь.

Что же делать? Пойти в прокуратуру, к следователю, и настучать на Ленку? Это значит погубить ее! Нет, этого сделать Алька не может. Это просто чудовищно!

Но тогда как вытащить Валерку из тюрьмы? Следствию нужны либо улики, либо настоящий убийца, и, как ни крути, без Ленкиного разоблачения Альке никто не поверит.

Может быть, существует еще какой-нибудь вариант?

В его поисках Алька стояла здесь, у метро «Войковская», вот уже полчаса. Стояла и терзалась, не находя выхода из создавшегося положения. Ей казалось, что сердце рвется на части. Каждые пять минут она переходила от отчаяния к надежде и снова к отчаянию.

В какой-то момент в ней одержала верх злость на Валерку, обида на то, что он так жестоко с ней поступил, отказавшись от свидания. И это после всего, что она старалась сделать для него! В эту минуту Алька была почти уверена, что он не стоит их с Ленкой дружбы и уж тем более Ленкиной жизни. Она успокоилась и собиралась уже спуститься в метро, чтобы поехать домой и ничего не предпринимать, как вдруг остановилась, больно ужаленная другой мыслью.

Эта мысль была о том, что Ленку можно понять, но нельзя полностью оправдать. На ее совести жизнь человека, пусть даже такого подонка и ничтожества, каким был Кретов, но все равно жизнь. И Ленка ни единым словом не предупредила Альку о готовящемся на нее покушении. Значит, Ленка готова была спокойно смотреть, как софит размозжит Алькину голову! За что тогда Альке жалеть ее, почему за Ленкино преступление невиновный человек должен провести в тюрьме долгие годы?! Человек, который, несмотря ни на что, дорог Альке! Кто знает, сможет ли он вообще пережить это и выйти на свободу не инвалидом? Да и сын Валеркин фактически осиротеет, матери-то у него считай что нет.

Алька начинала было склоняться к тому, чтобы выдать Ленку следствию, и тут снова ее одолевали сомнения. Вдруг Ленка ничего не знала о софите? Просто передала своим сообщникам в оркестре, что Алька никак не хочет успокоиться и лезет не в свое дело, а те стали действовать за Ленкиной спиной. И ее белое от ужаса лицо, подавленный, убитый вид, тягостное молчание после того, как рухнул прожектор, не умелое притворство, не хитрая актерская игра, а подлинный страх и шок от случившегося.

Алька словно вступила в замкнутый круг, откуда не вырваться, в лабиринт, все ходы которого на деле оказываются тупиками.

Какой-то парень в потертой кожаной куртке подошел к ней, попросил закурить. Она машинально вытащила зажигалку, чиркнула ею возле подставленной сигареты. Парень закурил, но не отошел. Кажется, он что-то говорил, но слов Алька не слышала, только видела, как смешно и беззвучно шевелятся его губы. Парень удивленно покрутил пальцем у виска и исчез в темноте. А Алька все продолжала стоять на узком освещенном пятнышке около стеклянных дверей метро, не трогаясь с места.

Так прошел час, самый ужасный час ее жизни. В конце концов Алька, не глядя по

сторонам, ровной и твердой походкой вошла в метро. На душе было холодно и пусто. И спокойно. Она приняла решение и больше не колебалась.

Запищал домофон, и дверь плавно открылась. Ирка вошла в подъезд. Рыжая кудлатая консьержка привстала со своего кресла и тут же, узнав ее, уселась обратно. Бесшумно разъехались створки лифта, Ирка вошла в зеркальную кабину, нажала кнопку.

Виктор уже стоял на площадке, радостно улыбаясь. Прическа, как всегда, волосок к волоску, голубые, как южное небо, джинсы, жемчужно-серая футболка навывпуск. «Господи, как ему идет серый цвет и какой же он молодой!» — с отчаянной безнадежностью подумала Ирка и шагнула из лифта ему навстречу.

— Почему ты не позвонила? — Виктор посторонился, пропуская ее в квартиру. Глаза его сияли. — Я бы заехал за тобой.

— Не беспокойся, я сегодня на машине. — Она шагнула в просторный коридор и остановилась у двери.

— Мы могли разминуться, я только что вошел. Ездил по делам. — Он положил руки сзади Ирке на плечи. — Как концерт?

— Хорошо. — На минуту ей пришло в голову, что не надо ничего делать, ни о чем говорить. Просто остаться, как всегда, ждать, пока все не кончится само собой, и будь что будет.

— Ужинать пойдем? — Светлые глаза Виктора смотрели на нее с обычной мягкостью, слегка беззащитно. — Я там одну вещь купил, ты наверняка не пробовала...

Она резко обернулась, высвобождаясь из его объятий.

— Мы сегодня не будем ужинать вместе, — сухо усмехнулась Ирка и отодвинулась, пресекая попытку Виктора помочь ей снять плащ.

— Почему? Ты торопишься?

— Да, я тороплюсь. Тороплюсь сказать тебе, что мне все известно.

— Ты о чем? — Он обезоруживающе улыбнулся.

— Я об инструментах, которые вывозятся с оркестром за рубеж.

Ей доставило удовольствие наблюдать, как мгновенно меняется его лицо, становясь из почти детского, чистого и просветленного холодным, спокойным и непроницаемым. В сущности, она этого и ожидала, ведь таким он и должен быть, настоящий Виктор Глотов. Тот, кто взял в свои руки осуществление идеи, придуманной Кретовым, кто разработал убийство, а может, даже лично сделал это. Кто не мог не знать о расправах над непослушными перевозчиками, кто набирал на компьютере устрашающие письма и распорядился свалить софит. Но и другой Виктор Глотов тоже существовал — в Иркиной памяти, в ее снах, и сейчас за новым обликом она все равно видела смутную тень старого.

— Я тебя не понимаю. — Виктор смотрел Ирке в глаза кристально чистым, ясным взглядом. — Ты чем-то расстроена. Разденься, пойдем в комнату, не в коридоре же разговаривать.

— Ты понимаешь. У меня есть веские доказательства, поэтому не стоит дальше притворяться.

— Какие доказательства? Ира, что ты такое говоришь?

— Нашли поддельный паспорт на «итальянца».

— Кто нашел?

— Неважно. Важно то, что он наверняка не единственный; что служивший вам Петя

Саврасенков, на которого выписан этот паспорт, мертв, как мертв Кретов; что на головы много знавших девчонок упал софит. И еще вот это. — Ира вынула из кармана записку и показала ее Виктору, держа слегка на расстоянии, чтобы тот не вырвал листок у нее из рук.

Однако Глотов даже не шелохнулся и не предпринял попытки уничтожить улику.

— Послушай, Ира! Мне сложно объяснить тебе, ты, конечно, не поверишь... Да, все так и есть. Вернее, сначала так было. А потом... — Он замялся, но лишь на секунду. — Потом все изменилось. Я имею в виду нас. Ты для меня важнее инструментов.

Ирка слушала молча, лишь губы ее кривила холодная усмешка.

— Я прошу тебя, пойдем в комнату. Нам нужно объясниться. — Он осторожно протянул руку, но Ирка дернулась в сторону:

— Спасибо! Я не хочу, чтобы и со мной произошел пресловутый несчастный случай. Сердечная недостаточность, удар током или что еще там у вас в арсенале?

— Ира! — Спокойствие сошло с его лица, сменившись ужасом и отчаянием. — Ты что?!

— Перестань, Витя, — устало проговорила она. — Ничего не выйдет. Ты не представляешь, на что способна обманутая женщина.

— Я не обманывал тебя. — Он опустил голову и сразу напомнил Ирке прогулявшего урок студента музучилища. Ей неудержимо захотелось провести рукой по его густым, светло-русые волосам, сначала взъерошив их от затылка ко лбу, а затем пригладить. Она судорожно прижала руку к плащу. — Я тебя люблю, — не поднимая глаз, просто сказал Виктор.

— Вот что. Я не желаю знать, как вы убили Кретова, и не хочу разбираться во всем остальном. У тебя есть максимум десять часов, потому что утром я иду к следователю. — Ирка открыла дверь, обернулась на Виктора и прибавила: — И еще. Хочу предупредить, если за это время со мной или кем-то другим что-нибудь случится, имей в виду — я оставила всю информацию надежным людям, и они прекрасно осведомлены о том, где я сейчас нахожусь. Прощай.

Хлопнула дверь. Глотов некоторое время постоял в прихожей молча и почти неподвижно. Потом повернулся и не спеша направился к находящемуся в комнате сейфу.

Молоденький милиционер при входе в прокуратуру смотрел на Альку с ненавистью и безнадегой.

— Сколько раз повторять тебе? Завтра приходи, с утра. Тебе пропуск выпишут, а так нельзя.

— Я до утра могу и не дожить, — мрачно ответила Алька.

— Да что с тобой станется? — зло рассмеялся дежурный. — Послушай, а может, ты сумасшедшая? Говорю русским языком: нет сейчас никого. На часы посмотри — без пяти одиннадцать! Думаешь, тут круглосуточно работают, что ли?

— Но кто-нибудь из начальства наверняка остался! Мне все равно к кому, только пусти. Я должна сказать им очень важное.

— Вот завтра и скажешь. Пропуск тебе закажут, пойдешь к следователю, с ним будешь разговаривать. А сейчас отваливай, пока я не рассердился окончательно!

— Я никуда не уйду! Завтра вы мне скажете, чтобы я через неделю приходила!

— Не скажем.

— Все равно я подожду. Понимаешь ты, что мне угрожают? Вот смотри. — Алька протянула парню записку.

— Ну и что? — хмыкнул тот. — Я таких сто штук могу сам себе написать.

— Пиши, если тебе делать нечего, а мне этим заниматься ни к чему. Мне ее под дверь сунули.

— Проваливай, — вконец разозлился парень и схватился за телефон: — Сейчас наряд вызову. Боишься дома ночевать, в КПЗ пересидишь!

К дверям вышел еще один милиционер, тоже молодой, но полноватый и оттого выглядевший более солидно.

— Петь, что за шум?

— Объясни этой девице, что к следователю по ночам не ходят, — устало бросил дежурный.

— Девушка, ну-ка быстренько давайте отсюда! — Толстяк попер прямо на Альку. — Вы где находитесь? За сопротивление представителю власти знаете что полагается?

— Ведь свет горит в окнах, я видела! — Алька слегка отступила под напором толстого. — Значит, кто-то еще работает. Пожалуйста, ребята, мне очень надо, пустите!

— Девушка!.. Петь, вызывай дежурный наряд!

— Ну не надо, — Алька еще попятилась, — я ж вас как людей прошу!

— Слышь, Коль, — нехотя процедил первый милиционер, — кто ведет дело... как его, ну дирижера... Кротова или как там...

— Кротова, — подсказала Алька.

— Козлов, кажется. Он точно ушел, час назад или даже раньше.

— Видишь? — Петя обернулся к Альке. — Все равно того, кто тебе нужен, сейчас нет, и нечего истерику устраивать.

— Почему посторонние в помещении?

Алька вздрогнула и подняла голову. Пожилой мужчина в штатском, возникший бесшумно и неизвестно откуда, строго глядел на дежурных. Те моментально стали навтыжку.

— Она не уходит, товарищ майор, — отработовал Петя. — Прикажете вызвать наряд? На Альку сурово взглянули свинцовые глаза, показавшиеся ей смутно знакомыми.

— А, это ты опять? — Глаза прищурились, придавая лицу усталое, но незлое выражение. Тот самый седой майор, который месяц назад заговорил с ней у входа в административный корпус следственного изолятора и сказал, что Рыбаков не признался в убийстве.

— Так и ходишь? — Он смотрел на нее с нескрываемым удивлением и даже с некоторым интересом.

— Мне надо поговорить со следователем, — твердо произнесла Алька.

— Прямо сейчас?

— Да. То, что я сообщу, изменит ход дела.

— Вот как? — Майор покачал головой, задумался на секунду, потом проговорил: — Ну пошли. Выпишите ей пропуск.

— У вас паспорт с собой есть? — спросил Альку опешивший Петя, переходя на «вы».

— Есть.

— Давайте.

Алька вынула паспорт. Милиционер взглянул в него, черкнул что-то на бумажке, протянул ее Альке:

— На выходе отдадите.

Алька и майор миновали длинный коридор и поднялись наверх, на второй этаж.

— Проходи. — Мужчина отпер кабинет, пропустил Альку вперед и прикрыл дверь. — Садись.

Алька села на стул, стоящий около стола, все еще не веря, что ей удалось проникнуть сюда, преодолев все заградительные кордоны.

— Рассказывай. Чаю хочешь?

— Нет, то есть потом. Я хочу сказать, что я знаю, кто на самом деле убил дирижера Кретьова.

— Кто же?

— Вовсе не Рыбаков. Это...

— Погоди-ка, — остановил ее седой. — Я забыл, ты кем приходишься Рыбакову? Жена, кажется, или невеста?

— Да никто я ему, никто! — устало проговорила Алька. — Какое это имеет значение?

— Наверное, ты права, никакого. Просто интересно, кто вот так может в течение месяца днем и ночью атаковать органы.

Альке показалось, что он смеется, и этот смех почему-то ударил ее сильнее всего. Может быть, он стал последней каплей для издерганных нервов. Она почувствовала, что это предел, больше сопротивляться она не в состоянии, как не в состоянии дальше оставаться сдержанной и спокойной.

— Вы такой же, как все, — с горечью произнесла она, пристально глядя в серые, внимательные глаза майора сквозь густеющую пелену слез. — Вы тоже не желаете ничего слушать! Ничего! Вас интересуется всякая ерунда собачья!

— Насчет ерунды собачей я бы попросил, — усмехнулся майор. — И вообще, ты несправедлива. Выпей-ка все же чаю и объясни мне, о чем это я не желаю слушать. — Он потянулся к автоматическому чайнику, стоявшему на широком подоконнике.

— Не надо мне вашего чаю! — закричала Алька. — Вы все равно не поверите! Ни в то

что я нашла на даче у Кретова документы, свидетельствующие о нелегальном вывозе за границу инструментов, ни в то, что именно за это, вернее, за отказ продолжать делать это его и убили! Ни в то, что он знал о готовящемся убийстве и даже знал прозвище человека, которому поручено его убрать! Ни в то, что этот человек по кличке Флейта — моя подруга Лена Соловьева. — Последние слова Алька произнесла уже тихо, без крика, уткнулась в лежащие на столе руки и заплакала, горько и безутешно.

— Ну-ка еще раз про подругу Лену и кличку Флейта. — На плечо ей легла тяжелая, но мягкая ладонь.

Всхлипывая, Алька подняла лицо от стола. Мужчина стоял рядом, глядя на нее с напряженным ожиданием.

— Меня зовут Дмитрий Сергеевич Михалевич. Пожалуйста, повтори еще раз, что ты сказала про Флейту.

Алька внезапно поняла, что произошло чудо — наконец ее восприняли серьезно, ее словам придается значение, больше того — они вызывают интерес. Ей стало одновременно и радостно, и страшно, будто после долгого блуждания по зыбкому, смертельно опасному болоту ее нога ступила на твердую почву. Только бы не потерять эту опору, не скатиться обратно, в затягивающую, безбрежную топь!

— Ленка, — дрожащим голосом проговорила Алька, — она с детства знала Кретова. Тот жил с ее матерью, а потом ушел. Она играла на флейте, но об этом в оркестре никто не знал, как не знали того, что она — любовница дирижера. Когда произошло убийство, ее не было с нами, но оперативникам об этом неизвестно.

— Почему?

— Мы думали, что она в номере с одним нашим парнем, а потом до меня дошло, что тот был пьян и не помнил, когда Ленка ушла от него. Нам с ней присылали одинаковые записки. Одну я потеряла, а другая вот. — Алька отдала листок Михалевичу.

Тот внимательно изучил его и спросил:

— Ты полагаешь, это писала твоя подруга?

— Или кто-то из ее подручных. Потом на то место, где мы сидим на репетициях, упал софит. Он должен был упасть на меня, но на моей скрипке лопнула струна, и я пошла ее менять.

— А Лена?

— Она побежала вместе со мной. Софит упал мимо.

— Это могла быть случайность.

— Могла. Но во второй записке было сказано, что этот случай будет последним. Я получила ее вечером того дня, когда прожектор свалился. И еще одно: перед тем как лопнула струна, я положила свою скрипку в Ленин футляр. Просто так, примерить. Она ничего не знала об этом.

— Как выглядит твоя подруга? — задумчиво спросил Михалевич и вдруг сделал останавливающий жест рукой. — Погоди-ка, не надо, не говори. Я попробую сам.

Он на минутку прикрыл глаза, лицо его напряглось. Затем он начал описывать, делая большие, паузы:

— Ей двадцать шесть лет... платиновая блондинка... глаза серо-зеленые... худенькая, узкая, высокого роста... голос тихий и как бы с придыханием... Соловьева Елена... Сергеевна. Так?

Алька отпрянула и с ужасом смотрела на Михалевича, а глаза того были устремлены

куда-то вдаль, словно он видел там что-то не различимое ни для кого другого. Потом он очнулся, улыбнулся онемевшей Альке:

— Я угадал, не правда ли?

Она кивнула, все еще не будучи в состоянии прийти в себя.

— Знаешь, это судьба, что ты меня встретила. Вряд ли кто другой поверил бы во всю эту живописную историю, потому что доказательств никаких у тебя нет. Но я тебе верю, — Михалевич отыскал в кармане пачку сигарет, — потому что лично был знаком с твоей подружкой, носящей такое милое прозвище.

Он достал с полки две чашки, сахарницу, взял за ручку давно вскипевший чайник.

— Давай все-таки попьем чайку. История, которую тебе придется услышать, не так уж коротка...

Через двадцать минут Алька на нетвердых ногах подошла к дверям кабинета.

— Двигай домой, пока метро не закрыли. — Майор придвинул к себе телефон. — Давай, давай, что стоишь? Служебной машины тебе не полагается, хоть ты и проделала сыскную работу.

— До свидания. — Алька сделала шаг за дверь, но тут же вернулась.

— Что еще? — На лице Михалевича снова появилась едва заметная насмешка.

— Его теперь отпустят? — без всякого выражения, мертвым голосом спросила Алька.

— Думаю, да. Не сразу, но... — Дмитрий Сергеевич запнулся, поперхнулся сигаретным дымом, закашлялся. Поморщился, затягиваясь снова, и негромко добавил: — И повезло ж ему. Как же повезло!

Эскалатор медленно полз вниз. Прямо перед Алькой взасос целовалась влюбленная парочка — худощавый, длинноволосый юноша и коротко стриженная девушка, лица которой Алька видеть не могла, так как та стояла к ней спиной, плотно обнимая спутника за талию. Альку неудержимо потянуло обогнать их и спуститься пешком — бледное, болезненное лицо парня с длинным носом и кривоватым ртом почему-то вызывало у нее отвращение. Она сделала несколько шагов по движущейся лестнице, и тут на нее накатило тошное головокружение, такое резкое и сильное, что захотелось тут же опуститься на ступеньку. Алька остановилась, крепко вцепившись в поручни, и так доехала до конца, слушая за спиной приглушенное хихиканье и невнятный шепот.

Платформа была абсолютно пуста, лишь в другом ее конце потерянно бродила какая-то женщина с большой спортивной сумкой, то приближаясь к самому краю, то отходя к скамейкам. Алька уселась на одну из лавок, тупо уставясь на хищный зеленый глаз светофора. Мыслей никаких не было, равно как и чувств. Только звенящая, отупляющая пустота и ощущение, что она смотрит какой-то необыкновенно плохой фильм, где сама же играет главную роль. Постепенно ею овладевало одно-единственное навязчивое желание. Она понимала, что осуществлять его нельзя, но никак не могла переключиться на другое. Алька даже зажмурилась на секунду, чтобы прогнать наваждение, коварно нашептывающее ей сделать то, чего ни в коем случае делать не следует.

Справа зашумело, тоннель осветился, и из него, пронзительно свистнув, с грохотом выкатился поезд. Несмотря на поздний час, в вагоне был народ. Вид людей на минутку вывел Альку из ступора, она вдохнула полной грудью и почувствовала голод. Но это продолжалось всего несколько мгновений, а дальше кто-то неумный внутри нее снова принялся нашептывать, соблазнять, манить. Альке стало ясно, что сопротивляться себе самой бесполезно. Она должна увидеть ее. Увидеть Ленку. Посмотреть ей в глаза, выслушать, что та ей скажет. Она знала, что чуда не произойдет, и все-таки какая-то часть ее сознания, может быть не окончательно вышедшая из детства, верила в это чудо, надеялась на него, молила о нем.

За окнами замелькала станция — пересадка. «Переход закрыт», — подумала Алька и тут же выскочила из вагона. Переход был открыт. Она в полном одиночестве вновь проехала по эскалатору, теперь уже наверх, и со спокойным облегчением поняла, что домой до шести утра теперь не попадет. Электронные часы на пустынной платформе показывали без трех минут час. Ровно в час двадцать Алька вышла на Преображенке. Светились ночные палатки, около них стояли кучки подвыпившей молодежи, под ногами валялись шкурки от бананов и цветочные обертки, оставшиеся от дневной торговли. Алька, не оглядываясь, шла к виднеющемуся на противоположной стороне шоссе Ленкиному дому. Она еще не знала, что скажет ей, и вообще не понимала, почему, вместо того чтобы поймать машину и ехать домой, она проделала этот подземный путь через всю Москву, но ноги сами шагали вперед — достаточно твердо и уверенно, а голова перестала кружиться окончательно.

Однако стоило Альке подойти к Ленкиному подъезду, как вся ее твердость тут же испарилась. Она в растерянности постояла у двери, поглядела на темные по большей части окна и побрела назад, к метро.

Чтобы собраться с духом, ей понадобился не один час. Она досконально изучила

ассортимент торговых палаток и всех окрестных круглосуточных магазинов, пока полностью не околела на пронизывающем ветру. Тогда Алька зашла в маленькое ночное кафе. Там было тепло, играла тихая музыка. Алька взяла чашечку кофе и уселась в самый дальний уголок.

Ноги гудели от усталости, глаза в тепле сразу начали смыкаться. Время от времени Алька принималась клевать носом и даже видела какой-то сон. Она встряхивалась, с трудом поднимала отяжелевшую голову и ловила на себе любопытный взгляд красивого, похожего на испанца бармена. И тут же снова ее одолевала дремота.

Почти нетронутый кофе уже успел десять раз остыть, а смуглый красавец потерял всякий интерес к странной девушке со скрипкой, когда Алька наконец ощутила себя хоть немного отдохнувшей и готовой к встрече с Ленкой. Она расплатилась и вышла на улицу.

Ночь перевалила за середину. Теперь в Ленкином доме почти все окна были черны.

Алька нажала на кнопку. Глазок в двери какое-то время оставался темным, как вода на глубине, затем вспыхнул веселым желтым светом. Алька услышала мягкие шаги, потом глазок вновь на секунду потемнел — и дверь распахнулась.

Ленка стояла на пороге в халате и шлепанцах на босу ногу. Светлые, словно серебристые волосы были заплетены в косу — на ночь. Сонливость в лице боролась с удивлением.

— Ты? — Ленка посторонилась, пропуская Альку в квартиру. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — выдавила Алька с трудом и повесила куртку на вешалку.

— Куда ты делась со второго отделения? Ирка ничего вразумительного мне не сказала.

— Она меня отпустила.

Ленка так знакомо передернула плечами. От нее веяло уютом, домом, покоем, прерванным сном и доброжелательностью. Аля снова, в который раз, начала сомневаться. Она тайком искала в Ленкином облике следы чужого, страшного, необъяснимого — и не находила. Ленка. Ее Ленка. Обыкновенная, милая, чуточку ироничная, бесконечно женственная.

— Что-то все же случилось. — Ленка двинулась на кухню, зевнула по дороге. — Я поставлю чайник.

— Я не хочу чаю. — Голос прозвучал слишком громко, и она поспешно прикрыла рот рукой.

— Я хочу. Мама в больнице, так что не бойся — кого могла, ты уже разбудила.

Ленка включила чайник, полезла в холодильник, достала оттуда банку сгущенки, сковородку с котлетами.

— Тебе можно? — Она указала на плотно уложенные аппетитные котлеты. — Или тебя все еще тошнит?

— Меня не тошнит. — Алька села за стол, машинально потрогала солонку в форме фарфорового котенка с бантиком на шее.

— Концерт прошел успешно, — вскользь заметила Ленка, беря котлету и пристраивая ее на ломтик хлеба. — Французы, говорят, без ума. Особенно от нашего соло. — Ленка тонко улыбнулась, расставляя большие керамические бокалы. — Давай поужинаем, что ли. Или нет — скорее позавтракаем: времени пятый час.

Алька никак не могла заставить себя нарушить этот мирный, уютный, неторопливый тон их беседы, вырвать Ленку из мягкой, домашней, утренней сонливости, вырваться самой, снова погрузиться в отчаяние и мрак.

Ленка умолкла на мгновение, отошла к плите, затрещала зажигалкой. Алька почувствовала, что больше тянуть нельзя, просто невозможно.

— Лен!

— А! — Ленка обернулась от плиты, выжидающе глянула на подругу.

— Я хочу тебе сказать одну вещь.

— Опять насчет Рыбака? — Ленка вернулась за стол, села напротив Альки.

— Ну... да, о нем. И не совсем о нем. Кое-что еще.

— Ну давай. — Ленка скрестила руки на груди.

— Я сейчас была в прокуратуре, — быстро проговорила Алька, точно нырнула в холодную воду.

— Сейчас? — изумленно переспросила Ленка. — Ночью?

— Ну не совсем сейчас, несколько часов назад.

Ленка, ничего не говоря, продолжала смотреть на Альку с удивлением.

— Я... рассказала все. Все, что узнала о Кретове.

— Да что такого ты узнала о Кретове? Про его партитуры несчастные, что ли? — с недоумением начала Ленка и внезапно осеклась. По ее лицу пробежала тень, глаза заблестели. — Аль, ты... где была последние дни? Правда болела или...

— Я не болела. — Алька опустила голову, уперлась глазами в стол. — Я обманула тебя. На самом деле я была на даче у Крета. Нашла там то, что хотела найти. Паспорта на итальянские инструменты! — Алька замолчала, чтобы посмотреть, какое действие произведут на Ленку ее слова. Но та казалась совершенно спокойной, красивое, строгое лицо ее уже разгладилось, в голосе, когда она начала говорить, не промелькнуло ни одного неожиданного полутона.

— Ну и что?

— Они лежали среди рукописей партитур. В самих партитурах не было ничего ценного. Я забрала бланки с собой, отдала их Ваське, думала, он мне поможет. Но он исчез сегодня утром... Оттого мне было так плохо на концерте.

— Васька? — недоуменно протянула Ленка. — При чем здесь Чегодаев?

— Ты права. Теперь уже ни при чем... После того что я выяснила в то время, когда шел концерт.

— Господи, с тобой книжки читать не захочешь! Прямо Агата Кристи!

Мягкий, беспечный Ленкин смех больно резанул Альку. Неужели она так уверена, что никто никогда...

— Помнишь, мы с тобой предполагали, что Кретов последнее время чего-то боялся? Я еще во Владимире, на той проклятой репетиции, обратила внимание, что он сам не свой. У него ужас был в глазах, настоящий ужас. Я не могла понять отчего. Думала, кто-то охотится за его рукописями. А оказалось, есть свидетель, которому Крет поведал, что его хотят убить. Убить за то, что он отказался дальше возить бесценные скрипки. Убийцей должен был стать человек по кличке Флейта.

— Флейта? — переспросила Ленка неестественно громким, звенящим от напряжения голосом.

— А потом я пошла к Кретовой, и мы... говорили с ней про тебя, — совсем тихо прошептала Алька.

На мгновение наступила пугающая тишина, нарушаемая только назойливым тиканьем больших настенных часов. Потом Ленка бесшумно поднялась, приблизилась к Альке,

легонько обняла ее за плечи.

— Алька, глупышка! Ну чего ты сама дергаешься и меня заводишь? Что могла тебе рассказать обо мне старуха Кретова? Я с ней в детстве виделась-то раза три, не больше. Что мы с ней помним друг о друге?

Алька осторожно высвободила плечо из Ленкиных рук:

— Пожалуйста, Лен, не надо больше! — Голос ее задрожал. — Она прекрасно о тебе помнит! И о том, как ты любила играть на флейте, тоже!

— Боже мой, вот чушь-то! — Ленка расхохоталась, весело, звонко, как никогда не смеялась в обычной жизни, оставаясь всегда чуть приглушенной, в полутонах. — Я наконец поняла! Из всего этого ты сделала вывод, что Флейта — это я и я угробила Крета! Ну спасибо тебе, подружка. Огромное спасибо! С этим ты ходила в прокуратуру?

Алька кивнула, чувствуя, как внутри у нее все леденеет.

— И там тебя стали слушать? — насмешливо проговорила Ленка.

— Стали. И даже сказали, какое прозвище у тебя было еще со школы. Очень мило и музыкально. — Алька усмехнулась с горечью, посмотрела Ленке прямо в глаза и произнесла тихо и отчетливо: — Лялька-Флейта.

Внутренне она была готова ко всему, во всяком случае ко многому. Но не к такому. Вот только что перед ней стояла Ленка, слегка взволнованная, с блестящими глазами, с теплой, немножко насмешливой улыбкой, знакомая, близкая, вызывающая сострадание и жалость. И в одно мгновение все изменилось. Человека, который теперь в упор, не моргая, глядел на Альку, нельзя было назвать ни близким, ни даже знакомым. Остановившиеся, точно остекленевшие глаза, сжавшийся в скобку рот, в миг окаменевшие скулы. И ни кровинки в лице, оно будто слилось с волосами в единой тускло-молочной белизне.

— Откуда? — прошипела Ленка.

— Тебя очень тепло вспоминал майор Дмитрий Сергеевич Михалевич.

— Сука! — Алька не поняла, кому адресовалось ругательство.

Она была готова выслушать от Ленки все, любые оскорбления, брань, что угодно. Наверное, ей стало бы от этого чуть легче, ушла бы из сердца эта раздирающая боль и чувство вины. Но Ленка уже превратилась в себя прежнюю, спокойную, лишь мертвенная бледность так и не сошла с ее лица. Она тяжело опустилась на стул, спрятала лицо в ладонях. И молчала, не произнося ни звука. Это молчание было страшнее всего, страшнее любых криков, слез, истерики.

— Лен! — позвала Алька подругу. — Лена!! Я все понимаю, ты любила его, он разбил тебе сердце! Обманул тетю Шуру. Не знаю, как я бы на твоём месте...

Ленка вдруг быстро, резко, точно пружина, выпрямилась. Глаза ее были сухими и казались почти черными из-за расширившихся зрачков.

— На моем месте? — хрипло проговорила она, некрасиво покривив ставшие бескровными губы. — Благодарю Бога, что ты не была на моем месте! Думаешь, теперь ты все обо мне знаешь? Поверила в красивую сказочку, которую я сочинила специально для тебя?

— Я не понимаю... Ты ведь действительно любила Кретова, фотографию его держала в блокноте, я видела... Он измучил тебя, втянул в свои махинации, отнял лучшие годы жизни... Я понимаю, Лен!

— Нет, Алечка. Нет! Все было не совсем так. Вернее, совсем не так. Тебе будет трудно понять, ты не прошла через такое. А может, если бы и прошла, реагировала бы по-другому.

Мы ведь разные с тобой, очень разные... Я ни минуты не любила Крета! Я, напротив, ненавидела его всю жизнь, сколько знала! Бедная мама! Ты знаешь, как обожала она эту сволочь? А он? Что делал он?! Я училась в восьмом классе, и в нашей школе обвалился потолок на втором этаже. Все занятия перенесли в соседнюю школу, там мы учились в три смены, пока в нашем здании шел ремонт. Я уходила в двенадцать, а мама — в восемь. И как-то раз я проснулась оттого, что чьи-то руки, противные, потные, мерзкие руки трогали меня повсюду. Они гладили мою шею, поднимали рубашку, точно болотные змеи, заползали в трусики. Мне показалось, что это страшный, отвратительный сон, и я никак не могла открыть глаза. А когда я их открыла, — Ленка возвысила голос, — слышишь, когда я их все-таки открыла, я увидела его. Старого, вонючего, с трясущимися ладонями и слюнявыми губами. Я думала, что умру тотчас, в этот самый момент. Но, к сожалению, не умерла. Я осталась жива и даже не заболела. А вечером пришла мама, и он целовал ее, встретив на пороге, и мы все вместе сели пить чай с клубничным вареньем, которое прислала мамина тетка из Костромы. Я до сих пор помню приторный, гадкий вкус этого варенья, потому что меня неудержимо тошнило — и под конец вырвало в туалете. И мама очень испугалась, а я соврала, что в школе нам дали несвежую сосиску.

— Почему ты не сказала ей? — с отчаянием произнесла Алька. — Почему? Тебе ведь не было жалко этого ублюдка! Зачем надо было покрывать его?

— Как я могла сказать? — крикнула Ленка. — Что бы с ней стало после этого? Она бы просто не перенесла этого! Ведь она же любила, любила это чудовище! А меня, — добавила она тише, — как она любила меня! Тряслась, если я простужалась или обдирала себе коленку, пила валидол, заметив мои слезы!.. Я молчала весь год. А он каждое утро провожал ее на работу, а потом забирался ко мне в постель! Я думала, что это его удержит около матери, но он все равно ушел. Она плакала. Стыдилась своих слез и плакала в ванной, закрывшись и включив воду. Но я знала, что она плачет. А у меня не было слез. Ты не понимаешь, что такое, когда в тринадцать лет исчезают слезы! Когда силишься пролить хоть одну слезинку, но не можешь! Внутри — только ненависть, только жажда мести, любой, жуткой, вплоть до самого страшного.

Алька потрясенно молчала. Нет, слова Ленки не были для нее совсем уж полной неожиданностью, ей уже приходило в голову, что чувство, которое подруга испытывала к Кретову, было не любовью, а ненавистью. Но одно дело предполагать, а другое — видеть воочию эту ненависть, наблюдать за искаженным болью и злобой Ленкиным лицом, терзаться невозможностью избавить ее от того ада, в котором она находится так давно.

— Я дала себе слово, что буду всю жизнь ненавидеть мужиков, — тихо проговорила Ленка. — А когда-нибудь разыщу этого ублюдка и...

Она вдруг успокоилась, лицо ее, сведенное судорогой гнева, разгладилось и стало светлым и вдохновенным. Глаза вспыхнули и зазеленели. Алька вспомнила, что именно такое лицо и такие глаза видела она у Ленки в день смерти Кретова, когда та вернулась в номер будто бы от Славки. Ленка была счастлива! Счастлива, что осуществила месть! И вероятно, на фотокарточку, спрятанную в блокноте, она глядела не с болью и тоской, а с торжеством, с удовлетворенностью человека, сделавшего главное дело в своей жизни.

— Ты следила за ним все эти годы? — спросила Алька, облизав пересохшие губы.

— Нет. — Ленка усмехнулась. — Вовсе нет. Куда мне было, мне же едва исполнилось четырнадцать, когда он бросил мать! Все получилось само собой, можно сказать случайно. И далеко не так сразу, как хотелось бы... — Она надолго задумалась и, казалось, перестала

замечать Альку. Потом вышла из оцепенения, встрепенулась и продолжила негромким, ровным голосом: — Судьба словно хотела искупить вину — те, кого я собиралась ненавидеть, меня любили. Достаточно было взгляда, единого слова — парни в школе дрались из-за меня, один пытался отравиться. Мне были до лампочки их поганые чувства, но с помощью мальчишек я могла начать осуществлять то, что задумала. До Крета было далеко как до луны, и я решила, что любое существо мужского пола — мой враг, а с врагами, как известно, воюют. Ничего не стоило найти десяток отчаянных пацанов, готовых на все, которых никто особенно не ждал дома... Ну о том, чем мы занимались нашей веселой компанией после школы, Михалевич, наверное, рассказал тебе.

— Нападали на стариков в парке?

— Не только на стариков — бывало, и на мужиков помоложе. Они и не сопротивлялись почти, куда им было против такой оравы?.. Когда мы попались, мне исполнилось пятнадцать. Для меня это было ударом — я не хотела в колонию, до ужаса боялась зоны, насилия, несвободы. А главное — мама... она ничего не должна была знать о той жизни, которую я веду по вечерам, когда якобы ухожу гулять с друзьями. Мне снова повезло, я выпуталась, даже не запятнав себя судом. Мама, конечно, узнала, но не поверила следователю, считая, что это ошибка. В день, когда меня выпустили за недостатком улик, мы с ней приехали домой, и она плакала и гладила меня по голове, уверяя, что все пройдет и забудется как страшный сон, клялась, что она не сомневается — я ни в чем не виновата.

После этого я поняла, что надо быть осторожной. Но что было делать? Как осуществлять план мести, который был главной частью моей жизни, просто жизнью? Шли годы, я бездействовала, в душе осталась только пустота и ненависть, и она, не находя выхода, разрасталась как раковая опухоль.

Как-то я сидела в скверике на Тверском, и тут ко мне подсел молодой мужчина. Зубы у него были сплошь сгнившие, на голове три волоска, мускулы на предплечьях разрывали рубашку, а рубашка была весьма недешевая, как и вся остальная одежда. Я узнала его, несмотря на отсутствие шевелюры и полностью изменившееся лицо. Именно он семь лет назад спас меня от суда и от колонии. Он был самым старшим в нашей компании и потому сел на полную катушку, сначала на малолетку, потом во взрослую тюрьму. Теперь он давно освободился и состоял в одной из московских преступных группировок, которая работала на некий небезызвестный тебе фонд.

— Ты имеешь в виду... — Алька не поверила своим ушам. Неужели Ленка говорит с фонде «Культура и молодежь», генеральном спонсоре Московского муниципального? Так вот откуда тянется ниточка, вот кто поставлял Кретову коллекционные инструменты для вывоза за границу, финансировал сложные и дорогостоящие операции по замене их на подделки!

Алька похолодела. Миллионы долларов за проданные скрипки! И она оказалась на пути тех, кто их получал, нарушила хорошо отлаженный механизм! Дотянутся ли у милиции руки до столь могущественной организации, как «Культура и молодежь», или его владельцы выйдут сухими из воды? Если выйдут, тогда Альку достанут из-под земли! И Ленку могут достать где угодно, в любой тюрьме, чтобы не болтала лишнего.

Ленка спокойно наблюдала за Алькиной реакцией.

— Дальше что было? — с трудом овладев собой, спросила Алька.

— Дальше? Мы с тем парнем разговорились. Долго вспоминали всех наших, свою дурную юность. Узнав, что я студентка Гнесинской академии, дипломница, он предложил

мне работу у своих хозяев. Моя задача заключалась в том, чтобы негласно «курировать» одного человека, грубо говоря, спать с ним, собирая о нем информацию: что он говорит, куда ездит, о чем думает, не собирается ли кинуть хозяев. Как ты догадываешься, человеком этим оказался Кретов. Тогда мне показалось, что это перст судьбы. Бесцветная, ненужная жизнь, нищета — и вдруг то, о чем я мечтала все эти годы, мечтала и боялась одновременно. Я сыграла конкурс в Московский муниципальный, понравилась Сухаревской, меня с легкостью взяли в оркестр. Кретов, конечно, сразу узнал меня, несмотря на то что прошло восемь лет, с тех пор как мы виделись в последний раз. Обрадовался. Я пыталась разглядеть хоть какие-нибудь признаки стыда, смущения на его лице, но их не было. Ты понимаешь, их не было! Он абсолютно не признавал, что сломал мне жизнь, что перед ним труп под маской молодой, красивой женщины. Уложить его в койку оказалось делом минутным. А потом мы начали возить скрипки — я, Саврасенков и Омелевский.

Ленка поднялась со стула и стояла перед Алькой, опираясь на стол изящными, узкими ладонями.

— Мне платили по двойному тарифу — как перевозчице скрипок и как осведомителю. Деньги были большие, но еще большим было то удовольствие, которое я получала, глядя на этого ублюдка, зная, что он даже не подозревает о моей второй роли. Какой же он был трус! Возили инструменты мы, а он каждый раз трясся, как в падучей. Я с самого начала не сомневалась, что долго он не протянет, сорвется, никакие деньги его не удержат. Так и вышло. Саврасенков и Омелевский отказались работать: Петру предложили перейти в другой коллектив на должность концертмейстера, а Ваня просто устал, выдохся. Крету нужно было искать новых курьеров, меня одной не хватало для того, чтобы дело шло с должным размахом. И тут он заныл, захандрил, стал жаловаться, что он стар, болен, хочет заняться на склоне лет творчеством и всякую прочую дребедень. Придурак, он не понимал, куда влип, — это ведь не по бабам скакать! Выйти из такого дела можно только одним способом — вперед ногами.

— Тебе поручили убить его? — спросила Алька, тоже вставая.

— Нет. Я попросила об этом сама. Представляешь — убить Кретова, эту скотину, сделавшую несчастной маму, растоптавшую мое детство, превратившую меня в то, чем я стала! Я была просто счастлива, видя каждый день перепуганное лицо этого козла, слыша бесконечные стоны и охи и воображая, что скажу ему в самое последнее мгновение его жизни. Где бы я ни была, что бы ни делала, в моей голове прокручивалась одна и та же сцена — как я подстерегаю эту ненавистную гадину и, прежде чем сделать последний шаг, раскрываю ему, что он обречен на смерть. Мне это снилось каждый день. Я не торопилась: нужно было как следует подготовиться, чтобы не оставить никаких следов. Но я не могла знать, что кто-то проболтался Кретову об ожидающей его смерти. Кто бы он ни был, я уверена, что этого человека уже нет в живых. Пусть у меня не все вышло так чисто, как задумывалось, но ты бы видела кретовское лицо, когда он понял, кто я на самом деле! За это можно было прожить такую жизнь, какую прожила я...

Ленка замолчала.

Молчала и Алька, не зная, что сказать, чем ответить на это жуткое признание.

— Прости, — наконец проговорила она.

— Что уж! — горько усмехнулась Ленка, так и продолжая стоять у стола без движения, точно окаменев. — Глупо извиняться перед тем, кого ты погубил.

— У меня не было выхода, — едва слышно прошептала Алька, протянула и тут же

убрала руку, не решившись дотронуться до Ленкиной ладони, лежащей на столе. — Мне хотелось помочь Валерке.

— Что, так любишь его? — неожиданно язвительно спросила Ленка.

— Не знаю, — растерялась Алька. — Люблю, наверное.

Она впервые вслух сказала слово, которое и про себя не решалась произнести, хотя давно поняла, что не только чувство вины и жалость руководят ее поступками в последнее время.

— Успеха тебе! — бросила Ленка и пошла из кухни, не взглянув на Альку.

«Глупо извиняться», — повторила про себя Алька. Еще бы не глупо. Она побрела по коридору ко входной двери, но, не дойдя, свернула в комнату.

Ленка, ссутулившись, сидела на диване и курила, уставившись перед собой пустыми, невидящими глазами.

— Уходи, — проговорила она бесцветным, словно у робота, голосом.

Алька остановилась в дверях, прислонилась лбом к косяку.

— Я должна бы тебя ненавидеть, — медленно и так же равнодушно, механически произнесла Ленка, — но... нет. Не могу. Возможно, слишком тебя любила. — Она пожала плечами и кинула недокуренную сигарету в пепельницу.

— А когда на меня должен был свалиться софит, — дрожащим голосом спросила Алька, — тогда... ты тоже меня любила?

Ленка дернулась, словно от сильной боли:

— Я не знала! Я этого не знала и не хотела! Это сделали за моей спиной.

— Почему тогда ты не осталась на месте? Почему побежала вслед за мной?

— Просто хотела помочь. Дать новую струну.

«Я предполагала это», — устало подумала Алька. Но полностью верить Ленке она уже не могла, чувствовала, как на фоне жалости к ней растет отчуждение.

— Но ведь скрипками занимались не только вы с Кретом, Саврасенков и Ваня Омелевский, — сказала она, — был еще кто-то, кто работал на фонд.

— Какая тебе разница? Ну был.

— Этот «кто-то» подрезал струну на моей скрипке, пока мы сидели в буфете. В тот день у меня порвался ремень на футляре, и Копчевский уговорил меня положить скрипку в твой футляр.

— Говорю тебе, я здесь ни при чем. Для меня самой это было ударом. — Ленка поднялась с дивана, подошла к пианино, рассеянно поправила чуть покосившийся канделябр на крышке.

Алька вспомнила, что хотела сыграть ей Лунную сонату. Как недавно все это было, а кажется, будто давно. Совсем в другой жизни.

Ленка вдруг поморщилась, поднесла руку к горлу, со слабым стоном опустилась в кресло возле пианино.

— Что? — испугалась Алька. — Плохо тебе? Сердце?

— Да, — сквозь стиснутые зубы проговорила Ленка. — Там, в коридоре... сумка висит... на вешалке. В ней...

— Валидол? Нитроглицерин? — Алька поспешно унеслась в прихожую, отыскивала Ленкину сумочку, вытащила из косметички обе упаковки и кинулась обратно в комнату. — Лучше валидол, от него голова не кружится. — Она освободила большую белую таблетку из ячейки. — Сейчас... — Алька встревоженно взглянула на Ленку и замолкла на полуслове.

Та сидела в кресле неестественно прямо, точно одеревенев, и маленький, черный, блестящий предмет, который Ленка держала в руках, Алька на мгновение приняла за игрушку. Красивую, но странную игрушку, которой никак не могло быть у Ленки.

Ленка подняла вытянутые руки. В лицо Альке уставилось холодное, равнодушное дуло пистолета.

«Откуда он у нее?» — пронеслась в мозгу совершенно ненужная мысль, и также несвоевременно и поразительно ярко вспомнилось, как не дала ей Ленка открыть крышку и настроить инструмент. Больше подумать Алька ни о чем не успела.

Позади нее хлопнула дверь. Ленка вздрогнула всем телом, руки ее упали на колени. Алька обернулась.

На пороге комнаты стояла тетя Шура, бледная, испуганная, прямо в пальто и сапогах.

— Отпустили меня до обхода, здесь ведь недалеко. — Она виновато улыбнулась. — Забыла тут кой-чего, не хотела тебя беспокоить...

Алька резко, всем корпусом, развернулась, со всего маху ударилась плечом о стену, толкнула тетю Шуру и выскочила в коридор. Схватила с галошницы скрипку, дернула ручку входной двери. Та поддалась легко и плавно, и Алька оказалась на лестничной площадке. Она ринулась по лестнице вниз, и тут же в квартире оглушительно грохнуло. Алька на бегу закрыла ладонями уши. Двери начали распахиваться, подъезд наполнился шумом и криками. Алька миновала последний пролет, и тут грохот повторился. Она вылетела на улицу и тяжело опустилась прямо на асфальт у подъезда.

Небо позади голых, черных ветвей тополя во дворе было совсем светлым. Большая, взъерошенная ворона долбила клювом корочку льда, затянувшую глубокую лужу на тротуаре. Заунывно и тоскливо пела сигнализация на одной из стоящих возле дома машин. Наступило утро. Новое утро, в котором больше не было ни Лены Соловьевой, ни ее безнадежно больной матери.

Дмитрий Михалевич с работы в прошедшую ночь так и не ушел. Сделав все, что полагалось сделать после визита Бажниной, он вернулся в свой кабинет. Позвонил домой, сказал жене, что будет только днем, и то не точно. Выслушал в ответ массу не самых приятных вещей, в том числе предупреждение о том, что завтра у него снова разыграется холецистит, потому как нельзя обходиться без ужина и завтрака, тихонько проговорил: «Целую!» — и повесил трубку. А дальше курил сигарету за сигаретой, глядя, как нехотя и медленно темнота за окнами уступает место бледному рассвету. Он ждал этого рассвета, потому что на исходе ночи у него должна была состояться весьма интересная встреча. Подумать только, через одиннадцать лет...

Да, это случилось без малого одиннадцать лет назад. Он только что перевелся из Петербурга в Москву, и первым делом, которое ему дали, было дело о сокольнической молодежной преступной группировке. В окрестностях парка Сокольники группа подростков нападала на одиноких прохожих. Действовали в вечернее время, но не позднее одиннадцати часов, местом нападения выбирались отдаленные, пустынные аллеи парка. Жертвами всегда были мужчины старше среднего возраста, не самого крепкого телосложения, такие, чтобы не могли за себя постоять. Выследить подростков оказалось делом не таким уж простым — повалив и избив человека, мирно прогуливающегося на сон грядущий, преступники обшаривали его карманы, хватали все мало-мальски ценное и растворялись в темноте. Облавы по всему парку долго не давали результата, но все же спустя несколько месяцев малолетних бандитов удалось вычислить и взять на месте преступления. Их оказалось девять — восемь пацанов в возрасте от тринадцати до семнадцати лет и одна девочка. Всем избрали меру пресечения взятие под стражу, так как число пострадавших к этому времени перевалило за тридцать. Слава богу, никто не погиб, но почти все они попадали в больницу с тяжелыми травмами.

Михалевич допрашивал одного участника группировки за другим. Малолетки лили слезы и сопли, старшие держались нагло и вызывающе — среди них было несколько состоящих на учете в детской комнате милиции, давно готовых уже переступить ворота зоны. Но все мальчишки сходились в одном: они не давали никаких показаний на девочку, дружно, как один, утверждая, что она ни в каких нападениях не участвовала, а просто была подружкой главаря и оказалась с ними в тот вечер случайно. Сами потерпевшие толком ничего не могли сказать по этому поводу, так как в темноте не видели лиц тех, кто их избивал, а голоса их сливались в один сопящий, пыхтящий трехэтажный мат.

Однако Михалевич видел, что дело обстоит совсем иначе. Изучая протоколы допросов, да и просто взгляды в полудетские лица хулиганов, он все больше убеждался в том, что девочка оказалась в парке во время последнего нападения не случайно. Он не мог не признать, что все грабежи были затеяны и продуманы мастерски, с нехарактерной для простого хулиганства осторожностью. У него закралось подозрение, что все они запланированы и умело просчитаны одним и тем же лицом. Михалевич долго думал и гадал, кто же является мозгом подростковой шайки, пока отчетливо не понял, что им может быть лишь один человек — та самая девочка.

Она сидела напротив него, по другую сторону стола, довольно высокая, худенькая, с удивительно прямой, точно у балерины, осанкой и смотрела на следователя серо-зелеными,

абсолютно недетскими глазами. От взгляда этих немигающих, холодных глаз Михалевичу стало не по себе.

— Закурить дадите?

— Ты куришь? Тебе ведь только пятнадцать.

Она ничего не ответила, продолжая гипнотизировать Михалевица своим страшным и одновременно притягивающим взглядом. Он откашлялся, протянул ей из пачки сигарету, зажег спичку.

— Правда, что тебя называют Лялька-Флейта?

— Правда. — Голос был негромкий, такой же завораживающий, как и взгляд.

— Почему, интересно?

— На флейте играю. А еще за внешний вид.

Он пригляделся. Действительно, сходство было. Тот, кто дал ей эту кличку, тонко чувствовал ее натуру и тип красоты. Узкие кости, придающие фигуре устремленность вверх, строго овальное лицо, длинные хрупкие пальцы, а главное — удивительного цвета волосы — все это делало девочку похожей на благородный, тонкий серебряный инструмент.

— На тебя нет никаких улик, — сказал ей Михалевиц, — мне придется отпустить тебя.

— А ребят?

— Не всех. Младшие, конечно, выйдут под подписку и встанут на учет, а пятерым светит тюрьма.

Он думал, она расстроится, хотя бы проявит сочувствие, волнение. Но на ее лице не отразилось ни единой эмоции — ни страха, ни сожаления. Она невозмутимо продолжала делать длинные затяжки.

— Скажи мне, не для протокола, а так, ведь это ты подготавливала и разрабатывала все нападения?

— Если не для протокола, то я могу не отвечать.

— Конечно. Но мне интересно — это все же ты?

Она спокойно посмотрела на него и слегка наклонила голову.

— Почему все твои поделщики о тебе молчат? — не выдержав, изумился Михалевиц.

— Идиоты. — В ее тоне было столько ледяного презрения, что он невольно вздрогнул.

— Ты не чувствуешь к ним никакой благодарности?

— Нет.

— Зачем тебе это все? Нападения, грабежи? Ты же из приличной семьи, музыкой занимаешься, в школе одни пятерки.

— Я вас ненавижу.

— Меня? — отшатнулся от нее Михалевиц.

— Вас. Мужиков.

— А как же твои приятели?

— Они еще сопляки.

Ему стало неуютно с ней в одной комнате, хотелось никогда больше не видеть этих мертвых, безжалостных глаз, не слышать музыкального, русалочьего голоса. И одновременно Михалевица пронзила жалость: как же так, всего пятнадцать!

— Неужели ты никого не любишь? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Маму. Только маму, — твердо проговорила она и отвернулась к стене.

Ее маму он видел. Она не хотела даже слышать, что ее дочь подозревается в совершении групповых нападений. Говорить с ней было совершенно бесполезно.

Ничего не оставалось, как отпустить Соловьеву на все четыре стороны. Перед тем как это сделать, Михалевич последний раз вызвал ее к себе:

— Вот что, Лена, тебя отпускают. Прежде чем ты уйдешь, я хотел бы тебе кое-что сказать. Постарайся слушать внимательно и правильно меня понять.

Она уставилась на него с видимой скукой.

— Тебе крупно повезло: ты выходишь совершенно чистенькой и сухой из воды. В следующий раз все может обернуться совершенно по-другому. Поэтому очень советую, чтобы следующего раза не было. Считай, что тебе судьба дала шанс, используй его себе во благо. Тебе ясно?

— У меня всегда все будет получаться, — проговорила она и откровенно презрительно усмехнулась. — Но у вас никогда не получится меня засадить. Никогда! — Она застыла на стуле, точно каменная, давая понять, что разговор окончен и далее объясняться она не собирается.

Михалевич долго потом вспоминал ее. Невольно вздрагивал, когда видел на улице или в вагоне метро похожую хрупкую фигурку, пепельные серебристые волосы. Потом все забылось, перестало тревожить, потускнело на дне памяти. Она действительно больше не попалась. «Возможно, повзрослела, одумалась, стала приличным человеком», — думал он, но в глубине души сам не верил себе. И вот теперь, похоже, они встретятся.

Что ж, Леночка Соловьева, ты оказалась права: на тебя опять нет никаких улик. Он даже задержать тебя имеет право только на трое суток, а потом обязан отпустить. Если только за это время не удастся что-нибудь найти против тебя. И все же на этот раз Дмитрий Михалевич как следует постарается, хоть ему будет нелегко — он даже не является следователем по делу Кретьова, просто делит кабинет с Козловым, а тот — его приятель.

Майор кинул последний окурок в полную пепельницу. Коридоры прокуратуры стали наполняться шумом: начинался новый рабочий день.

В дверь постучали. Михалевич тут же выпрямился на стуле, ладонью провел по лицу, стряхивая навалившуюся сонную одурь.

В кабинет вошла женщина. Невысокого роста, под сорок, коротко стриженные, какие-то пегие волосы, короткое кожаное пальто. Удивило ее лицо — классически правильное, но лишенное всяких красок, чуть желтоватое, совершенно бесстрастное и одновременно решительное.

— Здравствуйте, — красивым грудным голосом произнесла посетительница. — Я хочу дать показания по делу об убийстве дирижера Кретьова.

— Ваше имя, фамилия, отчество. — Усталости как не бывало, только слегка саднило глаза.

— Сухаревская Ирина Александровна.

Алька, не видя ничего вокруг, плелась по улице. Куртка осталась в Ленкиной квартире, и Аллька так и шла по утреннему апрельскому холодку в джинсах и тонкой трикотажной блузке. Пакет с концертным платьем и туфлями она тоже позабыла, но не заметила этого.

Она брела машинально, наугад, на автопилоте, куда-то сворачивая, садясь в еще неполный трамвай, выходя из него, переходя дорогу на зеленый свет. В какой-то момент ее все-таки чуть не сбил сиреневый джип, с визгом затормозив перед самым ее носом. Оттуда высунулся водитель с красным от злости, перекошенным лицом и обложил Алльку изошренной матерщиной. Но она даже не посмотрела в его сторону. Джип умчался, фыркнув горячим выхлопом, а она продолжила свое бессознательное движение, пока, наконец, ноги не принесли ее к собственному подъезду.

Алька отперла дверь, не снимая ботинок, зашла в комнату, стащила блузку, натянула футболку. На джинсы ее не хватило. Кое-как скинув недорасшнурованные ботинки, она полуползком добралась до тахты, сунула под голову валик и, не накрывшись, тут же уснула.

Когда она проснулась, в комнате было темно. Аллька почувствовала это, не открывая глаз: не резал веки яркий дневной свет и вокруг царил тишина, несвойственная освещенным помещениям. Аллька попыталась пошевелиться, но почему-то не смогла — любое движение, даже самое легкое, вызывало боль во всем теле. И веки не разлеплялись, будто стали каменными.

Пронзительно, оглушающе зазвонил телефон, но она даже не шелохнулась. Она и помыслить не могла, чтобы встать, сделать пару шагов, протянуть руку, взять трубку. Телефон надрывался, пока в коридоре не послышались шаркающие шаги соседки и не раздался ее недовольный голос:

— Слушаю! Не берет она трубку! Почему я знаю? Спит, наверное.

Алька снова попробовала повернуться, и опять с тем же успехом. Кроме обжигающей физической боли ее больше ничто не беспокоило. Было легко, бездумно, хотелось спать. Долго, много дней подряд. Только глубоко, на уровне подсознания, гнездилась какая-то настойчивая мысль, но Алльке никак не удавалось сосредоточиться и поймать ее.

Снова затрещал телефон, и ей показалось, что сейчас треснет от звона голова.

— Спит! — рывкнула за дверью Элеонора Ивановна.

Что же им всем от нее нужно? Она не может сейчас разговаривать, она хочет спать.

Внезапно Аллька испугалась, что лежит так уже много дней, пропустила работу, репетиции. Теперь ее уж точно выгонят — столько прогулов, срыв концерта. Выгнал же Крет Рыбакова...

А, ну да! Рыбаков! Именно эта мысль свербит мозг, не дает погрузиться в теплый, обезболивающий сон. Кажется, она сделала это. Его отпустят, может, уже отпустили. Это хорошо. Теперь Верка не заберет Дениса, он останется дома, с бабушкой... Хорошо... Машинка... Надо будет отдать ему машинку... потом, потом, когда проснется... Тогда не будет так холодно... Почему так холодно?.. Вспомнила, это она у Васьки... Он гонит ее, а ей холодно... Надо взять тот цветастый плед, и будет тепло, совсем тепло... Господи, снова телефон... Кто это? Васька вернулся? Он не мог... Мама?.. А может, это сам Горгадзе?.. Холодно, до чего же холодно...

Скрипнула дверь. По зажмуренным Аллькиным глазам скользнула полоска света.

— Спишь? — Шаркающие шаги Элеоноры Ивановны приблизились в пустоте и тьме. — Чего трубку не снимаешь? Эй!

Алька хотела сказать, что она не спит, но услышала тихий, жалобный стон и не сразу поняла, что издала его она.

— Да у тебя, девка, жар! — На Алькин лоб легла шершавая, прохладная рука. — Вон еще какой! И трясешься вся. Грипп, что ли, схватила?

Шаги зашаркали обратно. Потом что-то тяжелое опустилось Альке на ноги, и сразу стало тепло.

— Спи, — тяжесть переползла с ног ей на плечи, — а то лежишь без одеяла, немудрено простыть. Я телефон выключу, чтоб не тревожил.

Последнее, что услышала Аллька, были все те же шумные, шлепающие шаги. Дальше все провалилось в вязкую, теплую темноту.

Алька проболела четыре дня. Два из них были выходными, а понедельник Горгадзе приплюсовал к отгулам в счет концерта. Поэтому Алька пропустила лишь один вторник.

Первые дни она лежала не вставая, укрытая ватным одеялом Элеоноры Ивановны, и пила из ее же рук какие-то невероятно горькие отвары. В понедельник пришла врачиха из поликлиники. К тому времени Алька уже могла сидеть в постели и делала десяток нетвердых шагов по квартире до кухни, где пыталась сварить себе кофе, и обратно. Врачиха послушала Альку, заглянула ей в горло, заставила пять минут держать градусник. Температура оказалась тридцать восемь и пять. Докторша черкнула на больничном бланке «ОРВИ», велела прийти в четверг и, порекомендовав полоскания содой и фурацилином, удалилась.

После ее визита Алька почувствовала себя совсем хорошо. Телефон больше не звонил, на кухне Элеонора Ивановна, ворча и бормоча какие-то ведьминские заклинания, готовила куриный бульон. Алька сидела, облокотясь о подушки, и задумчиво разглядывала сизо-фиолетовые синяки на правой руке.

В среду она проснулась в шесть утра и поняла, что совершенно поправилась. Слегка звенело в ушах, ноги оставались ватными, но озноб и боль во всем теле исчезли без следа. Алька подумала с минуту, потом отправилась в душ. Включила горячую воду на полную катушку, прибавила чуть-чуть холодной, залезла под обжигающие струи, чувствуя, как в организм возвращаются силы и бодрость.

Проснувшаяся соседка застала ее на кухне за поглощением аппетитно выглядевшей яичницы с ветчиной.

— Чего в такую рань вскочила? — недовольно пробормотала Элеонора Ивановна, наливая воду в чайник.

— Мне на работу к девяти. — Алька как ни в чем не бывало прикончила завтрак и стала шарить в пачке с сигаретами. Однако там было пусто.

— Какая работа? — возмутилась соседка. — Ты же на ногах не стоишь. Зачем врача вызывали, больничный оформляли?

— Ну его, больничный, — отмахнулась Алька, — закрою в четверг, и ладно.

— Ненормальная. Завтра снова свалишься. Что там у тебя на работе, что поболеть нельзя?

Алька пожала плечами и убежала переодеваться. Она не могла объяснить Элеоноре Ивановне, что ей безумно страшно идти в оркестр на репетицию и от этого страха хочется побыстрее избавиться. Наверняка все уже знают последние новости, и неизвестно, как теперь будут относиться к Альке. Как к героине или как к безумной маньячке, докопавшейся до того, до чего нельзя было докапываться? Кто ж их знает, люди ведь все разные.

Она натянула длинный пушистый свитер из ангоры, чтобы не замерзнуть в ветровке, которую придется надеть вместо куртки. Когда теперь она получит назад свои вещи, Алька и думать не пыталась. Вернуться в Ленкину квартиру казалось ей невыносимым.

День стоял очень теплый, так что ей сразу пришлось расстегнуться. Ярко светило солнце, полностью свободное от облаков, на газонах уже зеленела первая молоденькая травка. Алька шла на работу значительно раньше срока, но ей так было легче. Она не хотела сразу проходить сквозь строй любопытных глаз. Пусть уж лучше встречи с коллегами будут

происходить постепенно, по мере их появления.

Но, конечно, самой первой ей прийти не удалось. Кое-кто из оркестрантов уже сидел на своих местах, репетируя не пройденные дома партии, небольшая компания, как всегда, курила около мужского туалета. Никто ничего не сказал Альке, лишь поздоровались с ней — приветливо, как обычно.

Она стрельнула сигарету, постояла с ребятами, почти не участвуя в общем разговоре, затем пошла в зал, где десятью минутами раньше оставила инструмент.

— Привет, дорогая. — Сзади, обнимая Альку за плечи, стоял Копчевский.

— Здравствуй, — осторожно произнесла Алька, пытаясь прочесть что-нибудь по его лицу. Но лицо было обычным, усыпанным мелкими веснушками и дружелюбным. Разве чуточку более серьезным.

— Мы тебе обзвонились тут за выходные. Сильно болела?

— Простуда. Ерунда, ни кашля, ни насморка, только температура. Первые дни сорок была, потом меньше.

— Бедняга! — присвистнул Копчевский. — Ирка, значит, правильно велела тебя не беспокоить.

— Алик, — Аля пристально разглядывала узор на его свитере, — ты... что думаешь обо всем этом?

Смешливые, золотисто-карие глаза Копчевского словно потемнели и сузились.

— Все нормально, Аль. Не занимайся самоедством. И никого не слушай, если будут болтать. Я... я... если хочешь знать, я тобой восхищаюсь! Да!

Алька улыбнулась и потрепала его по огненно-рыжим волосам.

— Не знаю, как теперь я буду... — печально проговорила она.

— Как раньше, так и теперь. И вообще, — Копчевский снова принял привычный несколько шутовской облик, — давай поговорим о приятном.

«Сейчас снова приглашать начнет, — подумала Алька. — Опять в тот бар или сразу домой. И я, наверное, соглашусь. Это гораздо лучше, чем сидеть одной и непрерывно думать о Ленке».

— Знаешь, кто теперь инспектор? — нетерпеливо спросил Алик.

— Нет, — удивилась Алька такому повороту разговора.

— Угадай с трех раз.

— Не может быть. Ты, что ли?

— Как догадалась? — опешил Копчевский и тут же замахал руками: — Ну да, я же забыл, ты у нас частный детектив, от тебя ничего не скроется!

— Не надо про детектива, — тихо попросила Алька.

— Молчу, — кивнул Копчевский. — Одно только скажу: блат в администрации тебе обеспечен. Можешь даже опоздать пару раз, но не больше.

— Ты очень щедр, — усмехнулась Алька.

— Теперь осталось взять нового директора, и коллектив будет весь с иголочки.

— Как — нового? — не поняла Алька. — А Глотов куда делся?

— Здравствуйте! — Копчевский округлил на Альку изумленные глаза. — А я с ней как с большой! Отвалил Витюша, вслед за Чегодаевым.

— Зачем?

— Да ты что, не в курсе? Это же он всем заправлял в деле с Кретом. И Ирку склеил, для того чтобы она стала инструменты возить — вместо ушедших ребят. Ты ничего не теряла во

время концерта в Большом зале? — Алик выжидающе смотрел на нее, и Алька поняла, что он имеет в виду. Так вот куда делась первая записка — осталась в артистической на полу, когда из Алькиных дрожащих рук выпала сумочка.

— Да, — ответила Алька, — теряла.

— Ну вот. То, что ты потеряла, нашла Сухаревская. Ты чувствовала, какое амбре идет от этой мерзкой писульки?

Алька кивнула, вспомнив запах духов, который источали обе угрожающие записки. Бог ты мой! Как же она раньше не подумала об этом?

— Глотов?

— Витюшу подвела его нездоровая любовь к фирменной парфюмерии, да еще некоторая прямолинейность. Ирка у нас девушка проницательная, и хоть голову слегка потеряла от своего романа, все же ее стали напрягать разговоры, которые наш Ромео вел с ней во время свиданий.

— Какие разговоры?

— Да большей частью об инструментах, которые якобы выгодно вывезти за кордон и там толкнуть по цене, в два раза превышающей отечественную. Она думала, думала, что бы это могло значить, откуда у Вити Глотова такая тяга к шедеврам итальянских мастеров, пока, разыскивая тебя, не позвонила Чегодаеву.

— Ирка ему звонила? — не поверила Алька. — Когда? Она тебе сама говорила об этом?

— Милая моя! Она говорила об этом не мне. То есть и мне, конечно, тоже, но вообще-то мы все беседовали с оч-чень суровыми товарищами из прокуратуры.

— Васька рассказал Сухаревской, что я привезла ему скрипичные паспорта с кретовской дачи?

— Именно. Он, представляешь, в курсе всего был, наш Васька. А с виду — ну прям ангелом казался, только крылышек не хватало!

— Погоди, — остановила увлекшегося Копчевского Алька. — Ты мне про Ирку давай.

— Я и даю, — обиделся Алик. — Чегодаев выложил Ирке все о кретовском бизнесе, и той стало ясно как дважды два, к чему были Витины разговорчики о скрипках. Ух она и рассердилась, ты бы видела ее лицо, когда она про это рассказывала!

— Рассердишься тут, я думаю, — сочувственно произнесла Алька. Бедная Ирка! Вот оказывается, в чем заключался интерес к ней Глотова. А она, похоже, втрескалась в него по-настоящему. — Про парфюм это она первая догадалась? — спросила Аля Копчевского.

— Конечно. Глотов-то на себя небось по полбутылки одеколona выливает каждое утро. Ирка к этому запаху привыкла за последнее время, сразу уловила, что от твоей записки его туалетной водой несет. Он письмо это и набирал на своем компьютере, и домой к тебе лично отвозил, надо полагать.

Алька слушала последние слова Копчевского вполуха и поражалась своей слепоте. Целый месяц Глотов мелькал у нее перед носом, по странному совпадению оказываясь там, где потом происходили зловещие и необъяснимые вещи, а она ни разу не заподозрила его. Весь месяц, с того самого момента, как Алька увидела трясущегося за столиком в буфете Кретова! Он действительно тогда испугался Виктора, потому что знал: тот, в отличие от него, не собирается завязывать с перевозкой скрипок, напротив, мечтает стать в этом деле главным. Павел Тимофеевич готов был увидеть убийцу по кличке Флейта в любом, а в Глотове — в первую очередь, даром что тот не имел к музыке и инструментам никакого отношения. И когда Алька в сотый раз задавала себе вопрос: кто мог подрезать струну на ее

скрипке, она ни разу не вспомнила о Глотове, который оставался в артистической, в то время как все сидели в буфете. Ей просто не приходило в голову подозревать в чем-то Витюшу — беспомощного, вежливого Витюшу, всегда тщательно избегавшего матерных слов, выпивки и сальных анекдотов, казавшегося Альке жалким подобием настоящего мужика. Даже то, как молниеносно и умело завел он роман с Сухаревской, бывшей намного его старше и до этого склонностью к флирту не отличающейся, не насторожило Альку.

Алька очнулась от своих мыслей. Копчевский терпеливо ждал, пока она переварит сказанное им, и время от времени оглядывал зал, будто в поисках кого-то.

— Он успел скрыться? — спросила Алька.

— Успел, — подтвердил Копчевский.

Его тон насторожил Альку.

— Думаешь, кто-то его предупредил? — поинтересовалась она.

— Не исключаю такой возможности.

Копчевский замолчал, и Алька поняла, что он имеет в виду. Ирка, влюбленная в Виктора, могла пойти на такой шаг: дать показания на Глотова, но перед этим предоставить тому шанс исчезнуть.

Что ж, значит, все концы в деле с вывозом скрипок ушли в воду. Четверо из преступной группы мертвы, один скрылся. Теперь, вероятнее всего, мафиозному фонду, который был спонсором Московского муниципального, придется искать новых курьеров за пределами оркестра, если только владельцев фонда не отдадут под суд. На это, конечно, шансов мало, но по крайней мере есть надежда, что Московского муниципального эти деятели будут избегать, а, стало быть, ей, Альке, мести с их стороны не грозит.

— Что еще интересовало этих... ну из прокуратуры? — осторожно спросила она Алика.

— Все интересовало, — вздохнул тот. — И особенно... она... Ты знаешь, что у нее нашли скрипку? Амати, с документами, все как надо.

— Ничего я не знаю, Алик, и знать не хочу. Давай не будем больше об этом!

— Успокойся. — Копчевский похлопал ее по плечу и вдруг просиял: — Смотри, вон твоя подопечная идет!

Мимо шла стройная, миленькая на мордашку девушка, совсем юная, одетая в длинный джинсовый сарафан, с легкими пепельными кудряшками вокруг головы.

— Это еще кто? — удивилась Алька.

— Новая скрипачка. Вчера конкурс играла. Теперь будет сидеть за твоим пультом.

— Такая молоденькая? — ревниво заметила Алька.

— Двадцать, кажется, ей. Но играет будь здоров. Не лучше тебя, конечно, — добавил он поспешно и улыбнулся, видя, как разгладилось помрачневшее было лицо Альки.

— Учится где-то?

— В академии. Третий курс.

— Москвичка?

— Из Екатеринбурга.

— Ты, я вижу, уже хорошо в должность вошел — что ни спроси, все знаешь!

— Стараюсь. — Алик развел руками.

Алька подошла к своему пульту. Девушка уже раскрыла футляр и доставала скрипку. Скрипка была не ах, дешевенькая, современного мастера и не бог весть какого. Но тем, как любовно новенькая обращалась со своим скромным инструментом, тщательно осматривала трость на смычке, подтягивала волос, проверяла струны, она заслужила у Альки одобрение.

Девушка заметила Бажнину, улыбнулась, засуетилась, пододвигая стул. Алька уселась рядом, с интересом разглядывая соседку.

— Я Юля, — представилась девчонка, явно волнуясь. — Мне про вас говорили много хорошего.

— Кто это говорил? — полюбопытствовала Алька, раскрывая футляр.

— Многие. Ирина Александровна, например. Потом еще инспектор.

— Инспектор? — удивилась было Алька и тут же вспомнила, кто теперь выступает в этой должности. — Только давай на «ты»!

— Давай, — обрадовалась Юля. — Тебя ведь Алей зовут?

— Ага.

— Знаешь, я так боюсь, прямо умираю! — Юля сморщила хорошенькое, круглое личико и жалобно поглядела на Альку.

— Чего это?

— Такой оркестр! И все такие крутые! А вдруг я партию не прочту?

— Ну не прочтешь, — успокоила Алька, — потом привыкнешь. Никто от тебя сразу не потребует, чтоб ты все партии с листа читала. Возьмешь домой, выучишь.

— Ты так и делала?

— Иногда, — уклончиво ответила Алька.

— Расскажешь мне про всех? Я ужас какая любопытная! — Юля придвинулась к Альке поближе: — Тут у вас так много ребят интересных. Ты не замужем?

— Нет.

— И я нет, — доверчиво проговорила Юля. — Но ужасно хочу. Все москвичи от меня шарахаются. Сначала клянутся, потом, как узнают, что я в общежитии прописана, так их словно ветром уносит!

Девчонка тараторила без умолку. Алька рассеянно слушала ее, сидя вполоборота на стуле. На том стуле, где прежде всегда сидела Ленка.

Глаза постепенно застилала пелена. Ленка. Единственная, кто, в отличие от Глотова, Омелевского, Саврасенкова и Кретьова, занималась скрипичным бизнесом не ради денег, хотя получила немало за четыре года. Ленка, лучшая Алькина подруга и отныне вечная ее боль. Пройдет много времени, пока эта боль притупится, станет терпимее, глуше, перестанет жечь Альку. Но и тогда Ленка навсегда останется с Алькой — в ее снах, в ее воспоминаниях. Останется не той чужой и незнакомой, с лицом, искаженным болью и ненавистью, сжимающей в руках пистолет, а прежней Ленкой Соловьевой, доброй, мягкой, всегда чуточку более взрослой и мудрой, чем сама Алька. И на мучительный, неразрешенный вопрос, знала или нет Ленка, что подругу собираются убить, и смогла бы выстрелить в нее сама в ту страшную ночь, Алька с течением времени все решительнее будет отвечать: нет, не знала и не могла. Потому что так благодатно устроена человеческая память: темные и горькие моменты стираются из нее, а светлые остаются, становятся ярче, высвечиваются, живут в ней, как живут и дышат старые фотографии в семейном альбоме...

Алька сморгнула слезы и улыбнулась Юле:

— Не переживай. Будешь тут работать, сама себе квартиру купишь.

— Да ты что! — восторженно прошептала Юля. — Не может быть! Врешь!

— Очень надо, — усмехнулась Алька. — А как будет у тебя свой угол, тогда и шарахаться никто не станет. Хотя смотря чего добиваться.

— А чего ты добиваешься? — довольно бесцеремонно спросила Юля.

— Однако ты простая! — хмыкнула Алька. Невзирая на некоторую нахальность, девчонка ей нравилась. С такой по крайней мере не будет скучно ни во время репетиций, ни в гостинице на гастролях. Послушаем еще, как она играет. — Ладно, давай-ка состроимся, потому что вон идет концертмейстер.

К ним действительно направлялась через зал Сухаревская, как всегда деловая, подтянутая, с непроницаемым, строгим лицом. Она подошла к девчонкам, положила на стул скрипку.

— Здравствуй, — кивнула она Альке. — Поправилась?

— Да.

— Что ж, я очень рада. Уже познакомились?

— Да.

Ирка неожиданно улыбнулась. Улыбка у нее была грустной и абсолютно незлой. Почему-то у Альки запершило в горле, и она поспешила отвернуться.

— Инспектор у вас такой прикольный, — шепнула на ухо Юля.

— Копчевский? Есть немного. Он... — Алька кинула взгляд в конец зала, где только что видела торчавшего в дверях Алика. И умолкла на полуслове. Там на пороге, рядом с новоявленным инспектором, спиной к залу, стояла знакомая высокая фигура.

Сердце у Альки сразу покатило куда-то вниз.

«Сиди, — приказала она себе Ленкиным тоном, поспешно опуская взгляд на скрипку, лежащую на коленях. — Ты больше не будешь к нему подходить. Никогда. Он на свободе, и ладно. Ты ведь именно этого хотела, а не чего-то другого».

Она заставила себя вслушаться в Юлину нескончаемую болтовню, а сердце все равно продолжало отчаянно колотиться, как давным-давно, когда в седьмом классе она впервые поцеловалась с самым популярным парнем школы, десятиклассником. Он был взрослым, ослепительным и развязным, а она — маленькой, глупой, умирающей от любви и страха. Никогда потом Алька больше так не волновалась. И вот пожалуйста!

Ее охватила неожиданная злость. Она решительно подняла глаза, но в дверях уже никого не было, а по залу шел белозубо улыбающийся Горгадзе.

— Мамочка! — пискнула где-то под боком Юля. — Ты меня прикроешь, если что?

Алька кивнула.

Репетиция шла долго. Так долго, будто и не было триумфального концерта в пятницу. Отрабатывали программу к Испании, включающую в себя и классику, и поздний романтизм, и кучу современных произведений. Юля держалась молодцом, иногда, правда, фальшивила, но в целом вполне справлялась с разом обрушившейся на нее зверской нагрузкой. Алька, мельком поглядывая на нее, видела серьезное, напряженное лицо, сжатый рот, сощуренные в мелкие ноты глаза. Несколько раз оборачивалась Ирка, глядела на Альку, словно ожидая чего-то от нее, и, не дождавшись, вновь отворачивалась.

Вскоре Алька почувствовала голод. Не окончательно выздоровевший организм требовал компенсации за преждевременную эксплуатацию. Алька нарисовала в воображении, как в перерыве они с Юлей пойдут в буфет и съедят там по порции картошки фри и по киевской котлете. «Надо будет показать ей Дом культуры», — решила она, ерзая на стуле.

Юля, словно услышав Алькины мысли, в секундной паузе прошептала:

— Скоро перерыв? А то я в туалет хочу от волнения. И есть.

— Скоро, — тихо ответила Алька. — Я тебе устрою что-то вроде экскурсии по нашему ДК.

— Ура! — одними губами произнесла Юля и яростно заводила смычком по струнам. Наконец Горгадзе утомился сам.

— Отдыхаем пятнадцать минут, — объявил он, вытирая платком взмокший лоб. Алька аккуратно завернула скрипку во фланелевую пеленку.

— Ну сначала в туалет, а после в буфет, — скомандовала она.

— Какая ты замечательная, — затараторила Юля, складывая инструмент и подталкивая Альку в бок. — Мне так повезло, что я... Ой! — Она осеклась и устремила глаза куда-то вверх. — Кажется, это тебя.

Алькина рука, держащая смычок, застыла в воздухе. Прямо перед ней стоял Валера, заложив руки за спину и терпеливо ожидая, когда на него обратят внимание. Алька даже моргнула от неожиданности — вот ведь подкрался, как кот, они даже и не заметили.

— Аль, привет! — Он сказал это так буднично, словно они виделись не далее как вчера и в самых привычных условиях. — Поговорить нужно.

Алька почувствовала, как теряет дар речи в буквальном смысле этого слова, и кивнула.

— Юль, тогда потом, — в конце концов проговорила Алька, сделав над собой усилие, и с удовлетворением услышала, что голос ее звучит как надо — спокойно, доброжелательно и немного безразлично. «Вот так и надо», — подбодрила она себя, уложила скрипку в незастегнутый футляр и встала.

— Я тебя слушаю.

— Давай не здесь, — предложил Валерка. — Пошли. — Он прошел через зал и направился к лестнице, ведущей на третий этаж. Алька поднималась вслед за ним. Они миновали пустой узенький коридорчик и остановились. Слева была дверь бухгалтерии, по большей части всегда запертая, справа — большое, низкое окно. Снизу раздавались громкие голоса и смех. Прямо перед Валеркой и Алькой начиналась винтовая лестница на чердак.

— Правда, здесь лучше, чем в комнате для свиданий? — сказал Валерка, и Алька не поняла, шутит он или говорит всерьез.

— Наверное.

Он больше не спешил ничего добавить, и ей стало неловко. Надо, пожалуй, что-то спросить, ведь все-таки из заключения человек вышел. Но что? В голову ничего путного не приходило.

— Тебя совсем отпустили?

— Под подписку о невыезде.

— И что теперь будет?

— Ничего. Все будет хорошо. Недели через две обещали разобраться окончательно.

— Что ж, я рада. Как Денис? Он у тебя?

— Да. Он, кстати, о тебе спрашивал. Что-то ты ему передать там хотела — бабушка сказала. Какую-то игрушку, что ли...

— Машинку. Пожарную. Она у меня дома, завтра принесу.

— Спасибо.

Снова повисло молчание. Алька сделала нерешительный шаг назад, полагая, что разговор себя исчерпал.

— Я пойду?

— погоди. — Валерка удержал ее за руку. — Слушай... а как же наша свадьба?

Вот оно что! Это его волнует. Бойтся, бедненький!

— А, ты об этом? — насмешливо протянула Алька, стараясь мягко освободиться. —

Брось, не бери в голову. Я же сама... заварила кашу. Теперь исправила, и ладно.

Она почти в точности повторила Валеркины слова, которые тот говорил ей во время их свидания в следственном изоляторе, и видела, что Валерка это понял и слегка смутился. Так и надо ему, пусть не надеется, что она тут же растает, если он к ней подошел!

Валерка покачал головой, но Алькину руку не выпустил, вместо этого крепко обхватил другую ее кисть. Ладони у него были теплыми и сильными.

— Обиделась? — Они впервые стояли так близко друг к другу, и Валерка настойчиво, в упор смотрел Альке в глаза. — Правильно, наверное, обиделась. Было за что.

— Было, — подтвердила Алька и улыбнулась. — Ладно. Все кончилось, и слава богу. Как вспомню эти жуткие тюремные ворота, изолятор, так дрожь пробирает.

— А может, не так уж и плохо, что он был, этот изолятор? — пожал плечами Валерка.

— Как это? — Алька посмотрела на него с недоумением. — Тебе что, понравилось за решеткой?

— Да не сказать, чтоб очень, — засмеялся Валерка, но глаза его при этом остались серьезными. — Просто, пока я там находился, открыл для себя одну интересную вещь.

— Поделишься?

— Только не сейчас. — Он на секунду освободил Алькину руку, взглянул на часы и снова сжал ее пальцы. — Кончится же когда-нибудь эта репетиция!

— А если я после нее домой спешу? — хитро прищурилась Алька. — Тогда как?

— Тогда? — Валерка удивленно поднял брови, секунду помолчал, потом решительно произнес: — Тогда поговорим об этом завтра или послезавтра. Или... когда захочешь. Так годится?

Алька не успела ответить, потому что в конце коридора показался Копчевский.

— Эй! Совесть есть у вас? — довольно бесцеремонно обратился он к стоявшей у окна паре. — Вас что, весь оркестр должен ждать? Будете объяснительную писать. — Он повнимательней посмотрел на Альку и Валеру, хотел что-то добавить, но потом, махнув рукой, повернулся и начал спускаться вниз.

Репетиция подходила к концу, когда Горгадзе, отложив палочку, подозвал к себе Копчевского и что-то сказал ему вполголоса. Тот кивнул и поспешно вышел из зала.

Сразу стало шумно, усталые музыканты расслабились на своих местах, полагая, что работа на сегодня закончена. Однако Горгадзе сделал вид, что не замечает этого.

Копчевский вскоре вернулся, неся в руках толстую пачку нот, которые тут же принялся расставлять на пюпитры.

Алька взглядела в листок, плавно скользнувший на ее пульт, и покачала головой: ну и номер! Та самая fuga, цифра тридцать четвертая! Оркестр со времени той злополучной владимирской репетиции так ни разу к ней и не возвращался.

Горгадзе дождался, пока все получат ноты, постучал палочкой по дирижерскому пульту: — Минуту внимания! Сейчас сыграем Шнитке, начиная с fugи. Цифра тридцать четвертая, будьте добры.

Алька подняла смычок. Скрипкам начинать это заколдованное, невероятно сложное место. То, с которого, собственно, и начались все ужасные события минувшего месяца. Взмах. Скрипки начали тему, развили ее, плавно передав виолончелям. Алька напряженно вслушивалась в звучание оркестра. Мелодия перешла к духовой группе.

— Чисто играют, — тихонько шепнула сбоку Юля, наклонившись к Альке поближе. Та кивнула, едва заметно улыбнувшись своим мыслям.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

У нее было поистине ВСЕ, о чем только можно мечтать, — талант прирожденной «служительницы муз» и блестящая карьера, деньги и успех, множество поклонников и преданные друзья...

Все — кроме того, о чем она мечтала каждый миг, каждое мгновение своей жизни. Кроме Любви. Любви человека, которому она подарила свое сердце и который упрямо отказывается ответить ей взаимностью.

Но когда ее любимого обвинят в преступлении, когда от него отвернутся все, кто был рядом с ним раньше, КТО рискнет защитить его и заплатить за это самую высокую цену?

Только она. «Не умеющая жить», «наивная» СКРИПАЧКА...

ISBN 5-17-012920-3

9 785170 129201

(095) 913-5380

ПОСЛУШАЙ

РАДИО

ТАШКО

104,2 FM

У нее было поистине ВСЕ, о чем только можно мечтать, — талант, прирожденная «служительница муз» и блестящая карьера, деньги и успех, множество поклонников и преданные друзья...

Все — кроме того, о чем она мечтала каждый миг, каждое мгновение своей жизни. Кроме Любви. Любви человека, которому она подарила свое сердце и который упрямо отказывается ответить ей взаимностью.

Но когда ее любимого обвинят в преступлении, когда от него отойдет все, кто был рядом с ним раньше, КТО рискнет защитить его и заплатить за это самую высокую цену?

Только она. «Не умеющая жить», «наивная» СКРИПАЧКА...

ISBN 5-17-012920-3

9 785170 129201

ПОСЛУШАЙ

РАДИО TANGO 104

Скрипачка

Шатьяна Бочарова

Шатьяна Бочарова

Скрипачка

«... Благодатно устроена человеческая память: темные и горькие моменты иррадируются из нее, а светлые — остаются, становятся ярче...»

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.